

Татьяна Серганова

Айвири. Выбор сердца

Глава первая

Ликаны пришли неожиданно.

За две недели до оговоренного срока, когда никто не ждал.

Первым их заметила Даринка. Коротко взвизгнула, роняя тяжелую плетёную корзину на землю. И алые крупные ягоды дикой малины рассыпались по изумрудной траве, теряясь в лопухах. Ягоды были ароматными, сладкими и терпкими. И собирали мы их с девочками всё утро, изнывая от яркого весеннего солнышка.

За Дариной заголосили другие, замельтешили, бросаясь ко мне со всех сторон, прячась и цепляясь за тёмную юбку.

Мой возглас: «Все ко мне!» — был уже не нужен. Все и так были рядом. Жались друг к другу, дрожали, с испуганным любопытством выглядывая из-за спины, пытаясь разглядеть приближающихся всадников. Слава Лаари, ликаны не так часто приходят на земли Иллиума.

— Ничего, не бойтесь, — добавила я, погладив ладонью по макушке Алии, выпрямляясь и задирая подбородок. — Они ничего нам не сделают.

— Стра-а-а-ашно, — промычала всё та же Дарина со слезами на глазах и закусила зубами уголок белого платочка.

— Всё будет хорошо, — пообещала я.

А всадники всё прибывали, уже целая толпа выехала на небольшую лесную полянку, застыв у её кромки. Ни два, ни пять или десять. Пару сотен отборных воинов в тёмно-синих плащах в полной боевой амуниции. И лошади у них были странные, такие не похожие на наши. Мохнатые, с волосатыми ногами, мощные, коренастые и какие-то приземистые. Они больше походили на быков. И хрипели они жутко. Плюс ко всему доспехи звенели очень угрожающе.

Лаари, каким ветром их сюда занесло, да еще так далеко от основной дороги?

Ручки детей сжимали мою юбку все сильнее. Я чувствовала их дрожь и помочь ничем не могла. Нельзя бежать. Ни в коем случае нельзя.

Ликаны дикие, суровые воины, другие просто в Ардане не выживали. И правила гласили — бежать нельзя, смотреть в глаза опасно, первыми не разговаривать, и вообще всеми силами стараться не попадаться им на пути. Выполнят задуманное и уйдут, оставив лишь слёзы после себя.

Тут от толпы отделились три всадника, которые медленно двинулись вперёд.

— Света и жизни, — поприветствовал нас самый старший из них. Плотный, широкоплечий мужчина с большой густой бородой, украшенной тоненькими косичками.

Приветствие правильное, верное, но страх и тревога никуда не делись. Да еще метка на запястье вспыхнула, словно предупреждая.

— Жизни и света, — произнесла я тихо. — Вы рано.

Еще две недели. Две недели до великого сбора, когда дома княжества заполнят слёзы и стенания матерей, когда сыны Иллиума покинут свою родину, чтобы уйти за снежный перевал в вечные холода Ардана.

Как же так? Как? Почему?

И еще свадьба эта... Завтра ведь должна быть, специально запланировали до сбора. Отец так к ней готовился, гостей созвал. Как праздновать союз двух сердец, когда всё княжество рыдать будет?

— Не мы решаем, — огрызнулась на меня девица, которая находилась посередине, поправляя толстую золотую косу.

Виданное ли дело, чтобы дева на лошадях в латах сверкающих ездилась и боролась наравне с мужчинами?

Но её это совершенно не смущало. Сидела на лошади как влитая, губы кривила и на меня поглядывала.

— Ты лучше скажи, девушка-красавица, как нам до замка князя добраться? — ласково заговорил третий.

Красивый. Золотые кудри, улыбка до ушей и ямочка на щеке. А мне еще тревожнее стало. Таких бояться надо. Не из-за воинской мощи, а из-за речей ласковых, обещаний сладких. Такой любит ярко, как вспышка, а потом также быстро охладевает, переключаясь на новую красавицу.

— Так недалече, — пискнула Фанечка, смешливая девочка с крохотными косичками, которые торчали в разные стороны, и россыпью солнечных веснушек на курносом носу.

— Т-с-с-с, — зашипела Лила, ткнув малышку в бок локтем, из-за чего та пискнула и снова ко мне прижалась.

— Так за холмом город и замок князя, — ответила я, подбородком дёрнув в нужную сторону. — Только тут вы через лес не пройдете. Тропинка есть, но она узкая и петляет. Вам по-другому надо.

— Какому другому?

Голос раздался сзади. Девчонки только успокаиваться начали, а тут опять взвизгнули, шарахнулись, едва с ног меня не сбив.

Обернулась и застыла, чувствуя, как гулко застучало сердце в груди.

Ликан.

Молодой, волосы короткие, темные, назад зачёсанные, открывая лоб, и лишь одна прядка выбилась, упала прямо на глаза. Дымчато-серые, внимательные с чёрным ободком вокруг зрачка.

Я как взглянула в них, так и пропала. Забыла обо всех правилах и запретах, о страхе и девчонках, что снова за меня цеплялись. Лишь метка на руке вспыхнула огнём, предупреждая.

Она и отрезвила, заставила взгляд отвести, отступить.

На мужчине был уже знакомый тёмно-синий плащ и доспехи тёмные, а в руках корзинка знакомая, наполовину ягодками заполненная.

Как же он за спиной оказался? Когда успел подойти, ведь не было никого. А мы прозевали.

Я слышала о том, что ликаны могут двигаться бесшумно, но всё равно замерла, застыла.

— Итан, прекрати. Совсем девушку запугал, — рассмеялся тот золотоволосый с ямочкой на щеке, пытаясь привлечь к себе внимание. — Как зовут тебя, красавица?

Я медленно обернулась.

— А это, лэр, неважно, — пробормотала в ответ и уже громче добавила. — Вам надо вернуться назад, за оврагом будет небольшой просёлок, по нему и доберётесь до деревушки, а оттуда до княжеского замка рукой подать.

— Проводить нас не хочешь?

— Нельзя нам. И возвращаться пора, — прижимая к себе девчонок, отозвалась я. — Мы по тропинке пойдем.

— Что мы сами дороги не найдем? — раздраженно заметила девица, убирая косу назад. — Пускай бежит. На ногах от страха едва стоит, того и гляди, окочурится.

Я проглотила рвущиеся с губ возражения. Уж лучше так и считают. Спокойнее.

— Мы можем идти? — уточнила я, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Можете, — отозвался сероглазый и корзинку мне протянул.

Девочки затихли и даже держаться за меня перестали. Я шагнула вперёд, подходя ближе, но не сильно, так, чтобы дотянуться можно было. И в глаза не смотрела, изучая металлическую брошь на плаще. Странная она какая-то, зверь невиданный, страшный, оскалившийся. На кошку чем-то похожий.

Дотянулась и ахнула, когда наши руки вдруг соприкоснулись. Ни искр, ни дрожи, а в сердце что-то ёкнуло. И рука у него неожиданно тёплая и в то же время сухая, не липкая.

Корзинка выскользнула и непременно бы упала, рассыпая по траве остатки наших трудов, да он не дал. Перехватил у самой земли, удержал и снова мне протянул. А по губам вдруг улыбка скользнула, мимолётная, легкая, а сердце будто ухнуло куда-то.

Прости меня, Лаари. Прости дочь свою неразумную. Говорят, что у каждой послушницы нервы

перед посвящением шалят и глупости тянет делать, но я не верила. А теперь поняла и так стыдно стало. Я всегда знала свою судьбу и всегда легко её принимала, несмотря на слёзы рано ушедшей матери и боль отца. Так было раньше, так будет и впредь.

— Спасибо, — отозвалась едва слышно, беря корзинку с краю и повернулась к затихшим девочкам. — Надо идти.

Мы свернули на тропинку, что змейкой потянулась с поляны к лиственному лесу. Они впереди, а я следом. Шла, едва не спотыкаясь, спиной чувствуя взгляд серых дымчатых глаз.

Так хотелось повернуться, но нельзя. Скрытая длинным рукавом горела на запястье печать Лаари, судьбу мою предопределяя.

До деревни мы добрались быстро. Никто не пищал, не просил подождать и не жаловался на усталость. Мы истратили последние силы, но бежали, стремясь как можно скорее предупредить город о приходе ликанов.

Девочки разлетелись по домам, прихватив с собой корзинку с остатками ягод, а я поспешила к замковым воротам, расталкивая людей, что медленно брели по бульжным мостовым. Кто-то ругался, а кто-то пытался посылать в спину проклятья, но они тут же затихали и вслед меня несли шёпот:

— Лэра Айвири... Лэра Айвири...

И уже никто не смел стоять у меня на пути.

Я так спешила, что едва не налетела на начальника караула.

— Вы? — ахнул он, поддерживая меня и не давая упасть.

И тут же отшатнулся, почтительно склонив голову, пробормотав:

— Света и жизни, лэра.

— Ликаны, — едва дыша от быстрого бега, прохрипела я. — Ликаны идут.

И над городом тоскливо запел горн.

Итан Ларкас

— И как так получилось, что великий и могучий Итан Ларкас заблудился и повёл свой отряд не туда? — ехидно поинтересовалась Джалия, сверкнув светло-голубыми, как снега Ардана, глазами. — А ведь я говорила, что мы не туда свернули, что карта о другом говорит. А ты заладил — надо туда, надо туда. И куда привёл? В тупик. Столько времени зря потратили. Да еще на жаре. Ненавижу это солнце.

— Мы уже неделю в пути. У кого угодно голова закружится, — заметил Феб примирительно.

— Да еще на солнцепёке, — закивал могучий Кaleb. — Ну заплутали чуток, так не страшно. До замка князя Рогнара совсем немного осталось. Отдохнём, поедим нормально, выспимся на перинах, а не жёстких спальниках.

— Угу. Уверена, что к нашему приходу уже всё княжество рыдать будет, — продолжала ворчать девушка. — Зря девку отпустили.

— Что её насильно держать? — спросил силач, теребя тонкую косичку на бороде. — И так испугалась. Ликанов тут тридцать лет никто не видел. И девоньки при ней малые, со страху чуть не попадали. Куда их с собой брать? На горбу нести, так орать будут. Не очень удачный въезд в город будет. Еще с вилами бросятся.

— А я бы познакомился бы поближе с девушкой, — усмехнулся Феб, блестя серо-зелёными глазами. — Интересный экземпляр... вроде обычная, а есть в ней какая-то стать.

— Какая стать? Деревенщина и только, — отрезала Джалия.

— Не скажи. Держалась как с нами? Будто княжна. А волосы какие? Слово черешня тёмная... а глаза... нет, Джалия, не так проста эта девица, помани моё слово.

— Кто о чём, а Феб о бабах, — ухмыльнулась она в ответ. — А мне она всё равно не нравится. Неправильное в ней что-то. Уверена, сейчас растрезвонит всем о нас. Опять в воюющий город

заходить. Итан, ты чего молчишь-то?

Молодой мужчина, что всё это время продолжал стоять на тропинке, по которой убежала незнакомка, медленно обернулся, держа между пальцев сочную ягоду дикой малины.

— А что ты хотела, Джалия? Чтобы нас с цветами встречали, радовались и песни пели? — спросил он и остальные невольно стихли. — Так не будет этого. Ни сейчас, ни потом.

Она осеклась, закусив губу, но сдаваться не собиралась.

— Мы не по собственной воле это делаем.

— Но кого это волнует. Так что не злись на них из-за слёз. Они имеют на это полное право, — отозвался Итан и снова повернулся к тропинке.

Как там сказала Джалия? Ошибся? Пошёл по неправильному пути? Чутье обмануло? Да разве это правда?!

Мужчина не был в этом уверен, скорее наоборот. Там на развилке его словно потянуло сюда. А каждый ликан знает, что надо следовать зову своего сердца, что бы оно ни шептало. Поэтому он сошел с пути, свернул на неприметную тропинку и шел, сам не зная куда и зачем.

Итан почти отчаялся, решил дать команду вернуться, когда услышал детские голоса, смех и тихую песенку. А потом увидел её.

Худенькая, стройная, в простеньком платье, так не похожая на женщин Ардана. Да вообще ни на кого не похожая.

Феб сказал, что никогда не видел таких волос. Да, они у неё были необычные, словно спелая черешня, тёмно-вишневые, сверкающие на солнце. Но не это поразило Итана, а глаза...

Ярко-синие. Как бутоны андерин, красивого цветка, который рос лишь на склонах Ардана. Несмотря на нежные соцветия и кажущуюся хрупкость, это растение было невероятно выносливым, морозостойким и лишь оно могло выжить в условиях холода, который с каждым годом становился всё жёстче.

Именно поэтому отряд пришёл раньше положенного срока. Несмотря на ожесточённое сопротивление и затраченные силы, стужу с каждым годом всё труднее сдерживать. Снег уже добрался до предгорья, туда, где еще недавно царила вечная весна.

Давно надо было признаться, что они не справляются, но что делать дальше, никто не знал. Именно поэтому в этот поход верховный антур отправил своего младшего сына. Не только в качестве главы отряда, но и как представителя ликанов в совете. Надо было убедить князей, что если изменения не последуют совсем скоро, спасать будет уже нечего.

— Пора в дорогу, — произнёс Итан, коснувшись металлической броши на груди.

Родовой знак Ларкасов. Родовой зверь.

А незнакомку он обязательно найдёт. Ликаны никогда не упускают своей добычи.

Глава вторая

— Я просил тебя не выходить!

Я молча перебирала пальцами ягоды малины. Домашняя она была меньше лесной и не такой сладкой. Хотя и выглядела идеально. Яркие плоды правильной формы, ни одного отклонения, всё самое лучшее на стол князя Рогнара. Но они не пахли солнцем и лесом, не были такими сладкими и терпкими, что во рту даже становилось немного горько.

— Разве я здесь в клетке? — тихо уточнила и поднесла к губам ягоду.

— Ты же знаешь, на какой риск я пошел, чтобы ты оказалась здесь сегодня!

— Знаю.

И как бы сильно ни любила его, как бы ни скучала, но не просила этого. Мне хватило смешков и косых взглядов за спиной, когда мать-настоятельница объявила о моём отъезде, и это накануне посвящения. Но то, что не позволено другим, возможно для старшей дочери одного из тридцати князей Иллиума.

Мы оба знали об этом, и оба старались не поднимать эту тему. А сегодня вот коснулось.

— И ты нарвалась на ликанов.

А вот это точно не моя вина. Никто не ждал их так рано и тем более никто не думал, что они заплутают в трёх березах и выйдут на лесную полянку, где мы собирали ягоды.

— Не по своей вине.

— А если бы они...

— Ничего сделать не могли, — возразила я, поднимая на отца глаза. — Ты же знаешь, что это сказки. Ликаны прибыли сюда не для того, чтобы девок по углам тискать. Да и не тронут они меня.

— Ну да, в тех лохмотьях в тебе бы сразу княжескую дочь признали, — фыркнул князь, присаживаясь в кресло.

Он беспокоился обо мне, волновался. Больше чем за остальных своих детей, отказываясь признавать, что я давно выросла. И что с рождения принадлежала не ему.

— Ты же понимаешь, что дело не в одежде, — отозвалась я, дёрнув рукой, и рукав богатого платья сполз, обнажая запястье, на котором темнела круглая метка.

Он лишь раз глянул и тут же отвернулся, уставившись в окно.

— Один из них расспрашивает о девушке с волосами тёмной черешни.

Глупенькое сердечко замерло на мгновение. Но всего лишь на мгновение. Я ведь знала, кто меня искал. Только значения это не имело.

— И что? Ты думаешь ему кто-нибудь расскажет?

— Не посмеет. Но из покоев не выходи. И вообще лучше будет, если ты завтра утром отправишься в обитель.

Против этого я не возражала. Права была мачеха, не стоило мне приезжать. Но мысль о том, что видимся в последний раз, что больше никогда не вернусь в отчий дом, вызывала слёзы на глазах.

— А свадьба? Она состоится? — спросила тихо, переводя разговор на другую тему.

Отец вздохнул:

— Ты же знаешь, как Айва ждала этого дня.

Кто ж не знал. Замок на ушах вот уже полгода стоял. С тех самых пор, как молодой княжич посватался к отцу с просьбой отдать ему свою младшую дочь.

— Знаю. Но... сбор всё-таки. Как можно веселиться, когда слёзы кругом?

— Это наша доля, Айвири. Да и гости все собрались. Не выгонять же их. Все князья откликнулись на наш зов, — произнёс отец и вдруг помрачнев добавил. — Наш и ликанов.

Я едва не выронила ягодку, удивленно на него взглянув.

— А причём тут ликаны?

— Они совет просили созвать.

— Зачем? Что им нужно? Какие еще условия они хотят выдвинуть?

— Не знаю, — он потёр лоб, словно пытаясь сосредоточиться.

И я, повинувшись порыву, вскочила со своего места, поспешила к нему, присаживаясь на подлокотник и обнимая. Сразу же открыла дар, который мягко коснулся его, стирая болезненные ощущения и тревогу.

— Ты всё обо мне заботишься? — благодарно улыбнулся отец, сжав мою руку.

— А как же иначе.

Мачехе я никогда не доверяла.

— Как же я буду без тебя, дочка?

Я вздохнула:

— Мы будем скучать. Но у тебя есть Айва и Оргус. Глядишь и внуки скоро пойдут. Они не дадут тебе тосковать. Так зачем ликаны созвали совет?

— Ходят слухи, что демоны севера стали сильнее... зима всё дальше распространяется по миру, Айвири. Сдерживать её всё сложнее. Надо что-то менять.

— Но что? Еще больше увеличить список? Так это не выход. Люди не выстоят против ледяных демонов. Лишь ликаны способны на это. А мы... мы как мясо.

— Будем ждать знака Лаари. Богиня не оставит нас в беде.

— Я знаю, папа, знаю.

Он поймал мою ладошку и прижал к губам, как раз там, где чуть выше на запястье стояла темная печать богини.

— Ты так похожа на свою мать, — вздохнул отец едва слышно и отпустил меня.

Я в ответ грустно улынулась и встала, поправляя ткань платья.

— Мне лучше вернуться в свои покои.

— Я навещу тебя вечером.

— Хорошо.

Печать Лаари — это великий дар и большая честь для семьи, где рождается такая девочка. Сама Богиня благоволит этому дому, отдав часть своей благодати.

А для отца и моей семьи — это боль.

Князь Рогнар и княгиня Нея ждали рождения своего ребёнка долгих десять лет. Это был счастливый брак, супруги любили друг друга и лишь отсутствие детей омрачало их жизнь.

Десять лет молитв и тоскливого ожидания, когда надежды уже не было. Княгиня даже провела полгода в храме, прислуживая послушницам. Обещала, что заплатит любую цену, отдаст всё, что угодно, лишь бы познать радость материнства.

Её желание сбылось. Лаари услышала молитвы несчастной княгини, и она забеременела. Девять месяцев томительного ожидания и на свет появилась я. Здоровая, крепкая девочка... с печатью Богини на руке.

Матушка прожила сутки, не в силах выдержать правды. Богиня выбрала свою цель, одарила и отняла одновременно. В девять лет мне, как и всем послушницам, предстояло оставить семью и уйти в храм.

Есть дочь и в то же время нету. Как такое пережить?

Отцу пришлось жениться снова. Ему нужен был наследник, а не призрак дочери, которая никогда

не будет принадлежать никому. Когда мне было три года родилась Айва, еще через пять лет Оргус.

Но для папы я навсегда осталась его маленькой девочкой, так похожей на любимую жену. Именно поэтому он все эти годы отказывался отпускать меня.

Договорившись с наставницей, привозил ненадолго домой, даже на свадьбу вот вытащил, хотя до обряда посвящения оставалось совсем немного.

Выйдя из кабинета отца, я спустилась по лестнице, прошла внутренний дворик, направляясь к женской половине замка, улыбнувшись по пути служанкам, что куда-то спешили с широкими подносами.

Когда до неё оставалось всего десяток метров, сбоку послышались голоса. Не знаю, почему я так отреагировала. Но сердце ёкнуло, а ноги сами понесли к ближайшему кусту.

Дожила, уже в собственном саду прячусь от гостей неожиданных.

Но дело было не только в неожиданности, а в холоде. Погожий день, яркое солнышко, пение птиц, лёгкий ветерок, который нёс ароматы цветов и ягод, а мне вдруг стало холодно. У самого сердца кольнула стужа, дрожью пройдясь по телу.

Присев на корточки, я сжала между руками траву, стараясь не касаться колючих веток розы перед собой, и затаила дыхание, пытаясь сдержать рвущийся наружу стон.

Ох, как больно. Словно пальцы в студёную воду засунула.

Так сильно погрузилась в собственные ощущения, что не сразу голоса услышала.

— Ты уверен, что с тобой всё нормально?

Этот голос был смутно знаком. Осторожно выглянув, я увидела меж листьев тёмно-синий плащ.

Ликан. Тот самый с ямочкой, что тогда улыбался мне.

— Феб, прекрати со мной нянчиться.

Вот этот я точно слышала впервые. Усталый и злой какой-то и эта злоба шла изнутри, будто сжигало его что-то, уничтожало.

А холод кольнул сильнее, иголкой проскочив между рёбер.

Он это... из-за него так плохо.

Я постаралась хоть что-то разглядеть сквозь листву и не могла. Лишь синие плащи ликанов. А встать означало выдать себя. А к этому я не была готова.

— Ты весь бледный.

— Прости, загореть не успел, — съязвил тот и вдруг сдавленно охнул.

И этот стон эхом пронёсся у меня в голове, огнём загоревшись на запястье.

Ох, Лаари, да что же это такое?

— Блэйн! — встревоженно вскрикнул первый и, кажется, попытался поддержать друга.

Но тот отмахнулся, прорычал что-то нечленораздельное, забормотав:

— Не трогай... Не трогайте меня... не хочу больше... ничего не хочу...

— Я отведу тебя в комнату, девушки осмотрят тебя.

Незнакомец коротко и зло рассмеялся:

— Эти блаженные? Да они едва ходят. Всё ждут не дождутся, когда избавятся от нас. Не надо... ничего не надо.

Феб всё-таки подхватил его под руку и увел прочь в сторону гостевой части дома.

Я некоторое время еще сидела на коленях, прижимая ноющую руку к груди.

Что это было, Лаари? Что ты хотела сказать мне своим знаком?

Но великая Богиня была молчалива, а метка уже перестала гореть. И даже холод ушел, ничего уже не напоминало о произошедшем.

Стряхнув зелёные травинки с колен, я выползла из-за куста с розовыми бутонами и встретилась с удивленным взглядом одной из служанок.

Увидев, что я её заметила, она смущенно улыбнулась и подошла ближе:

— Вы что-то хотели, лэра?

— Нет, всё хорошо, — пробормотала я и уже хотела отпустить служанку, как в голову пришла мысль. — Хотя постой. Ты не знаешь... что за девушки путешествуют с ликанами?

У меня были подозрения относительно личности этих несчастных, но мне надо было убедиться, потому что поверить... поверить в это было страшно.

Девушка, не помню её имени, покраснела и торопливо отвела взгляд.

— Так воины у ликанов и мужчины, и девушки. Одна тут ходит командует.

Наверняка та девица с золотой косой. Такая точно командовать любит.

— И всё? — продолжала допытываться я.

— Да, — ответила она, отказываясь смотреть мне в глаза.

Точно врёт. Видимо получила приказ молчать.

Да, об этих девушках не принято рассказывать. Если это именно то, о чём я думала. Ну ладно, сама всё узнаю. И совсем скоро.

Отпустив служанку, я продолжила путь в свои покои.

— Это несправедливо! Несправедливо!

Женская половина замка встречала меня прохладой, вкусными ароматами дорогой туалетной воды, цветочных букетов, сладкой выпечки и криками младшей сестры.

Голос Айвы увеличился, стал еще более противным и тонким, еще и эхо подхватило, понесло, увеличивая и без того неприятные ощущения.

Я замерла у лестницы и поморщилась. С младшей сестрой мы никогда особо не ладили. Даже в детстве. В отличие от Оргуса. Но причина была не только в различии наших характеров. Неприязни хорошо способствовала мачеха, которая при каждом удобном случае не забыла мне напомнить о том, кто я есть.

Ну вот... легка на помине.

— Айвири, — произнесла она надменно, спускаясь по ступеням мне навстречу.

— Доброго дня, княгиня, — кисло отозвалась я, склонив голову в приветствии и снова вздрогнула.

— Это ты! Ты во всём виновата! — провизжала Айва, застывая на верхней площадке и грозя мне кулаком.

Ну конечно же я. Кто же еще мог привести ликанов на две недели раньше положенного срока?

— Айва, радость моя, — терпеливо улыбнулась княгиня, подняв голову. — Не стоит винить Айвири в случившемся. Она же ничего не могла сделать. Не так ли? — спросила мачеха, переводя на меня взгляд.

Например, направить отряд по топям и болотам, поплутать с ними пару дней и привести под конец праздника. Вот тогда бы все были счастливы.

— Ненавижу! Ненавижу тебя!

В мою сторону полетела ваза. Судя по тому, как княгиня поджала губы, ваза была дорогой. Но у Айвы всегда наблюдалась проблема с координацией и снаряд цели не достиг.

— Если бы не ты, я была бы уже замужем за Миром! — разрыдалась сестра.

А вот тут она была права.

Всё дело в отце. Он специально задержал церемонию на пару дней, чтобы я успела приехать. Последние дни дома. После посвящения приехать уже не получится.

— Тебе бы успокоиться, Айва. Хочешь я травки заварю? — с улыбкой спросила у неё.

— Отравить меня решила?!

— Не стоит так шутить, — строго отчитала меня мачеха.

— Я просто предложила помощь, — ответила я, возобновляя путь по лестнице. — Завтра свадьба. Увидит тебя завтра Мир такую опухшую от слёз, заплаканную и...

... «сбежит» ...

— ... и расстроится, — закончила я поспешно, поравнявшись с княгиней.

— Мама!

— Тебе надо успокоиться, радость моя. А тебе, Айвири, — меня удостоили раздраженным взглядом, — стоит вернуться в свои покои. А то слухи разные ходят. Говорят, ликан с серыми глазами девушку разыскивает. С волосами цвета черешни.

Испугать меня решила? Так не получится.

— Именно в свои покои я и иду, спасибо за заботу, — отозвалась я, прошла мимо сестры, спокойно и чинно проплыла по коридору, вошла в свою комнату и осторожно прикрыла дверь.

Вот теперь можно было выдохнуть.

Глава третья

Лаари — богиня жизни и света. Юная, вечная красавица, один взгляд на которую лишает дара речи. Её губы — лепестки роз, её щеки — нежный персик, глаза — бездонные озера, волосы — золотое облако. Её стан узок, а бедра круглы. Голос прекрасен, а движения плавны. Само воплощение неземной красоты.

Она наша жизнь и наше спасение.

Лаари защищает наш мир от снежных демонов севера. Именно благодаря ей у нас всегда царили весна и лето, мы не знали голода и холода, по три-четыре раза в год собирая богатый урожай.

Она сама жизнь, а мы верные послушницы, носители этого дара.

С девяти лет нас учили пользоваться им. Мы всегда знали о своём предназначении и гордились этим. Великая честь и великая сила, которой отдавали себя и свои жизни. Послушницы Лаари принадлежали только богине и этому миру, но только не себе.

Но это не мешало видеть сны.

Он приходил ко мне часто... пару раз в месяц.

Один и тот же сон.

Я шла по аллее храма, розовой от распустившихся розанов, лепестки которых украшали узкую дорожку. Шлейф платья, такого невесомого и красивого, словно сотканного из нежно-голубого облака, мягко волочился следом.

Я судорожно сжимала в руках букетик синих цветов. Никогда не видела таких: крохотных, ярких и ароматных, их запах кружил голову. Сколько ни искала в оранжерее при храме, но не смогла найти таких же.

Волосы причёсывала мне мама. Она собственноручно заплела тонкие косички, которые заколола на затылке и скрепила гребнем из драгоценных камней. Так и должно было быть. Мать провожает и наряжает свою дочь перед тем, как отдать в руки избранника.

Я чувствовала её присутствие за своей спиной, но обернуться боялась. Всё шла и шла вперёд, укрытая мягким пологом прозрачной фаты, края которой были украшены крохотными жемчужинками, переливающимися на солнце.

Он ждал меня у алтаря, скрытым под тенью двух самых старых розанов.

Жених... моя любовь и моя жизнь.

И сердце, глядя на него, привычно ускорило ритм, а щеки заалели.

Он здесь. Он пришёл.

Я невольно ускорила шаг, не в силах больше быть вдали от него. Мы так долго были в разлуке. Целую жизнь.

Уже всё готово к церемонии. Сама мать настоятельница готова нас поженить. Она стояла с мягкой улыбкой на губах, держа в руках алую ленту и ритуальный ножик с сапфировой рукояткой.

Быстрее-быстрее. Сердце колотилось как сумасшедшее.

Еще немного и вот я уже рядом с ним, жду, затаив дыхание, когда он обернётся, одарит меня своей улыбкой, от которой подкашивались ноги...

Обычно на этом моменте я просыпалась, так и не увидев лица своего жениха, но не сейчас.

Он медленно обернулся, призрачная тень, у которой я могла различить лишь силуэт. Исчезла аллея, розаны, алтарь, и настоятельница. Все исчезло, кануло в небытие, растаяв в белой дымке.

Стужа, холод, колкие снежинки, застывающие на моём лице. Замерев, я смотрела в прозрачные белые глаза ледяного демона, что встал передо мной.

Безэмоциональное узкое лицо, лишь немного похоже на человеческое, тонкие губы, провал вместо носа, длинные белые волосы, которые на кончиках превращались в танцующие снежинки.

Крик застыл на губах, когда демон начал тянуть ко мне свои скрюченные длинные пальцы с острыми когтями.

— Айвир-р-р-ри...

Еще немного и коснётся, схватит, утащит в своё логово...

Букетик синих цветов выскользнул из рук и медленно упал в снежный сугроб.

Бум...

И я проснулась.

Ох, Лаари, что же это? Раньше всё было иначе. Откуда в снах появился северный демон? Неужели это моя судьба? Сгинуть в холодной стране, став невестой монстра?

Выбравшись из постели, я подошла к окну, которое служанка на ночь прикрыла, и распахнула створки, вдыхая свежий ночной воздух.

Именно в этот момент небо прорезала кривая молния, загрохотал гром и тяжелые капли дождя упали на землю, застучали по крышам. Сначала их было немного, но дождь набирал обороты и скоро на город обрушился самый настоящий ливень.

Я протянула ладошку вперёд, собирая прохладные капельки.

— Что ж, — прошептала тихо, всматриваясь в чёрные тучи, которые заволокли небо. — Кажется, поездка пока отменяется.

Вернувшись в кровать, я долго не могла уснуть, ворочалась с одного бока на другой, всё вспоминала жуткого демона с белёсыми глазами и пальцами-когтями. Как самый сладкий сон вдруг превратился в жуткий кошмар? И что он значит? Неужели будущее моё определяет.

Ответа не было. Через час или два, убаюканная музыкой дождя, я всё-таки смогла уснуть, обняв подушку. В этот раз обошлось без сновидений.

Проснулась от непонятного шума.

— Давайте, давайте быстрее...

Голова болела, глаза открывались с трудом. Заставив себя подняться, я встала с кровати и подошла к двери, открывая её и выглядывая наружу.

Кругом царил хаос, бегали служанки, едва не сталкиваясь друг с другом, запыхавшиеся, взволнованные. Они таскали какие-то полотенца, наряды, украшения, тарелки с фруктами, корзины цветов и еще кучу всего непонятного.

И командовала всем этим мачеха.

Она стояла на первом этаже и руководила, отдавая приказы, каждой несчастной, что мимо неё пробежала.

— Ты! Неси это к приданному! Украшения княжне. Я же велела убрать этот чай! Она не хочет чай! Мне воды и быстро! Цветы-то, цветы куда потащила?! Живо назад! Гирлянды в замок. Что за бестолковые девицы?! В могилу меня вогнать хотите своей глупостью?

— А что здесь происходит? — спросила я, подходя к перилам и чуть свешиваясь.

Служанки замерли на мгновение, поднимая на меня взгляд, и снова заспешили по своим делам.

Мачеха недовольно поджала губы.

— Проснулась? — произнесла она таким тоном, словно я все эти дни только и делала, что спала.

— Доброго утра, — запоздало поприветствовала я княгиню, заплетая волосы в обычную косу.

— Доброго, как же. Свадьба у нас сегодня, если ты не забыла. Как можно быть такой невоспитанной? У Айвы праздник, а ты думаешь только о себе! Провалилась всё утро, а помогать кто будет?

Я пропустила её замечания мимо ушей, так же как делала все эти годы.

— Помогать? А почему меня раньше не разбудили? Отец же сказал, что утром меня отправят назад в храм.

— Гроза началась, — отозвалась мачеха. Её тоже не радовало моё участие в празднике. — Князь решил не подвергать твою жизнь риску. Хотя какой риск... ну промокла бы чуть-чуть. Закалка

нужна для послушницы и даже полезна.

Хм. А если бы меня смыло небольшим наводнением, так вообще было бы прекрасно.

— Так что давай быстрее, собирайся. Слугам нужна помощь, — скомандовала княгиня.

— Какая помощь?

Мы же вроде бы всё подготовили к церемонии еще вчера.

— Дождь идёт, приходится всё переносить в замок. Что за невезение! Лаари смеётся над нами, подсовывая одну каверзу за другой. Так что быстрее, быстрее! Айвири, у нас не так много времени.

Спорить с мачехой было бесполезно, поэтому я кивнула и вернулась в комнату. Переодевшись в обычное тёмно-зелёное платье, спустилась вниз. Волосы я убирала в простенький серый чепчик уже на ходу.

Выпросив у одной из служанок передник, подвязала его на талии.

— Возьмите, — шепнула девушка, всунув мне в карман передника ароматный пирожок. — А то без завтрака. Княгиня с княжной себе подносы заказали, а вы... покушать надо.

Она замолчала, неожиданно смутившись, быстро оглядевшись.

— Спасибо, — поблагодарила я девушку, сжав её ладонь. — Большое спасибо.

Нас учили обходиться без пищи, так что с голоду бы я не умерла, но эта забота... так на сердце приятно стало.

Широко улыбнувшись, я выскочила во дворик прямо под проливной дождь, беззаботно рассмеявшись, когда капельки попали за шиворот. И, не теряя времени даром, побежала на противоположную сторону, плутая по узким дорожкам, перепрыгивая лужи, почти ничего не видя перед собой.

Именно поэтому не успела вовремя среагировать и со всего размаха на кого-то налетала.

— Прошу прощения, — начала я и осеклась, взглядевшись в лицо мужчины.

Отскочила, пряча руки за спину и дрожа уже не от прохладного дождика, который неожиданно стих и заморосил, а от совсем иных чувств.

— Ты? — Серые глаза удивленно расширились, когда ликан вглядывался в моё лицо. — Это ведь ты.

Надо же. Какой глазастый, разглядел. Даже в этом уродливом чепце смог узнать. Значит, и правда искал.

— Простите, — пискнула я и попыталась обежать мужчину, вставшего на пути.

— Подожди! — крикнул он, решил поймать меня за руку.

Но не тут-то было, я тут же шарахнулась в сторону, наступив двумя ногами в лужу.

— Мне надо бежать, лэр, — заявила испугано и, подхватив юбку, припустила дальше по тропинке.

Признаюсь, глупое решение. Я только что нарушила одно из правил общения с ликанами. Убежала. Вот же гусыня. Как же так! Но встреча была настолько неожиданной, и я совершенно не знала, как себя вести. Вот и совершила глупость.

Надеюсь она ничем мне не аукнется.

Самое главное сейчас, чтобы ни он, ни его сородичи не узнали о том, кто я такая. Это остальные двадцать девять князей закрывали глаза на моё появление в замке, понимая боль утраты отца, а ликаны это совсем другое. И послушнице не место в замке. Это прямое нарушение правил обители, которое строго каралось.

Конечно, надеяться, что мужчина оставит попытки догнать меня или пойти следом, было очень самонадеянно. Ну и ладно. В таком виде я мало похожа на княжну, а метку за длинным рукавом не разглядеть. Слуги не болтливые и никто не выдаст. Считает меня служанкой, пусть так и будет.

Свернув за угол, я поспешила в главный зал.

Дождик закапал сильнее и надо было спешить. Не хватало еще подхватить простуду. Это других мы можем излечить и поставить на ноги, а вот собственные болезни проходили крайне сложно.

Поэтому мы много закалялись, дабы не допустить ослабления здоровья.

Вбежав внутрь, я поправила чепец, который так и норовил упасть на глаза и огляделась. Так, мужчины успели перетаскать все скамейки и теперь расставляли их в центре зала, оставляя между двумя рядами небольшой проход.

Красной ковровой дорожки еще не было. Это и понятно, затопчут слуги своими грязными ножищами. Её расстелют потом, перед самой церемонией.

Служанки уже успели украсить алтарь живыми цветами: лилиями и белыми розами, повязали бело-голубыми и золотисто-желтыми лентами. Цвета домов невесты и жениха.

— Помощь нужна? — сходу произнесла я и широко улыбнулась, внося небольшую сумятицу в работу слуг.

— Лэра, — ко мне со всех ног спешила старшая экономка. — Вы то что тут делаете? — обеспокоенно спросила она, подходя ближе.

— Тс-с-с, — только успела шепнуть я, спиной чувствуя взгляд внимательных дымчато-серых глаз.

Пошел всё-таки следом. Вот настырный тип. И как теперь отвязаться? Пока на ум ничего не приходило.

Лэра Томени мельком взглянула мне на за спину и понимающе кивнула.

— Княгиня прислала меня вам на помощь, — отрапортовала я, улыбнувшись и нащупав в кармане пирожок.

Оставалось надеяться, что он не успел намокнуть. Надо его съесть как-нибудь побыстрее и желательно в одиночестве. Подальше от любопытных глаз. А то до торжественного обеда еще времени много. Да и не факт, что у меня получится там побывать.

— Княгиня? — переспросила экономка и её брови удивленно поползли вверх. — Вот же змеюка.

Я чуть не прыснула от смеха по поводу весьма точной характеристики мачехи, но сумела сдержаться, быстро покачав головой и снизив голос до шепота.

— Тихо, лэра Томени, даже у стен есть уши. А княгиня давно мечтает сместить вас с поста. Так зачем помогать ей в этом?

— Подавится. Пока князь здесь распоряжается, я не уйду, — гордо заявила она.

Женщина когда-то была личной горничной моей матушки, но за годы служения дослужилась до должности экономки. Она очень сильно любила первую княгиню и страшно горевала после её смерти. И именно лэра Томени вырастила меня, дав то материнское тепло и любовь, которые мне так не хватало.

Отец ценил её и несмотря на все уговоры жены, отказывался увольнять.

— Ох милая, не здесь ты должна быть, не здесь, — печально вздохнула пожилая женщина.

А я лишь равнодушно пожала плечами, продолжая чувствовать между лопаток пронзительный взгляд мужчины.

Вот же настырный. Всё не уходит. И чего смотрит? Так и дырку прожечь недолго.

Обернуться хотелось жутко, но я лишь сильнее сжала кулаки.

— Даже не знаю, какую работу тебе дать, девочка. Не для тебя всё это.

— Для меня, лэра Томени. Для меня. Вы же знаете, — поспешила заверить её я.

— Знаю, знаю. Пойдем, поможешь мне цветы по вазонам расставить. Надо будет задрапировать их тканью и поставить вдоль прохода.

— Хорошо, — ответила ей и вздрогнула, услышав рядом:

— Доброго утра, уважаемая лэра, может и я для чего сгожусь?

Не знаю, каких трудов мне стоило не обернуться, услышав этот голос совсем рядом с собой. Надо же как близко подошел.

И мир вокруг нас затих. Это было совсем не преувеличение, вызванное близостью с ликаном.

Гомон, разговоры слуг стихли, они побросали свои дела, повернувшись в нашу сторону, жадно вслушиваясь в разговор, ловя каждое слово.

— Жизни и света, почтенная лэра, — произнёс мужчина, остановившись в нескольких шагах за моей спиной.

А по ощущениям, что совсем рядом. Что стоит мне только закрыть глаза, чуть откинуться назад и я почувствую осторожное прикосновение горячей ладони к своей спине.

И ощущения были такими яркими, что между лопаток кожа загорелась.

— И вам света и жизни, уважаемый, — уперев руки в бока, произнесла женщина.

Старую Райму Томени сложно было удивить, испугать или сбить с толку. И ликанов она не боялась, несмотря на внушительный и грозный вид последних.

— Вы чего застыли? — повысив голос, прикрикнула она, повернувшись в сторону слуг. — Работа сама за себя не делается. А перед княгиней сами отчитываться будете. До церемонии всего три часа осталось. Столько успеть надо! Так что быстрее-быстрее!

Упоминание мачехи подействовало. Все снова засуетились, запрыгали, возвращаясь к своим делам.

— Я, пожалуй, тоже пойду, — пробормотала едва слышно, мечтая оказаться как можно дальше от ликана.

Его сила подавляла, заставляя сердце трепетать от новых, непонятных чувств.

— Иди, милая, иди, — улыбнулась Томени, пропуская меня вперёд и тут же перегораживая путь мужчине, закрывая собой. — Так что вы хотели, любезный?

— Помочь, — донеслось в ответ.

Я подошла одной из девушек-служанок, которая аккуратно собирала букеты из роз и лилий, украшая их лентами, старательно делая вид, что ничего другого её больше не интересует. А сама невольно вслушивалась в разговор.

— Да где это видано, чтобы гости дорогие работали? — заохала экономка, специально выделив интонацией предпоследнее слово. — Не положено это. Меня князь со свету сживёт.

— Так я сам вызвался.

— Господин, да как же так, я же говорю, не положено.

— Я же от чистого сердца, — вот настырный какой. А голос приятный, с бархатистыми нотками.

— Да я разве иное говорю? Только что же вы делать будете?

— Да что скажете. Я сильный.

От волнения у меня страшно дрожали руки. От неловкого движения острый шип розы впился в палец, и я охнула, прижимая подушечку к губам, слизывая капельку крови.

Стоявшая рядом со мной девушка вдруг задрожала и дёрнулась в сторону, едва не свалив уже готовые букеты на пол.

Странная она какая-то. Чего так дёрнулась? Ответ нашёлся быстро.

— Больно? — осторожно спросил ликан, внезапно оказавшийся рядом.

Как я сама не заорала, не знаю.

Только обернулась медленно-медленно, опуская руку и пряча её за спину.

— Нет... не больно, — отозвалась тихо, заглядывая в дымчато-серые глаза и забыв все запреты.

— Лэр, — подала голос Томени. — Спасибо за предложение, но помощь нам не нужна. И дело не только в вашем положении. От вас все слуги шарахаются, девчонки чуть сознание не теряют. А у нас работы много. Так что, будьте так любезны, позвольте нам заниматься своей работой.

Как она его... Я бы так не смогла. И ведь не испугалась.

Ликан повернул к ней голову.

— Прогоняете меня?

— Разве я бы решилась? Просто прошу удалиться.

— Возражать не стану. Только имя у девушки узнаю. В прошлый раз она так и не представилась. А меня убедили, что такой в замке князя нет. Какая она оказывается незаметная.

— А если девушка не желает знакомиться, — подала голос я, вновь привлекая к себе его внимание. — Вы продолжите настаивать и требовать? У нас все знают о ликанах, все знают, за чем и за кем вы приходите в каждое княжество по очереди. Каждый год. А также нам известно, что ни один из них не возьмёт против воли девушку. Или это не так?

Промолчал, лишь губы сжал и прищурился опасно. Только меня не запугать.

Я уже успокоилась и готова была дать отпор. Несмотря на метку, я оставалась княжеской дочерью, хоть и титул не носила.

— Ты права... лэра, — отозвался он, отступая, чуть склонив голову.

Мне даже стыдно стало на мгновение. Но всего на чуть-чуть. Лучше сразу перерубить всё это, остановить. Пусть считает меня зарвавшейся служанкой. Чем узнает правду. Отцу не простят.

Но даже после его ухода работа не спорилась. Букет я составить помогла. Руки все исколола, хотя такого раньше никогда не было. Да и на вопросы отвечала невпопад, ненадолго застывала, вслушиваясь, вернётся ли ликан или нет.

Но он так и не пришел.

— Идите, лэра, идите, — произнесла экономка, отнимая у меня цветы. — Вы и так достаточно сделали.

— Но...

— Идите.

Я благодарно кивнула и поспешила назад. Решила пройти не через дворик, а через дом. Судя по звукам, дождь стал еще сильнее. Пусть путь окажется в два раза длиннее, зато не промокну и подумать время будет.

Но стоило мне пройти коридор и свернуть в один из залов, как там меня ждали новые неприятности.

Глава четвёртая

— Это кто это у нас тут такой красивый и такой занятой? — фальшиво улыбнулся молодой княжич, вставая у меня на пути.

На него, слава Лаари, я не налетела, вовремя остановившись.

Судя по бегающим чёрным глазкам, хмельному перегару и глупой улыбочке завязтого бабника, молодой человек уже успел хорошенько приложиться к обширному винному запасу батюшки. И это с самого утра.

Кажется, кто-то начал отмечать праздник гораздо раньше остальных.

— Доброго утра, — почтительно произнесла я, склонив голову и опуская глаза.

Уж если играть роль служанки, то до конца. Проблема в том, что это не ликан. Это у воинов севера были правила, от которых они не отступали и неукоснительно соблюдали, молодые вельможи, особенно княжеских кровей, к сожалению, такой принципиальностью не страдали и за служанками волочились.

— Хорошенькая какая, — продолжал улыбаться княжич.

И что он мог рассмотреть в тени, да еще с этим жутким чепчиком на голове, который скрывал чуть ли не пол лица?

Судя по пурпурной ленте и золотой звезде на ней, это был один из сыновей князя Сангара из южного княжества Аули. А его жители, как и правители, терпением и благородством манер никогда не отличались. И вообще слыли взрывными и импульсивными задирами.

— Прошу прощения, княжич, но мне надо идти, — терпеливо произнесла я, решив пока не называть ему свой титул и родословную.

Глупая, я еще верила, что смогу обойтись без демонстрации метки.

Но не тут-то было.

Тревога, беспокойство и неожиданное прикосновение... совсем крохотное, но чужое, неприятное. Оно было таким быстрым, что я даже среагировать не успела, когда подкравшийся сзади другой княжич стащил у меня с головы чепчик. Коса тут же пала на спину, а короткие пряди на лицо.

— Ты смотри, какая редкость, — пропел он тут же, продолжая сжимать чепчик в кулаке.

Красное и черное.

Еще одно южное княжество. Кинари, ближайшие соседи Аули.

Высокий, на полторы головы выше меня, худощавый парень со светло-карими глазами, тёмно-каштановыми волосами с лёгкой рыжиной.

Рядом с ним еще один наследник великой семьи с бледно-зелёной лентой на груди в изумрудную полоску. Цвета княжества западной части материка. Карнир находилось в болотной местности и славилось своими грязевыми целебными источниками, которые так любила знать.

И как этот светлокожий с крохотными веснушками по всему лицу затесался в компанию к южным прохиндеям?

— У нас такой цвет называется кьяри, — вытянув руку вперёд и пытаясь схватить меня за косу, произнёс черноглазый, но я вовремя успела увернуться. — Цвет самого дорогого вина.

Знаю. У отца в личной коллекции было припасено бутылок двадцать-тридцать. Специально для особенных случаев.

— И куда ты так спешишь, красавица? Почему игнорируешь? — поинтересовался княжич Кинари, продолжая сжимать чепчик в руке.

— Работы много.

— У нас для тебя тоже есть... работа, — произнёс рыжий и громко захохотал.

А я уже не была уверена, что глаза его блестят лишь из-за выпитого вина.

Надеюсь, мой отказ не спровоцирует скандала?

Ох, о чём я только думала? О чём волновалась? Не я виновата в том, что княжичи не понимают слова нет. И не мне должно быть стыдно.

— Пропустите меня, лэры, — потребовала я, повысив голос.

— Надо же, какая строптивая, — отозвался болотный княжич.

— Ничего, сейчас научим манерам, — добавил черноглазый.

— Объясним, как надо общаться с высокими гостями, — угрожающе прошипел рыжий.

И они начали медленно меня окружать.

Да, по хорошему теперь точно не получится.

Надо будет не забыть попросить леди Томени провести ещё одну беседу со служанками. Страшно подумать, что бы случилось, если бы им попалась не я. А обычная девушка. Та, которая не смогла бы дать отпора. И отцу надо сказать. Гости гостями, но вести себя надо прилично.

Я уже открыла было рот, чтобы высказать им всё, что думаю, и продемонстрировать метку, как меня опередили:

— Девушка же попросила оставить её в покое.

Ликан.

Он стоял, прислонившись плечом к одной из двенадцати колонн, украшающих длинный широкий коридор с множеством узких окошек по левую сторону. Сами же колонны располагались справа и были вырублены из вековых сосен, которые невозможно было обхватить руками. Каждую из двенадцати украшал свой неповторимый рисунок, вырубленный мастерами задолго до моего рождения.

Ту, на которую опирался ликан, изображала древних охотников с острыми мечами и изогнутыми топорами, преследующих красивого молодого оленя с ветвистыми рогами. В детстве я всегда верила, что охотникам никогда не удастся поймать это величественное животное и они будут веками гоняться за ним. Так собственно и было, но только в этой композиции. В жизни к сожалению всё иначе.

А я застыла у колонны с лесными волшебницами, тоже очень символично.

Северянин вступился за меня перед молодыми княжичами, но сам остался стоять на месте, только глазами недобро сверкал.

Именно взгляд и внушал трепет. Потому что вся остальная поза выглядела обманчиво расслабленной: сильные руки, скрещенные на груди, наклон головы в сторону, равнодушное выражение лица.

— Ты это... — не слишком уверенно промямлил болотник и, бросив взгляд на товарищей, добавил: — Иди... иди, куда шел.

— А я куда не шел. Стою, смотрю, наблюдаю, как вы на девушку втроём наброситься решили, — отозвался мужчина спокойно, а сам на меня смотрел.

Южные княжичи посмелее оказались и от неожиданного вмешательства в себя пришли быстро.

— Ты как с нами разговариваешь?! — разгневанно вскричал княжич Аули. — Не видишь, кто перед тобой?

— Отлично вижу, — всё так же невозмутимо отозвался ликан и кивнул на каждого. — Княжич Елизар из Карнира. Аймак из Аули. И Заир из Кинари. Не так ли?

— А ты кто такой? — тут же спросил Аймак.

— Итан Ларкас, сын верховного антура Ардана и представитель своего народа на совете тридцати княжеств.

Я сглотнула. Знала ведь, что не так прост этот сероглазый, а всё равно впечатлилась. Надо же сын верховного антура, повелителя всех ликанов, самого сильного воина своего рода. Легенды говорят, что он обладал такой силой, что даже ледяные стрелы демонов не могли его убить.

— И что? — не слишком уверенно отозвался Заир. — Иди куда шел, а нам не мешай.

— Обязательно. Как только девушку отпустите.

— А ты здесь не командуй. Мы её первыми нашли! — огрызнулся Аймак.

Южные княжества более двадцати лет не видели ликанов и уже забыли слёзы матерей, вынужденных отдавать своих сыновей воинам севера. Забыли древний договор, нарушение которого каралась смертью для любого, будь ты хоть крестьянин, хоть торговец, хоть ремесленник, хоть князь. Скорее всего, оба княжича родились уже после сборов, проходивших в их странах. Вот и забыли правила.

Правда не все. Елизар должен был помнить. В его княжество ликаны приходили лет двенадцать назад. Вон как юноша напрягся и от друзей стал медленно отходить. Правильный выбор сделал.

А вот отцу мне все рассказать придется. Распустили князя своих сыновей. Раз они смеют так разговаривать с защитниками мира. Очень бы не хотелось, чтобы младший брат вырос таким же.

— Мне и правда лучше уйти, — произнесла я, надеясь таким образом хоть немного разрядить атмосферу.

Если я уйду, то им и делить будет нечего.

Но не тут-то было.

— Стоять! — рявкнул Заир, хватая меня за руку, как раз в том самом месте, где за длинным рукавом была скрыта метка Лаари.

Дальше произошло несколько вещей одновременно.

Метка на запястье вспыхнула.

Рыжий княжич охнул от неожиданной боли, отпуская меня.

Я, почувствовав свободу, отскочила в сторону, едва не налетев на ликана, который по всей видимости поспешил мне на выручку, за несколько секунд преодолев разделяющее нас расстояние.

И в коридор вышел князь Саир со своей свитой.

— Что здесь происходит? — повелительно спросил он, осмотрев нашу компанию.

— Девка, — болезненно выдохнул рыжий, баюкая онемевшую руку. Мой чепчик жалкой тряпкой валялся у его ног. — Девка чуть не убила меня. Это что за порядки такие в Иллиуме, если обычная дворовая баба на жизнь княжича посягает?

— Или что это за княжич, которого одолела девушка, на которую он сам первый и напал, — насмешливо произнёс северянин.

— Жалкая ложь! Мы не нападали! — взвизгнул Аймак. — Я требую созвать совет! Требую наказать этого... этого...

Слова у черноглазого кончились, а на помощь и поддержку ему никто не спешил. Елизар вон совсем к стене прижался, явно мечтая с ней слиться.

— Помолчите! — прикрикнул старый друг отца и повернулся ко мне, приветствуя. — Света и жизни, лэра.

— Жизни и света, князь Саир, — склонила я голову в ответ и добавила с улыбкой. — Рада видеть вас в добром здравии.

— Твоими молитвами, дитя. Позволь мне принести тебе и вам, лэр Ларкас, мои извинения за действия этих недостойных. Даю слово, что об их поведении будет немедленно доложено их родителям.

— Что?

— Как?

— Почему?!

— Извинения принимаются, — прервал стенания юношей, ликан. — Долга чести требовать с них не стану.

Я облегченно вздохнула, мысленно благодаря Лаари за заступничество.

— Благодарю, лэр.

— Спасибо за помощь, князь Саир. Но мне действительно пора бежать, — произнесла я, больше не желая участвовать в этих разборках.

— Я провожу, — тут же вмешался молодой мужчина.

— Не стоит...

— Но я настаиваю. В замке сейчас беспокойно. Свадьба единственной дочери князя, сбор и совет. И всё в такой короткий срок.

— Ларкас прав, Айвири, — неожиданно поддержал его Саир. — Сопровождение тебе не помешает.

И я была вынуждена сдаться.

Итан Ларкас

Айвири...

Айвири...

Айвири... красивое имя. И так ей шло. Мужчина повторил его про себя еще несколько раз, не для того, чтобы запомнить. Услышав раз, оно навечно впечаталось в памяти. А просто потому что хотелось. И внутренний зверь довольно заурчал, признавая.

— Вам не стоило вмешиваться, лэр, — произнесла девушка, спеша по длинным коридорам замка.

Она легко ориентировалась в них, и даже ни разу не сбилась с пути и не замедлила шаг. Наоборот даже немного ускорила, словно хотела сбежать от него, скрыться.

И это еще больше подзадоривало зверя, заставляя глубинные инстинкты, которые обычно дремали в мирной жизни, просыпаться.

— С ними ты была не так категорична, как со мной, — заметил мужчина, искоса наблюдая за ней.

Поэтому он и шел чуть сзади и не спешил догонять. Так ракурс был лучше.

Прямая спина, гордо вскинутая голова, толстая коса, которая уже начала расплетаться, аккуратные короткие пряди, обрамляющие лицо с маленьким носиком, полными губами и невероятно красивыми синими глазами в обрамлении пушистых ресниц, таких длинных, что они оставляли тени на щеках. Кожа гладкая, светлая с лёгким румянцем.

Её отказ подействовал на него странно.

Честно говоря, это было непривычно, слышать, как тебя отвергают и просят уйти. Особенно от девушки, которая неожиданно привлекла внимание и так заинтересовала. Итан никогда не бегал за девушками. Положение и внешние данные делали его заветной добычей для северянок — красивых, крепких девиц со светлыми волосами, округлыми бедрами, большой грудью и жаркими обещаниями. Они согревали его ночи, позволяя забыться в своих объятьях, отойти после ледяного ужаса, что преследовал его в кошмарах, даря такое необходимое освобождение.

Любая считала честью и удачей разделить постель с сыном верховного антура. И это не было зазорным или чем-то постыдным.

Жизнь в Ардане могла быть очень короткой. Сегодня ты радуешься, наслаждаешься, а уже завтра замерзаешь навеки. Это касалось и мужчин, и женщин. Мало кто из ликанов доживал до глубокой старости, оставив свою молодость и жизнь на заснеженных склонах гор.

Но на Айвири так смотреть не получалось. До неё даже дотронуться было страшно. Тоненькая, хрупкая и нежная. Подобные на севере не выживали, он знал... видел. Её хотелось спрятать от всего мира, защитить и скрыть.

Эти чувства были совсем новыми для ликана, непривычными, но дискомфорта не вызывали.

— Но вас же это не остановило, — отозвалась девушка даже не обернувшись.

Итан давно уже понял, кто она такая. Обычные служанки так себя не ведут и слугами не охраняются. И обращение пожилой экономки от него не укрылось.

— Я думала вы ушли, — добавила Айвири и всё-таки взглянула на него.

Осторожно, будто украдкой. А потом вновь отвернулась, ускорив шаг.

— Я и ушел. Из зала. Понял, что поговорить нам не дадут. Тебя защищают.

— Как и всех. И вы решили подкараулить меня в другом месте?

— Понял, что через сад ты не пойдешь и решил поискать другой путь, — признался Итан.

Она понимающе хмыкнула и ответила быстро:

— Это всё равно ничего не изменит. Оставьте меня, лэр, не теряйте зря времени.

— Это из-за отца? — напрямик спросил мужчина, решив сразу все прояснить.

Айвири споткнулась и резко остановилась, оборачиваясь и впиваясь в него требовательным взглядом:

— Какого отца?

— Князя Рогнара.

Побелела так сильно, что того и гляди свалится без чувств. Покачнулась, но смогла устоять на месте. Лишь застыла, сжимая правое запястье левой рукой. А в глазах плескались ужас и паника.

— Вы... знаете? — с трудом произнесла девушка. — Вы знаете кто я?

Итан не стал её долго мучить и пугать, хотя и не понимал откуда такая странная реакция на его слова.

— Незаконнорожденная дочь князя Рогнара.

Реакция не заставила себя долго ждать. У неё даже рот приоткрылся от удивления:

— Что? Но как...?

— Догадался? Это не так сложно. Твои манеры, движения, говор. Сразу видно, что ты не просто служанка. Следующее: экономка тебя бережёт, слуги скрывают, а ведь я расспрашивал о тебе. Зато княгиня ненавидит. На фаворитку ты не похожа. Таких обычно отправляют в отдельные дома на окраину города и навещают сами. Не заставляя работать. Значит дочь. Незаконная.

— Вы весьма... догадливы, — произнесла Айвири и цвет лица постепенно начал возвращаться к норме.

Успокоилась. Из глаз исчезло затравленное выражение.

— Если ты боишься реакции князя, то я могу сам с ним поговорить.

— Не стоит, — поспешно произнесла она. — Дело не в нём, а во мне. И только во мне.

— И что же в тебе не так? Только не говори, что боишься нас так же, как и остальные. Больших и страшных ликанов.

— Не скажу, но и обнадеживать не стану. Мой вам совет, лэр, забудьте меня. Уже завтра всё закончится, — ответила девушка тихо, смотря ему прямо в глаза. — Дальше провожать не надо. Мы почти дошли. За проёмом начинается женская часть замка. А вам туда нельзя. Спасибо еще раз и прощайте.

— Айвири, — произнёс Итан, когда она уже почти дошла до арки. — А если я не хочу забывать?

Замерла, чуть повернув голову и ответила:

— Выбора всё равно нет. Ни у кого из нас.

Взглянула на прощанье и скрылась за поворотом

Глава пятая

Незаконнорождённая.

Великая Лаари, он решил, что я незаконнорождённая.

Словами не передать тот ужас, что пришлось испытать, услышав от него, что князь мой отец. Сердце буквально ушло в прятки, ноги задрожали, а кровь хлынула вниз, от чего голова закружилась. Непременно упала бы без чувств, но всё вышло иначе.

Надо отдать должное его сообразительности, ликан действительно почти угадал кто я. И это радовало безмерно.

Оставалось надеяться, что он оставит свою безумную идею поговорить с отцом. Даже страшно представить, как папа отреагирует на слова о моём предполагаемом происхождении.

Князь Рогнар меня любил. Очень сильно любил, гораздо больше, чем других своих детей, и это знали все. Может именно этого мачеха не могла мне простить, сказать сложно.

Но я никогда не пыталась воспользоваться его чувствами, несмотря на уговоры экономки и замечания слуг.

Достаточно было одного моего слова. Одной жалобы на мачеху или сестру. И отец устроил бы скандал. Он знал, что у нас очень напряжённые отношения и часто пытался выведать у меня правду, найти хоть какое-то доказательство, но я всегда уходила от ответа и заверяла, что у нас всё хорошо.

Глупо? Да, так скорее всего оно и было. И уж точно лучше не стало. Поняв, что наказания за свои выходки не получают, Айва с матерью перешли все рамки допустимого. А я всё равно молчала.

Почему? Потому что не желала стать причиной скандала и раздора в той семье. Несмотря ни на что, княгиня оставалась верной женой отца, матерью его детей. Именно она подарила Иллиуму наследника.

А я... я никогда не принадлежала им. Всего лишь прошлое, которое отец никак не мог отпустить. Эти короткие визиты лишь усугубляли ситуацию. Все знали, что скоро и они закончатся, стоит мне пройти посвящение. И что будет дальше? Я устрою скандал и уеду, оставив после себя лишь разрушенную семью. Пусть у них не всё было гладко, но они были семьёй. И должны ей остаться.

Ничего страшного, перетерплю. В этом удел послушниц Лаари: служить другим, даже в ущерб себе, неся бремя великого дара.

Я замерла у одной из стен, переводя дыхание и нащупала в кармане забытый пирожок.

Откусила кусочек и закрыла глаза. Вкусно. Несмотря на то, что он остыл и даже чуть-чуть намок, тесто осталось очень нежным и воздушным. И начинка была моя любимая: сладкая вишня. Кухарка всегда пекла их для меня.

Я медленно жевала пирожок, вспоминая ликана, мысли к которому всё возвращались, даже против воли.

Ни один мужчина так не смотрел на меня... Так словно я... девушка. Обычная девушка. Свободная и не связанная клятвой.

С рождения все знали кто я. Все помнили о моём предназначении и о том, то я принадлежу Лаари. И никто не смел относиться ко мне иначе, кроме как с почтением и осторожностью.

Те княжичи не в счет. Они точно не могли узнать или увидеть в простой служанке послушницу богини. Стоило только показать им метку и ухмылочку тут же сползли бы с их лиц.

Мы неприкосновенны.

Никто никогда не посмеет коснуться послушницы... не сможет возжелать её... пойти против воли Богини, навлекая на себя её гнев, от которого ничто не спасёт.

И ликан был единственным, кто не знал о том, кто я.

Не знал и смотрел так, что сердце замирало от неожиданного смущения, а щеки загорались румянцем. Так, что я забывала о своём предназначении.

Я была уверена, что молчала лишь для того, чтобы защитить отца. Да, это так. Но сейчас мне вдруг

пришло в голову, что это возможно не единственная причина.

Стоит этому ликану узнать о том, что я послушница, и всё изменится.

Пропадет его мягкая улыбка, серые глаза нальются сталью и из них исчезнет эта лукавая смешинка. И он станет относиться ко мне как все. Станет избегать.

Всё как и должно быть. Как я его и просила.

Но даже сейчас я с трудом могла признаться, что мне льстило его внимание.

Это ведь не так страшно. Всего один день. Только сегодня. Пусть хоть пару часов, но я побуду обычной... для ликана с дымчато-серыми глазами.

Доев пирожок, я стряхнула крошки с пальцев, вытерла лицо ладошкой и поспешила дальше.

Мачеха могла ругаться сколько угодно, но возвращаться в зал я не собиралась. Если ей так надо, она может заняться украшением самостоятельно.

Полная решимости отстаивать собственное мнение, я поднялась по лестнице, подошла к комнате сестры и, даже не постучав, открыла дверь.

Все слова застряли в горле, как только я увидела, что именно держала в руках Айва.

Небольшой веночек, сплетённый из серебра и золота, с крохотными цветами из драгоценных камней. Маленькие бутончики нежно-розовых соцветий с яркой сердцевинкой и крупными тычинками в обрамлении светло-зелёных листочков-изумрудов.

Цветы вишни.

Свадебный венок моей мамы.

Тот самый, который был изображен на большом семейном портрете, что висел у меня в спальне. Там, где мама такая счастливая и улыбчивая стояла в нежно-лиловом платье с открытыми плечами. Роскошные медные волосы лежали волнами, чуть скрытые фатой с мелкими жемчужинками по краю.

Тот самый, который она должна была по традиции одеть на голову мне в день свадебного обряда. Если бы была жива... если бы я не была той, кем являлась с рождения.

Я отказалась от всего. От всех благ и радостей обычного мира. Меня не прельщали дорогие ткани с ручной вышивкой золотом, изысканные яства, крохотные флакончики с ароматной водой, шкатулки с драгоценностями, которые старательно ставил передо мной отец при каждом приезде. Не знаю, чего именно он добивался таким образом, наверное, хотел порадовать. Но мне всё это было не нужно. У меня была другая жизнь и другое будущее, отличное от их.

Я была равнодушна ко всему... Всему, кроме этого крохотного венка. Последней памяти о почившей матушке. То немного, что я всё-таки считала своим. Единственная моя вещь в этом огромном замке великого князя.

И его сейчас пыталась примерить сестра, стоя на небольшом постаменте у огромного в пол зеркала. На ней было нежно-голубое платье с длинными рукавами из тонкого кружева, пышной юбкой, которая еще больше подчеркивала узкую талию. Платье было так похоже на то, что преследовало меня во снах и в то же время немного другое, более вычурное. Светлые волосы собраны на затылке и украшены тончайшей фатой.

Нет она собиралась не просто примерить... присвоить. Отобрать...

— Отдай, — вырвалось у меня.

Голос прозвучал холодно, резко и был совсем непохож на мой. Словно кто-то другой выдохнул, выкрикнул, пытаясь остановить эту несправедливость.

И всё это действие так захватило меня, что я не заметила мачехи, что, недовольно поджав губы, стояла в стороне, держа в руках совсем другой венок. Тот самый из цветков апельсина, который она должна была передать сегодня дочери. И судя по всему, выбор Айвы её совершенно не устраивал.

Сестра от выкрика вздрогнула, так и не надев венок, и обернулась ко мне. Такая красивая, воздушная и нежная... и ядовитая словно олеандр. Невероятно красивый и столь опасный цветок, сок которого легко может убить.

— Ты что тут забыла? — недовольно спросила она, нахмурившись.

Явно не ожидала увидеть меня сейчас в своих покоях.

— Отдай, — уже более привычным голосом потребовала я.

— Тебя сюда не звали. Иди куда-нибудь... тебе тут не место, — отмахнулась Айва от меня как от назойливой мухи, начисто проигнорировав мои слова.

Обычно я старалась не вступать с ней в споры и мечтала как можно быстрее удалиться, помня заветы настоятельницы. Смирение и только смирение, а еще послушание. Но не сейчас.

— Отдай, — уже в третий раз повторила я, до боли сжав кулаки. — Это не твоё.

— И не твоё тоже, — усмехнулась сестра. — Ты то замуж выйти никогда не сможешь. Детей и внуков не будет. Так и передавать его некому. А мне он нравится.

— Айва, — подала голос княгиня, подходя ближе.

Я видела, как побелело её лицо, как мелко дрожали руки, в которых она всё ещё сжимала свой венок.

Очередная выходка дочери не прошла для неё бесследно.

— Она права, — сдавленно произнесла мачеха, наверное, в первый раз признав мою правоту. — Поигралась и будет. Ты должна надеть это.

— Ничего я не должна. Этот с цветами вишни подходит мне больше. Смотри, как сочетается нежно-розовый цвет с голубой тканью платья.

И Айва вновь попыталась надеть венок на голову.

— Не смей! — вскрикнула я, делая еще шаг вперед и вытягивая руку.

Ту самую, на которой огнём горела метка. И крохотные искры силы засияли, засверкали на кончиках пальцев, заставляя вовремя одуматься. Застыть, прижимая руку к груди, неотрывно смотря в лицо младшей сестры.

— Ты что делаешь? Мама, ты видела? Она же собиралась... Силу Лаари нельзя применять во вред. Я... я всё папе расскажу! — вскрикнула Айва.

Я сама была в ужасе от такого всплеска, но и отступить сейчас не могла, впервые готовая бороться до победного конца. Несмотря ни на что.

— Что именно ты хочешь мне рассказать? — спросил отец, возникая в дверях.

Возник так неожиданно, что никто не успел заметить. И реакция на его появление была очень яркой.

— Великий князь, — прошептала мачеха, склонив голову и шагнув в сторону, как раз так, чтобы скрыть дочь от пристального взгляда мужа.

Но Айва не желала прятаться и скрываться. Глупая, еще не понимала, что даже свадьба не спасёт её сейчас от гнева отца.

Соскочив с постамента, девушка стремительно обогнула мать, которая не успела её остановить, а следом и меня, вышла вперед, продолжая сжимать венок мамы в руке, возмущенно протараторив:

— Айвири пыталась использовать против меня силу! Хотела ударить! Ты представляешь? А это недопустимо! Для послушницы это смерть. Я всегда говорила, что она мне завидует... и даже сейчас... в самый лучший день, в самый радостный, — глаза Айвы наполнились слезами, причём самыми искренними, — она пытается его отравить своей ненавистью ко мне. А ты мне не веришь. Почему ты мне не веришь? Не стоило её привозить. Я же просила... ты меня совсем не любишь...

Я, конечно, знала, что сестра не в восторге от моих визитов, но не думала, что до такой степени. Да, сильно я её недооценивала и теперь застыла, ожидая реакции отца.

Она была весьма неожиданной и резкой.

— Что у тебя в руке? — ледяным тоном спросил он, еще сильнее нахмурившись.

Сделал пару шагов вперед и застыл, когда между ними оставалось всего два-три метра.

Слёзы тут же испарились, и сестра закусил губу, внезапно поняв, какой промах в порыве гнева совершила. Венок надо было спрятать за спину или в складках платья, но уж точно не следовало

показывать его отцу.

Потому что он помнил.

Я по глазам видела, что отец не забыл его, как и всё то, что возрождало память о первой любимой жене.

— Это... это, — пролепетала сестра, поздно пряча руки за спину.

Это уже не могло ей помочь.

— Я задал вопрос, Айва! Что у тебя в руке? — четко выговаривая каждое слово, произнёс отец.

И я невольно сжалась от тона, которым он это сказал. Никогда не видела князя в таком бешенстве. В те редкие мои визиты он был само внимание и любовь. Ни одного резкого слова или крика. А сейчас я смотрела и не узнавала своего любимого отца.

— Лэр, — попыталась вмешаться мачеха, вновь стремясь закрыть дочь собой, вызвать гнев на себя.

Такое самопожертвование внушало уважение. Но не могло помочь. Не сейчас.

— С вами, княгиня, я поговорю позднее, — отчеканил он и снова взглянул на младшую дочь. — Как посмела ты взять чужую вещь?

— Отец, — попыталась вмешаться я, но мужчина и мне не дал закончить.

— Позже, Айвири, позже, — произнёс он, слегка смягчив голос, который снова заледенел, стоило ему обратиться к сестре. — Я всё ещё жду ответа, Айва.

— Он... он всё равно ей не нужен, — выпалила девушка, покраснев, и тяжело сглотнула, решив идти до конца в своём откровении. — И никогда не будет принадлежать послушнице Лаари.

Отец вздрогнул и глаза полыхнули такой ненавистью, что пришла моя очередь задвигать сестру за спину, пытаясь оградить от гнева князя.

— Не надо, — прошептала мачеха, побледнев еще больше.

Не знаю, к кому она обращалась, в этот момент я пыталась поймать взгляд отца, удержать, успокоить. И магия тёплой волной хлынула к нему, обволакивая, защищая.

Мы могли не только исцелять тело, но и очистить душу, хотя это было гораздо сложнее и опаснее. Но наше родство помогало мне, давая силы.

Раньше у меня всегда получалось, но не сейчас. Магия вдруг натолкнулось на препятствие. Отец закрылся от меня.

— Папа, — мягко обратилась к нему я и протянула руку вперёд, словно желая коснуться.

Ведь это должно было помочь, усилить напор.

Он тряхнул головой и сдавленно произнёс с необычайной мукой в голосе:

— Каждый раз, Айвири... каждый твой визит сюда я спрашивал, просил рассказать правду. Сердцем чувал, что тебе здесь плохо. А ты скрывала, молчала, терпела... Почему?

Ответ нашёлся не сразу. Точнее я не сразу смогла его произнести, теряясь под пристальным взглядом отца, от которого внутри всё сжалось.

— Потому что так правильно, — произнесла в ответ.

— Что правильно? Что они истязают тебя? Ненавидят и превращают каждый приезд в мучение?

— Этого не было, — возразила я, но он уже мне не верил.

Став невольным свидетелем нашего разговора, отец получил доказательства того, о чём догадывался долгие годы. И всё то, что я так отчаянно скрывала от него, не желая волновать и причинять боль.

— Было, но ты молчала. Почему? Ты моя дочь, Айвири! Ты княжна...

— Нет, — я тут же оборвала отца, произнеся то, о чем молчала все эти годы. — Я не княжна. Да, твоя дочь, но не княжна. Даже официальной записи о рождении нет. Я принадлежу Лаари, с рождения. Но ты... ты единственный, кто не хочет признавать этого. Думаешь, эти поездки что-то

изменяют? Я люблю тебя, очень сильно люблю, но чем дальше, тем сложнее. Айва права. Мне не стоило приезжать, ни сейчас, ни ранее. Давно надо было отказаться, но я не могла... Так что не вини сестру. Она относится ко мне согласно моему статусу.

Все давно приняли моё предназначение. Все родственники, слуги, князя.

Все, кроме него, который не желал отпускать, тянул к себе, причиняя боль всем вокруг.

— Статусу, — прошипел отец в ответ. — Как те княжичи?

Он знал.

Надо было сразу понять, что князь Саир уже всё успел рассказать ему. Но я была так расстроена из-за венка, что обо всём забыла. Вот почему он сюда пришел, почему явился так быстро.

Ох, Лаари, спаси нас грешных, дай силы не натворить бед.

— Это случайность, — отозвалась тихо.

— Случайность? Так, да? Случайность, ставшая закономерностью! Почему ты как какая-то служанка была отправлена наводить порядок в зале? Прислуживать собственной сестре? Это случайность? — спросил он еще больше нахмурившись. И Айва под его взглядом слегка попятилась. — А ведь я строго запретил выходить тебе из покоев. И вы знали об этом, княгиня! Знали, но отправили её туда. Чтобы она попала на глаза князьям? Или ликанам? Ведь ни для кого не секрет, что её разыскивали. Для чего? Решили потешить своё самолюбие? Поиграть с моей дочерью?

Отец говорил и пристально изучал мачеху, а та застыла, приоткрыв рот, ловя воздух как рыба, выброшенная на сушу.

— Забылись? Так я напомню кто есть кто в этом замке!

Всё зашло слишком далеко. Надо это остановить. Прямо сейчас, пока еще есть возможность.

— Остановись, — прошептала я, покачав головой, вновь и вновь пытаюсь достучаться до отца.

Не получалось. Закрылся, спрятался за болью и ненавистью. И помочь уже было нельзя. Слишком поздно. Теперь никто не смог бы образумить великого князя.

— Как ты сказала, Айва? — резко спросил мужчина, вновь взглянув на младшую дочь, которая замерла в испуге. — Она никогда не сможет надеть венок своей матери? Сможет! И сделает это сегодня!

Сестра потрясённо ахнула:

— Нет... пожалуйста, не надо...

— Нет, — значительно громче ответила я. — Так нельзя.

Появление еще одной девушки со свадебным венком на голове — это скандал, позор для невесты. Такое не забудут и не простят. Айва, конечно, виновата, но не стоило наказывать так строго.

— Но ты сделаешь это. Ты наденешь свой самый лучший наряд, Айвири, и выйдешь к гостям. Чтобы все, чтобы каждый из них запомнил, что ты моя дочь, в тебе течет моя кровь и никогда не смел сомневаться и тем более оскорблять. Они все ответят за это унижение. Сегодня, Айвири...

— Нет, — снова повторила я. — Этого не будет. Я не выйду.

— Ты, кажется, не поняла. Это не просьба, а приказ, — отрезал князь. Именно князь, а не отец. — Ты получишь те почести, которых достойна.

Как он не может понять, что они мне не нужны.

— Ты заставишь меня?

Но мужчина был непреклонен.

— Если это потребуется.

Но сдаваться так легко я не собиралась, решив привести другие аргументы.

— Не надо, если ликаны узнают, что послушница, не прошедшая посвящение, находится в замке, то последует наказание. Не только для тебя, но для всего Иллиума! Пострадают ни в чем не повинные

люди! Из-за твоей непомерной гордости.

Говорила и по его глазам понимала, что всё бесполезно.

— То, что ты послушница, все будут молчать, так что северяне не узнают. Но как княжна ты будешь присутствовать на свадьбе!

— Великий князь, одумайтесь, — взмолилась мачеха, наконец, совладав с шоком и подав голос.

— Папа, — зарыдала сестра. — Не надо. Это же... скандал. Родители Мира...

— Узнают правду. Не переживай, этот брак для них слишком важен, чтобы отказываться от него. Проглотит твой Мир, никуда не денется.

Айва зарыдала еще сильнее, обернувшись к матери и тут же попав в её объятия, пытаюсь найти утешение.

Венок выскользнул из её рук и беззвучно упал на мягкий ковёр, откуда тут же был поднят отцом.

— Он принадлежит тебе, Айвири, — произнёс великий князь Иллиума, протягивая его мне. — Кем бы ты не являлась, это вещь всегда принадлежала и будет принадлежать тебе.

Я послушно приняла украшение и снова взглянула на мужчину.

— Одумайся, отец. Мне не нужно это почтение. Совсем не нужно. А ты идешь на риск, за который будем отвечать все мы.

— Иду. И то, что тебе не нужно всё, знаю. Но ты это получишь. Сегодня.

Глава шестая

Итан Ларкас

— Где тебя сурхи носили?

Джилия подстерегла его у входа в крыло, которое князь Рогнар специально отвёл для ликанов.

Молодая девушка стояла по-мужски: широко расставив ноги и скрестив руки на груди. На пухлых губах играла лёгкая, немного язвительная полуулыбка, не нашедшая отражения в светло-голубых глазах, которые сейчас больше походили на ледники Ардана.

Одета она была непрезентабельно: тёмные свободные штаны, серо-голубая блузка простого кроя с высоким вырезом, украшенная белой вышивкой. Джилия подпоясала её широким поясом чёрного цвета, который делал талию еще уже, а грудь больше.

Знает ведь, что их пригласили на свадьбу, а всё равно вредничает, язвит, пытается выделиться или вывести его своим непослушанием и дерзкими выходками.

Странные у них отношения. Ведь с детства дружили, в связки сразу встали, даже привыкать не пришлось. С полуслова понимали друг друга, с жеста, взгляда. Именно это делало их семёрку лучшей в Ардане.

А последнее время отношения не заладились. Ушла лёгкость из общения, которая всегда была им присуща. Джилия всё чаще дулась, огрызалась по поводу и без, хмурилась, погружаясь в невесёлые мысли.

Временами Итан ловил на себе её пристальный, какой-то злой взгляд. Но стоило обернуться, она тут же отводила глаза и делала вид, что ничего не было.

Ликан пытался с ней поговорить. И не раз, и не два.

Вражда, обиды и злость в связке недопустимы, могут пострадать все.

Когда всё это началось? Три месяца назад, когда в особо ожесточённой схватке погиб Наяз? Седьмой в их связке, весёлый обаятельный парень с чёрными, как ночь глазами, и замену ему до сих пор так и не нашли. Итан виноват, оттягивал до последнего. Но придётся. Вернётся и выберет.

Джилия гибель Наяза переживала тяжелее всех. Она потеряла не только друга и товарища, но и жениха.

Или это напряжение возникло еще раньше? Около года назад, когда девушка, неожиданно для всех, ответила на ухаживания черноглазого гризли?

Итан не знал, но скучал по прошлым отношениям, не зная, как их вернуть. И с каждым днём становилось всё сложнее.

В чём причина? Вина Итана в смерти любимого?

Ликан как ведущий должен был вытащить из той облавы всех... а он смог выдернуть лишь Блейна, самого тяжелого, понадеялся, что остальные смогут выйти следом, не проверил, бросил...

Так он и сам себя винил. Ночами вздрагивал от кошмаров, в которых видел покрытое льдом застывшее лицо друга с приоткрытым от предсмертного вопля криком.

Смерть ходила рядом с ликанами и мужчину никто не винил, кроме него самого.

Незадолго до похода Итан всё-таки отловил Джилию и предложил уйти из связки, поменяться с кем-нибудь другим, желающих было много. Девушка была сильной и опытной.

— Ты мной недоволен? Я что-то сделала не так? Ошиблась может где? — процедил она, побледнев.

— Нет. Я доволен. Просто подумал...

— А ты не думай, — оборвала его девушка резко. — Даже не мечтай, Ларкас. Не уйду я. И закончим на этом разговор.

Они закончили, а напряжение осталось. Дошло до того, что Итан стал сам избегать девушку.

— А ты чего такой довольный? — вдруг спросила Джилия, прищурившись и внимательно

вглядываясь в его лицо.

— Чего мне быть недовольным? Всё вроде тихо, спокойно, — отозвался мужчина, проходя внутрь и стряхивая прозрачные капельки влаги с опушки плаща. — Завтра сбор начнём, вот где нервничать надо.

Девушка была вынуждена чуть посторониться, пропуская его вперёд.

— Нашёл-таки, — вдруг зло выпалила она ему в спину.

Итан медленно обернулся, смеряя её внимательным взглядом.

— Кого?

— Да девку ту лесную. Можешь не говорить, по глазам вижу, что нашёл. И как? Поймал, завалил?

Зверь внутри гневно рыкнул, и её кошка застыла, замерла, мелькнув в глубине полных какой-то отчаянной боли глаз. Джилия со скрипом стиснула зубы, отступая на полшага, едва не налетев бедром на одну из деревянных колонн, которые держали свод в просторной передней, уставленной лавками и дубовыми столами.

— Не забывайся, — едва слышно отозвался Итан, но она дрогнула от силы голоса ведущего, опустила взгляд, признавая его силу и власть.

— Прости.

Пара секунд, чтобы утихомирить зверя, который никак не желал прощать оскорбления. Кошку следовало наказать, никто не смеет такое говорить о паре ликана. Никто и никогда.

— Что случилось? — спросил Итан, отступая и увеличивая расстояние между ними, чтобы не чувствовать запаха страха и боли, которые волнами шли от Джилии.

Это страшно мешало сосредоточиться и обуздать зверя.

— Блейн со вчерашнего вечера заперся у себя. И никому не открывает.

Серый в последнее время становился всё более раздражительным и нелюдимым, часто отмалчивался и закрывался.

Да, хороша у них связка, ничего не скажешь. Прав был отец, что отправил сюда. Надо было расслабиться хоть немного, прийти в себя, восстановить утерянное со смертью Наяза единение. Только выходило плохо. Чем дальше они от Ардана, тем сложнее становилось.

— Феб говорит его рана беспокоит, — продолжила Джилия, рискнув поднять на мужчину взгляд.

А вот это уже серьёзно.

Итан дёрнулся, чуть наклонив голову вниз, словно приносиваясь или прислушиваясь.

— Галия же говорила, что всё нормально.

— Ты на меня не зыркай, — отозвалась девушка, отступая к одной из длинных лавок, что стояли у стены, и тяжело приземляясь на неё. — Я диагнозы ставить не умею. Да, говорила, а Феб другое утверждает. Что вчера в саду Блейну хуже стало. Он рядом был, почувствовал. Мы все отголоски ухватили.

Ухватили. Итан помнил, как кольнуло ледяной иглой у сердца, но решил... сам не знает, что решил, что ошибся. Здесь, так далеко от Ардана, в окружении вечного лета так не хотелось вспоминать холодный дом и демонов.

— Галия его осматривала?

— Да что эта полудохлая может. Они все спят и видят, как бы вернуться в свои застенки и молитвы Лаари шептать, — огрызнулась девушка, уже окончательно придя в себя.

Галию она тоже не простила.

Израсходовав силы на Блейна, целительница так и не смогла вытащить Наяза. Да никто не мог. Демоны уже сделали своё дело. Когда целительница добралась до тела, искра уже погасла. Но Джилия всё равно не могла простить.

— Прояви уважение, — произнёс Итан, не слишком настаивая. — Тебе отлично известно, как они пострадали этой зимой. Набеги участились и работы целительницам прибавилось. Они и так почти

выгорели.

— Или просто нам стали поставлять бракованных девиц.

— Джилия...

Девушка отмахнулась, вытягивая ноги и прислоняясь спиной к стене.

— Не смотрела твоя Галия Блейна. Никто не смотрел. Говорю же, заперся в комнате, никого не пускает.

— Она не моя, — зачем-то возразил Итан, задумчиво потерев подбородок. — Я с ним поговорю. А ты пришли ко мне одну из девушек.

— Которую?

— У которой сил побольше осталось.

— А разве такие у нас есть? — горько усмехнулась Джилия.

— Ты поищи, — отозвался Итан и повернулся к лестнице, напоследок бросив. — И переоденься. Церемония скоро.

— Мне и так хорошо, — независимо крикнула она ему в спину.

— А должно быть ещё и красиво, — поднимаясь по ступенькам, отозвался ликан. — В Иллиуме другие порядки, Джил, не стоит их так сильно шокировать. Нам и так не слишком рады.

— А нам нигде не рады. Несмотря на то, что именно благодаря нам демоны ещё не пробрались через заснеженные горы, — пробормотала девушка, не сводя тоскливого взгляда с удаляющегося мужчины.

Он так ничего не понял.

Ни тогда, ни сейчас.

Итан поднялся на второй этаж, свернул направо и замер на мгновение у комнаты Блейна. Изнутри не доносилось ни звука, но мужчина знал, что Серый не спит. Это проклятье и благодать чувствовать каждого из связки практически так же ярко, как и себя.

Три месяца назад Итан едва не сдох, когда вместе с отцом ставил заглушки всем шестерым. Уж слишком ярким было чувство потери. Смерть Наяза и ранение Блэйна не прошли бесследно, усиливая собственные эмоции в несколько раз.

И теперь всё начиналось снова.

Прижав руку к тёплой поверхности двери, ликан улавливал раздражение, боль и... холод. Он был таким ярким, что заколол на коже, опалил стужей ладонь. Мужчине пришлось приложить усилие, чтобы не одёрнуть руку и не отшатнуться.

Здесь в стране вечного лета стужа казалась настоящим святотатством.

Выходит всё намного сложнее, чем они думали и даже могли предполагать.

Мотнув головой, Итан опустил руку и отступил.

Не сейчас...

Сначала надо было подготовиться. Поговорить с Галией. Жизнь показала, что поспешность не всегда благо.

Войдя в свою комнату, он закрыл дверь и бросил плащ на спинку высокого стула, который стоял в углу, на ходу стал стягивать через голову рубашку. Она упала поверх плаща, не удержалась и соскользнула вниз, касаясь рукавом пола.

Обнаженный по пояс Итан подошёл к большому тазу с прохладной водой, который ещё утром поставили слуги, и шумно плескаясь умылся, ополоснув шею и грудь.

После чего мужчина, даже не подумав вытереться, подошёл к арочному окну, выглядывая наружу.

Дождь становился всё сильнее, а гостей всё больше. Они приезжали на крытых повозках к самому входу в замок, выпрыгивали, стараясь как можно быстрее оказаться в сухости и тепле. Шум и голоса становились всё громче, даже с такого расстояния было слышно, как гости готовятся к

свадьбе дочери князя.

Завтра... завтра рано утром, как только отгремят праздничные поздравления, а время сбора не наступит, Итан поговорит с князем.

Конечно, так легко дочь, пусть даже нагулянную, Рогнар не отдаст, но Ларкас найдет слова. Есть вещи, против которых даже князь ничего сделать не сможет. Отмеченная зверем девушка принадлежит ликану. Но это в Ардане. Здесь всё сложнее. Законы Лаари непреложны.

Да, сначала придётся туго. Северный климат тяжел для других, но Айвири сильная, стойкая, крепкая, она выдержит. На первое время можно попросить у отца кристалл. Он не откажет. Пара — такая редкость, что антур не сможет отказать. А кристалл поможет, если уж целительниц вытягивает, то и Айвири поможет.

Но не это тревожило сейчас молодого ликана. Если понадобится, Итан готов был горы свернуть, перевернуть весь мир, но сделать так, чтобы девушка была счастлива рядом с ним. Лишь бы согласилась... лишь бы ответила.

С людьми всё сложнее, они не чувствуют пару так ярко как ликаны. Потом, спустя какое-то время и к ним придёт всё это, но ждать не было.

Заставить её Итан не стал бы. Он вообще ничего не мог сделать против воли девушки. Сама того не подозревая, Айвири может вертеть сыном антура как хочет. Любое её слово, любое желание будет выполнено, каким бы сумасшедшим оно ни было.

Раньше эта зависимость и отсутствие воли пугали. Привыкший быть впереди и распоряжаться другими, мужчина даже представить не мог, каково это вручать свою жизнь и судьбу в руки своей половинки.

Но сейчас дискомфорта и тем более ужаса не испытывал. Как и сомнений. Это она. Точно она. Одной встречи было достаточно, чтобы понять это и почувствовать.

До окончания сбора меньше недели. Пара дней для того, чтобы убедить Айвири уехать с ним, навсегда оставив привычный мир и радость лета.

Невозможно?

Не для сына антура.

Итан был полон решимости завоевать сердце своей пары. Чего бы это ни стоило.

Стук в дверь вырвал его из раздумий, заставив резко повернуться и бросить:

— Открыто.

— Нам нужно поговорить, Итан, — решительно произнесла хрупкая молодая девушка с огромными карими глазами и длинными чёрными волосами, которые были гладко зачёсаны и собраны в косу, что она уложила вокруг головы. — И прямо сейчас.

— Здравствуй, Галия.

Мужчина схватил рубашку и наспех надел на тело, просунув голову в широкий воротник, а руки в манжеты. Заправлять в штаны не стал, так и оставил.

Находиться рядом с девушкой без одежды было неловко, словно в глаза Лаари смотреть, хотя Галия сделала вид, что ничего не произошло. Даже глазом не моргнула, продолжая стоять в дверях и сжимать ручку.

— Прости, если помешала, — произнесла она запоздало, заметив его неожиданное смущение. — Но ты сам сказал, что можно войти.

— Нет, не помешала. Я рад, что ты пришла, — отозвался ликан, жестом приглашая войти и расположиться. — Проходи, присаживайся.

Галия кивнула, закрывая дверь, но присаживаться не стала, так и оставшись стоять тёмной тенью. Хрупкая, невысокая, в тёмно-синем платье с глухим чёрным воротничком.

Они ненавидели белый цвет. Белый и красный. Навеки полюбив чёрный. Он скрывал всё, помогал забыть и стереть из памяти заснеженный Ардан.

— Тебе уже сказали? — спросила целительница.

— Про Блейна? Да. Сказали.

— Рана открылась.

Итан нахмурился, вглядываясь в бледное лицо девушки.

— Ты уверена? Успела осмотреть? — быстро спросил мужчина.

Целительница покачала головой, пояснив:

— Он не дался, заперся в комнате.

— Откуда такие выводы, если ты его даже не видела?

— А что же иначе могло случиться? Феб рассказал мне о холоде.

— Ты отлично знаешь Феба, — не очень уверенно произнёс ликан.

Оправдание звучало глупо, он и сам это чувствовал. Но и верить в такое было сложно.

— Знаю, — перебила его девушка. — И ты тоже. Ни Феб, никто другой не стал бы лгать и преувеличивать. В любом случае, даже не рассказав, мы бы всё поняли. Мы чувствуем его, Итан, и тебе отлично это известно.

— А если...

— Ошибиться невозможно, — отрезала Галия, махнув рукой и убирая короткие прядки, выбившиеся из косы, за ухо, провела ладонью по плечу и опустила её еще ниже. — За этот проклятый год холод до костей пронзил наши тела, ввелся в кожу... Мы нутром его чуем. Даже сейчас, когда сил почти не осталось.

— Ты же сама сказала, что Блейну ничего не угрожает. Что поездка на юг поможет ему восстановиться, — заметил мужчина, потирая вдруг занемевшую шею.

— Я помню, что говорила. И я сама три месяца назад лично заблокировала иглу, — немного резко ответила Галия и вздрогнула, когда тело покрылось мелкой дрожью, возвращая её назад. В те жуткие часы, когда она сама едва не отправилась к Лаари, пытаясь вытащить одного твердолобого ликана. — Но ты помнишь, каким тяжёлым было ранение. Чудо, что вообще удалось вытащить тогда. Ведь никто не верил.

Итан помнил. И то, как почти потерял лучшую целительницу, которая так погрузилась в боль раненного, что чуть не ушла за ним следом.

— И что теперь делать?

— Не знаю, — вздохнула целительница. — Я надеялась, что мы успеем прибыть в обитель, там его осмотрят, но... В сложившейся ситуации я не уверена, что мы его доведём, — закончила девушка тихо.

— Не доведём, но и остановить распространение должны, — произнёс Итан, разворачиваясь к окну, чувствуя исходящую от проёма прохладу, аромат дождя.

Он никогда не думал, что дождь может так пахнуть.

У них был лишь снег... снег и только.

Скольких радостей демоны лишили их. И чего еще лишат в будущем.

— Что ты задумал? — спросила девушка, встревоженно вглядываясь в его профиль.

— Не знаю, — честно признался мужчина. — Для начала надо войти внутрь и обследовать его. Ты сможешь? — спросил ликан, вновь разворачиваясь к ней.

Галия неловко пожала плечами.

— Не уверена, что смогу что-то сделать. Ты же знаешь, я почти пуста.

— Знаю. И что тогда? Войти к нему, схватить и сломать шею?

— Зачем ты так? — отшатнувшись произнесла она, отводя взгляд.

Да жестоко. Слишком, но лучше так.

— А как? Ты отлично знаешь, что будет дальше. Если рана открылась, то игла пришла в движение и начала свой путь, отравляя сознание. Это не Наяз, Блейн один из старших ликанов, он не умрёт просто так. Он утянет за собой остальных.

— Это лишь предположение. Я не могу ничего утверждать, пока он не будет обследован.

— Кем? Если ты и другие слишком измучены холодом Ардана.

— Я взяла на себя смелость и пригласила целительниц, — быстро произнесла Галия. — Не смотри так на меня, Итан. Да, я знаю, что должна была сначала посоветоваться с тобой, вы не любите чужаков. Но сейчас не время привередничать. Я не могла представить, что холод проявится за границей Ардана. На землях Иллиума.

Он понимал её, но Галия права, сначала надо было посоветоваться.

— И что?

Ободрённая девушка быстро ответила:

— Здесь в окрестностях замка князя есть три целительницы. Все они отозвались на призыв и скоро прибудут... Если ты позволишь...

— Князь знает? — перебил её Итан.

— Нет.

— И не должен знать. Не стоит пока нервировать, особенно сегодня в день свадьбы. Единственную дочь замуж отдадут.

Галия внезапно отвернулась, поправляя воротник тёмного платья, пробормотав:

— Да... единственную дочь. Что будем делать? Его же нельзя оставлять.

— Для начала надо успокоиться. Никакой паники. Всё можно исправить. Мы не доведём до крайности. Попробуй достучаться до Блейна. С тобой он другой, — задумчиво произнёс Итан, потирая переносицу. — Дождитесь других целительниц. Я даю разрешение на то, чтобы они его осмотрели.

— Спасибо, — благодарно улыбнулась девушка.

— А мне с Джилией и Калемом надо будет посетить свадьбу. Феб останется с тобой. Не стоит волновать высокое семейство.

Галия кивнула, вновь поднимая на него полные затаённого страха чёрные глаза:

— Ты думаешь у нас получится?

— Уверен, — отозвался ликан и повернулся к окну.

Сквозь шум дождя слышался тихий звон колокола.

— Пора собираться. Торжество вот-вот начнётся.

Глава седьмая

Мой наряд был красивым и страшно неудобным. Он состоял из трёх частей. Сначала была нижняя юбка из тёмно-синей ткани, край которой виднелся из-под длинной голубой туники, цвет которой плавно переходил от тёмного к светлому, белея на груди. Поверх белый кафтан из бархатной ткани с толстым кантом и широкими рукавами, украшенный вышивкой из серебряных нитей.

Белый и голубой — родовые цвета Иллиума.

Длинные волосы распущены и причёсаны до блеска, гладкими волнами падая на плечи. На висках тонкие косички, собранные на затылке. А на голове свадебный венок из драгоценных камней.

Тонкие пальцы унизаны дорогими перстнями, на груди тяжелое ожерелье, словно ошейник стянувшее шею. Мочки ушей ныли от тяжелых серёг, которые были такими длинными, что почти касались плеч.

Служанка подвела мои глаза чёрными красками, затенила веки тёмно-синими порошками, губы украсила алой помадой. Она даже кожу мою немного отбелила.

Из высокого в пол зеркала на меня смотрела молодая княжна. Красивая, гордая и такая чужая.

Осторожно ступая в неудобных башмачках, расшитых стеклянными бусинами, я подошла к нему, касаясь подушечками пальцев гладкой прохладной поверхности.

— Какая вы красивая, лэра, — щебетала Ану, молодая служанка, кружась вокруг меня. То и дело замирая для того, чтобы поправить ткань платья, положить на место выбившуюся из причёски прядь волос. — Нарядная. Настоящая княжна.

Я кивнула, продолжая вглядываться в собственное отражение, пытаюсь найти в глубине хоть какие-то эмоции на это неожиданное преображение. Ведь именно такой я должна была родиться. Но ничего кроме неловкости не находила.

Наряд был не только неудобным, но еще и очень жарким. По спине уже тонкой струйкой бежал пот, усиливая и без того неприятные ощущения.

Не чувствовала я себя княжной. Даже сейчас. Большую часть своей жизни я прожила в монастыре, где царили совсем иные порядки и законы.

— Дай мне воды, — попросила я, отворачиваясь от зеркала.

Девушка тут же бросилась исполнять, через пару секунд протягивая мне стакан с прозрачной жидкостью.

Я сделала два глотка и вернула ей, тут же направляясь к окну.

Над княжеским двором вновь пронёсся звон колокола.

— Уже пора выходить, — заметила Ану, замерев у меня за спиной.

— Я слышу, — отозвалась я и внезапно нахмурилась, хватаясь за подоконник и вглядываясь в невысокую фигурку пожилой женщины, которая, несмотря на свой весьма почтенный возраст и мелкий противный дождик, двигалась весьма проворно.

На ней был тёмно-серый плащ с капюшоном, скрывающим черты лица. Но это было не нужно. Я сразу узнала её по движениям, по тому, как она опиралась на старую изогнутую клюку.

Ведь именно старая Нэнни обучала меня первые девять лет жизни до моего отъезда в обитель. Именно на неё рассчитывал отец, мечтая, чтобы после посвящения я пошла к ней в помощницы, поселившись рядом с домом. Хотя это было строго запрещено законом.

— Кто-то заболел? — спросила я, не оборачиваясь.

А старая Нэнни, застыв во дворе, вдруг сменила направление и поспешила прочь, скрываясь за поворотом, отправляясь к дальнему крылу. Насколько мне известно, именно там и разместились ликаны.

— С чего вы взяли?

— Я видела старую Нэнни.

— Целительницу? — удивлённо переспросила Ану, рискнув подойти ближе и тоже выглянуть в окно.

Но старушка уже скрылась из глаз.

— Да, — заметила я, отступая. — Что-то случилось?

— Мне это неизвестно, — искренне отозвалась девушка.

Значит, не в самом замке, иначе слухи бы быстро распространились. У ликанов. Интересно, а отец знает?

— Неважно, — отмахнулась я. — Уже пора.

Ану проводила меня длинными узкими коридорами, которыми пользуются слуги, к дверям главного зала, специально, чтобы меня никто не увидел раньше времени. Об этом тоже распорядился отец. Он хотел, чтобы моё появление было фееричным и запоминающимся.

Из-за дубовых дверей фальш-панели доносились голоса, лёгкая музыка, сквозь щели лился свет. Подойдя еще ближе, я перевела дыхание, пытаясь хоть что-то разглядеть.

Все двадцать девять князей, высшая аристократия Иллиума... ликаны.

С трудом, но мне удалось рассмотреть уже знакомую троицу северных воинов, которые сидели чуть в стороне. Словно почувствовав мой взгляд, сероглазый вдруг дёрнулся и повернул голову, внимательно осматривая зал.

Мне стоило больших усилий, чтобы не отшатнуться и не отступить.

Нет, пока он меня не видит, так что шарахаться смысла не было.

Мне всё еще хотелось верить, что отец одумается. Что это была всего лишь угроза, чтобы приструнить сестру и мачеху. Он не мог так жестоко поступить с дочерью, которую несмотря ни на что любил.

Колокола прозвонили в третий раз и гости стихли, поворачиваясь к алтарю, у которого рядом со жрецом стоял жених и князь Иллиума. За его спиной бледной тенью замерла княгиня и родители Мира. Я видела их всего два раза, но сразу узнала.

— Света и жизни, — торжественно провозгласил отец.

И зал вздрогнул от ответного единого приветствия гостей:

— Жизни и света.

— Сегодня торжественный день для всего Иллиума. Моя дочь выходит замуж. И я благодарен, что вы прибыли со всех уголков нашего мира, чтобы разделить эту радость со мной.

Послышались аплодисменты.

Гости расположились поудобнее, ожидая прибытия невесты и самого ритуала. Но у отца на это были другие планы.

Я видела, каким решительным блеском загорелись его глаза и прикусила губу, поняв, что князь Рогнар пойдёт сегодня до конца.

— Прежде, чем мы приступим к торжеству. Я хочу, чтобы вы поприветствовали еще одного члена княжеской семьи Иллиума. Ту, о которой все эти годы было принято лишь шептаться, скрываясь. Ту, которую незаслуженно забыли. Но несмотря ни на что, она остаётся моей дочерью. Старшей дочерью! — произнёс отец, пристально глядя на дверь, за которой, затаив дыхание, стояла я. — Прошу поприветствовать. Княжна Айвири!

И дверь в этот момент мягко распахнулась. Скорее всего слуги, стоящие за ней, открыли, но для меня это стало неожиданностью.

Я зажмурилась на мгновение от слишком яркого света, задрожав от неожиданного шума, шепотков и резкой тишины, накрывшей зал в следующую секунду.

Открыв глаза, я застыла перед сотнями удивлённых взглядов, смотря лишь на отца, который спешил ко мне по небольшому проходу.

О нет! Нет! Только не это!

Отец должен сопровождать к алтарю невесту, а не её сестру.

Только так и никак иначе.

Я оступилась, пошатнувшись на неудобных туфлях, больше всего мечтая сбежать, скрыться с глаз, уйти и забыть всё как страшный сон.

Но князь уже рядом. Замер, требовательно протягивая руку и произнеся моё имя:

— Айвири.

Я смотрела ему прямо в глаза, когда нерешительно вкладывала ладошку. Жалобно, умоляюще.

Остановись... остановись...

Лёгкий шёпот прошёлся по залу и почти сразу затих.

Меня узнали, не забыли, но причин произошедшего не понимали. Правда не все. Были те, кто осознавал, что стало причиной такого риска.

Я мельком увидела побледневшего принца Аймата, который не отрываясь смотрел на меня, шевеля губами.

Узнал. И теперь не представлял, как выпутываться из сложившейся ситуации. И не только он. Где-то в зале сидели его дружки, и они меня тоже узнали.

Расстояние до алтаря было небольшим, но оно показалось мне бесконечным. Каждый шаг был мучением, а от напряжения сводило мышцы.

— Остановись, — прошептала я одними губами в то короткое мгновение, когда стояла к зрителям спиной.

— Нет, — так же беззвучно отозвался отец, даже не думая скрываться.

И развернул меня к толпе.

— Моя старшая дочь Айвири! — вновь провозгласил князь Рогнар, обнимая за плечи.

Слишком крепко, болезненно, словно боялся, что я сбегу. Зря старался. Я послушно стояла, обводя невидящим взглядом зал.

— Света и жизни, — тихо произнесла, приветствуя гостей.

Но в наступившей тишине мой голос прозвучал неожиданно громко.

— Жизни и света, — нестройным хором ответили мне.

Напряжение повисло в зале. Великие князья молча переглядывались, бросая осторожные взгляды в сторону ликанов. Рискнула посмотреть на них и я.

Блондинка уже пришла в себя, смотря на меня с таким презрением, что сердце ёкнуло. Знакомый силач лишь ухмылялся, неторопливо поглаживая кустистую бороду.

Последним я взглянула на сероглазого. Он смотрел на меня... с интересом и любопытством. Ни гнева, ни шока я не уловила.

Да, он знал, чья дочь. Но, слава Лаари, не понял, почему отец скрывал меня от всех. Наверняка мужчина уже нашёл ответ на этот вопрос, придумал что-то логическое. Но уж точно не понял, что я послушница богини.

Я поправила рукав платья, сильнее натягивая его. Метка была надёжно скрыта, но страх никуда не делся. Я не могла допустить даже возможности того, чтобы правда открылась.

— Что ж, пора начинать, — произнёс отец, давая знак жрецу.

А я смогла вздохнуть свободно.

Как оказалось, зря. Испытания на этом не закончились.

Мне следовало встать за спину мачехи и там стоять оставшуюся часть торжества, но у отца на это были другие планы.

Зазвучала музыка и двери во дворик распахнулись. Там под широким пологом стояла Айва, сжимая в руках букет незабудок.

Стояла нервно осматриваясь и даже фата не могла скрыть бледной улыбки, застывшей на её лице, когда она смотрела на князя в ожидании, что вот сейчас он шагнёт навстречу, пройдёт по ковровой

дорожке, возьмёт за руку и отведёт к жениху. Как того требовали обычаи.

Но время шло, а отец продолжал стоять рядом со мной.

— Остановись, — уже в который раз шепнула я, с жалостью смотря на сестру, которая всё никак не могла поверить, что он её бросил.

Сейчас.

Да, эта свадьба надолго запомнится. Мало того, что по времени попала на великий сбор, так еще и все традиции были порушены.

— Она сполна почувствует то, что испытывала ты эти годы.

— Ненависть порождает ненависть.

— Это моё слово...

За спиной зашевелилась мачеха, но тут же была остановлена коротким и резким окриком:

— Стой.

И Айва сделала первый шаг. Под насмешливыми взглядами сотни гостей девушка медленно брела вдоль рядов, до крови кусая губы. Оставленная семьёй, брошенная отцом, который при всех отказался от неё.

— Не надо, — выдохнула я, порываясь встать рядом.

Поддержать, проводить невесту в новый дом, как того требовали обычаи. Ведь не будет молодым счастья без благословения. Это все знали. И задетая гордость не повод так поступить с ней. Никто не заслуживает такого.

Но мужчина слишком крепко сжимал меня за плечи. А вырваться я не стала. Всё и так было слишком сложно.

Айва уже подошла к алтарю, застыв рядом с женихом и не зная, что делать дальше. Это отец должен был вложить её руку в руку жениха, обвязать лентами. А он продолжал стоять у меня за спиной.

— Прошу, — простонала мачеха сзади. — Ты и так достаточно унижил нас...

— Не достаточно...

Не знаю, откуда взялись силы. Или может дело в даре, который вдруг вспыхнул, отозвался в каждой клеточке окаменевшего тела, слегка оттолкнул отца. Не больно, но от неожиданности он дёрнулся, ослабляя хватку. А мне и этого было достаточно, чтобы вырваться.

Два шага и вот я уже возле сестры.

Стремительно взяла её за влажную ладонь и подвела к застывшему Миру, лицо которого сейчас больше напоминало маску. Неподвижную, безэмоциональную.

Простит ли он невесте такое унижение?

На Айву сейчас тоже страшно смотреть. В потухших глазах не отражалось ничего. Ни ненависти, ни благодарности.

Прости его, Лаари, ибо не ведает, что творит.

— Я Айвири, — произнесла я немного дрожащим голосом, поворачиваясь к алтарю, — дочь дома Иллиума, вверяю судьбу своей сестры в руки Мира из дома Телайн. И благословляю союз от имени нашего дома.

Дрожащими пальцами, соединила их руки и быстро обвязала лентой, поднимая глаза вверх. Туда, где на небольшом постаменте стояло каменное изображение богини.

— Прошу защиты для молодой семьи. Храни их, великая Лаари, — закончила я и сглотнула, когда внезапно в зале пронёсся легкий ветерок.

Он потревожил вуаль, сорвал лепестки роз и они, кружась в причудливом танце, опустились на головы молодым, словно осыпая их.

Изумлённый вздох гостей и широкая улыбка жреца, который одобрителем взглянул на меня,

застывшую между ошарашенными молодыми.

— Богиня благоволит вам, дети. Её одобрение сложно получить.

Лёгкий ветерок коснулся моих покрасневших щёк, обдавая ароматом дождя и роз, а в голове словно послышался насмешливый голос: "Довольна?"

Отпустив их руки, я с поклоном отступила, сама до конца не веря в то, что всё происходит наяву, шепнув едва слышно:

— Спасибо...

И только после этого рискнула взглянуть на отца.

Я многое ожидала увидеть в его глазах. Злость, недовольство, презрение или может быть разочарование. Но чего я точно не ожидала, так это страха. И пусть это чувство мелькнуло во взгляде всего на долю секунды, но оно было таким ярким, что я невольно замерла, вглядываясь и пытаюсь понять, что стало причиной.

Почему страх? За кого?

За младшую дочь, которую он, несмотря на все мои страдания обрёл на унижение? Потому что его выходку Айве не простят и не забудут. Да, Лаари благословила молодых, но не отец. Его благословение сестра так и не получила. Конечно, еще не поздно и он может сделать это после церемонии. Но момент всё равно был упущен.

Думал ли князь, какому унижению подверг не только её, но и всю семью жениха? Влиятельная семья Иллиума, которая пусть и не стояла на одной ступеньке с княжеской, но занимала высокое положение. И вполне возможно вместо союзника отец сейчас получил врага. И это князь Рогнар, который всегда отличался здравомыслием и взвешенными поступками.

Одна ошибка может так много стоить.

Или возможно страх в его глазах из-за меня? Что зашёл слишком далеко и вот-вот ликаны догадаются о том, что я не просто дочь, а послушница, которая вопреки правилам и законам продолжает вот уже одиннадцать лет приезжать в отчий дом?

Одиннадцать лет. Большая часть моей жизни проведена во лжи и обмане, в страхе, что вот-вот всё раскроется. Я могла понять отца, но не настоятельницу. Почему она позволила? Как рискнула пойти против воли богини в угоду одному из тридцати князей.

Какой бы высокий пост он ни занимал, это не имело значения. Обитель всегда стояла особняком над остальными княжествами, и никто не имел права вмешиваться в её деятельность. Давать указания или требовать что-нибудь. В крайнем случае попросить.

Но тогда почему настоятельница согласилась на просьбу отца? Я ведь никогда её не спрашивала. Наверное, боялась, что поездки прекратятся. Но сейчас мысленно дала себе слово, что, когда вернусь, обязательно спрошу. Чего бы мне это ни стоило.

Заминка длилась всего секунду. Я шустро обошла отца, встав на законное место позади мачехи и смогла перевести дыхание.

Я не ждала одобрения княгини или благодарности. Не для этого было всё сделано. Мне всё равно, поблагодарят они с Айвой меня за вмешательство или наоборот свалят всю вину за произошедшее.

В сложившейся ситуации нет правых, виноваты все.

Давно следовало что-то изменить, но я предпочитала прятаться и скрывать от всех истинное положение дел. Играла в жертву? Да, наверное, так и есть. Из года в год, еще больше усугубляя ситуацию.

Честно говоря, следовало сразу отказаться от этих поездок в Иллиум. Тогда все были бы счастливы. Исчезла эта ревности и ненависти.

Надо было. Но я слишком любила отца.

Далее обряд прошёл без осложнений. Ритуальные слова и песнопения, молитва Лаари, кубок вина, что молодые пригубили по очереди. Острие ножа с капельками крови. Робкая улыбка Айвы, которая сейчас выглядела такой нежной и воздушной. Счастье в её глазах, такое яркое, настоящее, что хотелось зажмуриться.

Завидовала ли я ей? Никогда. Но сейчас что-то такое непонятное, тяжелое сдавило грудь. У меня

ведь никогда не будет так.

И если раньше до этого момента я была горда своим предназначением, то сейчас, всего на секундочку, вдруг стало тоскливо.

Это чувство пришлось быстро прогнать. Нельзя сомневаться в своём предназначении. Тем более что это ничего не изменит. Моя жизнь принадлежит Лаари и этому миру. И точка.

Оторвавшись от молодых, которые в этот момент произносили священные фразы вслед за жрецом, я бегло осмотрела гостей. Вроде бы всё хорошо. Все, кажется, уже забыли о том, что было в начале. Но это только видимость.

Запнулась я лишь на мгновение, когда встретилась с внимательными дымчато-серыми глазами. Ликан, в отличие от остальных, смотрел только на меня. Практически не мигая, пристально. И щеки вновь вспыхнули румянцем и этот жар отозвался в груди непонятым томлением.

Нет, так нельзя! Завтра же утром отправлюсь в обитель. И неважно, дождь ли будет или настоящий потоп. Остаться в замке мне больше нельзя. И так по грани ходим.

Настоятельница всегда говорила, предостерегая нас, что Лаари каждой из послушниц даёт своё испытание, искушая перед посвящением, и наш долг выстоять. Этот ликан был моим личным искушением.

Зал взорвался аплодисментами, что привело меня в чувство. Церемония завершилась. Пора было поздравлять новобрачных.

Пользуясь толкотней, я незаметно, бочком продвинулась к выходу, скользнула за вуаль и поспешила прочь из зала.

Всё, хватит! На сегодня моя роль любимой дочери завершена. Для всех.

Судьбу больше испытывать я не собиралась.

Глава восьмая

Подхватив подол неудобного наряда, быстро вышла в длинный коридор, прошла мимо спешащих и спящих туда-сюда слуг, у которых осталось совсем немного времени перед тем, как важные гости хлынут из зала и начнётся главный пир.

— Всё в порядке, лэра? — спросила одна из девушек, встав у меня на пути.

Её голубые глаза смотрели на меня с тревогой.

— Да, да, всё отлично, — натянуто улыбнувшись, ответила ей и поспешила дальше.

Возвращаться в покои желания не было, опять придётся брести по длинным коридорам у всех на глазах. Да и не хотелось мне в эту золотую клетку. Никуда не хотелось. Как же сильно я устала от всего. словно все силы разом оставили.

Воздух... Мне нужен воздух. Прямо сейчас.

Рванула в сторону. Как раз туда, где был один из трёх выходов на широкую террасу под большим навесом.

Всего пару минут и я выскочила из замка, застыла, вдыхая свежий влажный от дождя воздух, закрывая глаза.

Как же хорошо. Аромат сырой травы, земли, цветущих трав. Всё это успокаивало, убирая возникшую ниоткуда головную боль.

Как же устала от всего. И хочу назад в обитель. Туда, где всё легко и просто, когда не приходится скрываться и бояться неосторожного жеста или звука. Надо же, эти пару дней превратили меня в нервную особу, вздрагивающую от каждого звука.

Открыв глаза, я шагнула поближе к перилам. А дождь припустил сильнее, застучал мелодией по крыше, запузырился в многочисленных лужах.

Коснувшись одного из столбов, удерживающих крышу над головой, я провела по гладкому дереву ладошкой.

Лаари отозвалась.

Мне отозвалась! Обычной послушницы, которая даже посвящение еще не прошла.

Невероятно, невозможно, ошеломительно.

Может, всё это приснилось? Богиня не отвечает просто так, и уж точно ей нет дела до моих желаний.

Но нет, не показалось, отозвалась, благословила, коснулась и меня своей благодатью.

Почему? Зачем?

Мне не терпелось вернуться назад в обитель и рассказать всё настоятельнице, она должна была знать, должна объяснить.

Шнуровка туники была слишком тугой. Подняв руку, я схватилась за верёвочки, пытаюсь хоть немного её ослабить. Но нет, без посторонней помощи не получится. Надо еще пояс развязать, кафтан снять. Придётся перетерпеть. Да еще ныли в узких туфельках ступни. Так хотелось скинуть их и пройтись босиком. По лужам...

Вот зрелище было бы.

Прогнав горькую усмешку, я выставила обе ладошки, сложив их лодочкой, вперёд, прямо на улицу, набирая в импровизированную чашу прохладные капельки.

Дождь был довольно сильный, поэтому долго ждать не пришлось. Уже через минуту ладони были полны дождевой воды. Недолго думая, я задержала дыхание и одним взмахом плеснула прохладной влагой себе в лицо, заливая еще и воротник платья.

Ох!

Бодрит. И мысли прочищает. Несомненно, легче стало.

— Интересный способ освежиться.

Я даже не особо сильно удивилась, услышав его голос за спиной. Будто знала, что мужчина последует за мной. Ждала даже. Хотя никогда бы в жизни никому в этом не призналась. Но себе можно.

— Это похоже на преследование, — заметила я, медленно поворачиваясь и опираясь бёдрами о перила, одновременно с этим стряхивая капельки влаги с пальцев.

— Разве? — с улыбкой переспросил ликан, привалившись плечом к дверному проёму.

Тёмная прядь вновь упала на лоб придавая ему дерзкий и беззаботный вид. Только взгляд был совсем другим, тревожным, требовательным.

— Несомненно.

Я неловко провела пальцами по лицу. Вся красота, которую служанки наводили, смыться от этого умывания не должна, но потечь вполне могла. Хорошо же я, наверное, сейчас выглядела.

Но судя по всему, северянина моя внешность особо не пугала.

— Вашей сестре очень повезло.

— Да, Мир хорошая кандидатура для дочери князя, — равнодушно отозвалась я, убирая руки за спину и покачиваясь на ногах. С пятки на носок и обратно. — Благородное семейство, красивый, умный, хороший воин. Плюс ко всему влюблён в неё.

— Я про благословение Лаари.

Взгляд пришлось отвести. Тяжело смотреть в глаза ликану и притворяться безразличной. Тем более, когда тема для разговора такая щекотливая и опасная.

— Да, великая честь, — разглядывая резкой узор на верхней балке, отозвалась я.

— У вас сложные отношения.

Он даже себе не представляет какие.

— Отношения редко бывают лёгкими, — заметила я, продолжая изучать балку.

Красивая такая, резная. А кожа на лице горела от внимательного взгляда дымчатых глаза. И даже свежий воздух не помогал.

— Но от хороших не бегут.

— А я разве бежала? — с легкой улыбкой спросила, решившись вновь на него взглянуть.

Правда улыбка быстро сползла. И в груди что-то сдавило, от чего стало трудно дышать. Снова захотелось ослабить шнуровку, а то так и задохнуться недолго. Но не при нём же. Поэтому снова пришлось терпеть.

— Просто решила умыться дождевой водой?

— Просто не люблю шумные сборища и навязчивые компании. Одиночество для меня привычнее, — многозначительно ответила ему.

Намёк ликан пропустил.

— Ты любишь одиночество? — переспросил молодой мужчина неожиданно заинтересованно.

Словно я сказала нечто очень интересное и даже важное. Мне даже понадобилось несколько секунд, чтобы переосмыслить собственную фразу, в поисках подозрительных отступлений, но ничего необычного так и не обнаружила.

— Да, люблю. Это преступление? — поинтересовалась настороженно.

— Нет. Мне просто любопытно.

Любопытно ему. Вот пристал.

— Лэр, — задрав подбородок повыше, произнесла я. — Разве я неясно выразилась? Ваше внимание весьма почетно, но совершенно бессмысленно. Оставьте это и сосредоточьтесь лучше на ком-то другом.

— Это из-за князя?

Ну вот, опять всё мимо прошло.

— Я не стану с вами это обсуждать. И знаете... мне лучше уйти. Не для меня всё это.

И скорее всего под дождём. Потому что так быстрее. Потому что проходить мимо северянина точно не стала бы, а идти по террасе к следующей двери слишком долго. А так хоть какая-то надежда, что мужчина за мной не увяжется.

— А что для тебя, Айвири? Что делает тебя счастливой?

Не знаю, что в его голосе заставило меня остаться и ответить. Не чистую правду, конечно, но то, что было очень близко к истине.

— Тишина и покой. Помощь другим, как бы странно это ни звучало.

— Это не странно, — тихо ответил ликан и медленно двинулся в мою сторону.

Это и привело в чувство. Заболталась тут с ним, разоткровенничалась, забыла обо всём.

— Мне надо идти, — снова повторила я, пятясь к выходу с террасы. — А вам пора на праздник.

— Айвири, — серьёзно произнёс мужчина. — Я не буду мучить ни тебя, ни себя. Лучше сразу поговорить начистоту.

Сердце внутри замерло. Что это значит? Почему мучить?

А его следующий вопрос едва не лишил меня рассудка.

— Что ты знаешь о благословении Лаари?

Устояла на ногах я лишь только потому, что умудрилась каким-то чудом уцепиться за перила. Это и спасло меня от позорного падения к ногам ликана. Хотя еще не поздно. Вполне возможно уже совсем скоро мне придётся валяться у его ног, вымаливая прощение и каюсь.

— Лаари? Благословение Лаари? — переспросила я дрогнувшим голосом, не зная, что придумать, какие слова найти в своё оправдание.

Глупая, я всё еще надеялась, что мне послышалось, что это ничего не значит.

— Да, — ответил ликан, застыв в паре шагов от меня и всё так же пристально изучая. Моё состояние от него не укрылось, но возможно он списал это на волнение. — Благословение богини.

Ох, великая.

Как он узнал? Как понял? Мы же были так осторожны. Может проговорился кто? Один из князей в разговоре с другим собратом по власти или слуги случайно, когда проходили мимо. Так много этих вариантов и каждый вполне мог быть в действительности.

Не надо было мне соглашаться на это. Не надо. Теперь сколько невинных людей пострадают из-за опрометчивого решения отца.

— А почему вы спрашиваете? — совсем несчастным голосом спросила я.

— Айвири, с тобой всё порядке? — обеспокоенно спросил мужчина и сделал ко мне еще один шаг.

Слишком близко.

Я выставила вперёд руку, пытаюсь его задержать и остановить. Ту самую, на которой стояла печать. Правда, как только поняла это, сразу же её опустила, нервно поведя плечом. Можно было и за спиной спрятать, но это было бы слишком очевидно.

— Вы не могли бы не подходить так близко.

— Неприятно?

Солгать? Нет, я сейчас так взвинчена, что любая ложь могла вызвать обратную реакцию.

— Нет. Просто не надо. Меня это беспокоит, — сдавленно отозвалась я, всё еще не рискуя поднять на него взгляд. Вместо этого продолжала изучать уже знакомую брошь у шее в виде большой полосатой кошки. — Так почему вы завели разговор о Лаари? Из-за её появления на свадьбе. Вы это благословение имели ввиду?

«Пожалуйста, пусть скажет да! Пожалуйста-пожалуйста. И я клянусь, что сегодня же сбегу в

обитель и больше никогда из неё не выйду. Останусь там до конца своих дней».

— Нет, я имел в виду другое благословение.

«Всё кончено. Он знает и медлит... Но почему он медлит? Даёт мне шанс самой во всём признаться? Покаяться? Возможно в это есть смысл. Если я так и сделаю, ликан смягчит наказание...»

— Послушайте... — начала я и была тут же перебита.

— Понимаю, для тебя и остальных это скорее всего легенда, сказка, в которую сложно поверить.

«Сказка? Он издевается?»

— Я не понимаю, — призналась ему совершенно честно.

— Ликаны ведь тоже поклоняются богине.

— Знаю.

— И нас она тоже одаривает дарами, — продолжил мужчина с неуверенной улыбкой на губах.

— Дарами? — повторила за ним недоуменно.

Послушниц среди ликанов не было. Ни одной. Никогда. Это просто невозможно. Тогда о чём северянин сейчас мне рассказывал, тщательно подбирая слова, словно боялся спугнуть?

— Да, это дар. Знаешь, раньше мне казалось это проклятьем, но теперь я понимаю, какой это дар, — он запнулся, протянул руку словно хотел коснуться.

Сбежать было некуда. Позади перила, даже дёрнуться не могла. Оставалось лишь застыв наблюдать, как мужская рука медленно двигалась в мою сторону. Ещё немного и коснётся.

Я задержала дыхание, ожидая этого, вспомнив то наше первое соприкосновение в лесу.

Но ликан вдруг замер и всё так же медленно опустил руку.

— Дар встретить тебя, — закончил молодой мужчина неожиданно глухо.

Ответить я ничего не могла, поэтому продолжала стоять, растеряно хлопая ресницами.

— Наш удел сражаться с ледяными монстрами, Айвири. Сдерживать их, не давая спуститься в долину и уничтожить здесь всё живое. Жизнь ликана довольно коротка и опасна, мало кто доживает до глубокой старости. Поэтому времени на долгие поиски у нас просто нет.

— Поиски чего? — с трудом смогла произнести я.

— Ни чего, а кого. Второй половинки, пары.

Вот этого я точно не ожидала услышать.

— П-пары?

— В этом и есть дар Лаари для ликанов. Наша пара — идеальная во всех смыслах.

Кажется, что-то подобное я помню из уроков истории. Или не истории. Да, точно, был такой раздел о возлюбленных ликанов.

— Почему вы мне это рассказываете?

— Потому что, Айвири, ты моя пара...

Пара ликана.

Истинный дар Лаари для великих воинов, о котором я как-то забыла, занятая тем, что пыталась скрыть своё предназначение.

Я вспомнила тот раздел учебника, что в своё время на уроке вызвал ажиотаж у нас, сопливых девчонок, которые несмотря ни на что верили в любовь и счастье. Даже зная о своём предназначении, мы продолжали мечтать. Просто потому что не получалось иначе. Мечту у нас отнять не могли.

Какое же это невероятное чудо быть для кого-то единственным и неповторимым, только одним на всем свете. Настоящее волшебство, которое нам так сложно было принять и поверить.

Любовь всегда считалась второстепенной причиной для вступления в брак. Союз моих родителей скорее исключение из правил. Айве вон тоже повезло.

"Стерпится — слюбится" принято повторять старшими.

А тут браки, основанные именно на любви. Истинной, настоящей, когда никого кроме своей половинки не видишь и не замечаешь. Не каждый ликан удостоивался такой чести, лишь избранные, но оно того стоило.

Было у этого союза и другое значение. От истинного брака рождались сильные дети, будущие воины, что могли противостоять ледяным демонам.

Я не знала, как они определяли свою пару. Никто точно не знал. В книге лишь писалось, что ликаны её чувствуют, стоит им хоть раз столкнуться. И сделают всё для того, чтобы сделать своей.

И вот теперь северянин считал, что его пара я.

Мне хотелось смеяться. От облегчения или это такая странная реакция на шок, сказать сложно, но мне действительно хотелось смеяться. Громко, не стесняясь, запрокинув голову назад и задыхаясь от счастья.

Ошибся. Лэр Итан Ларкас ошибся.

Да, мужчина почувствовал на мне печать Лаари, силу и возможности. Но принял их за другое. Посчитал, что я его единственная.

И теперь... теперь я не знала, что делать.

Рассказать ему правду? Мол ошибочка вышла, разлюбезный лэр, не могу я быть вашей суженой. И печать показать, обнажив запястье.

Только нельзя так делать. Совсем нельзя. А оправдаться как-то надо. Вот только как? Не соглашаться же со статусом пары. Это может кончиться плохо для всех. Еще одна ложь к остальным. Нельзя так. Одно дело солгать о своём статусе, а совсем другое обмануть лично его.

— Айвири.

Устав ждать моей реакции, ликан снова шагнул вперёд, осторожно взял мою руку в свои чуть шершавые ладони и поднёс к губам, согревая заледеневшие пальцы горячим дыханием.

Я даже не представляла, что так замёрзла, стоя на прохладной террасе под сырым ветерком, который вместе с влажностью проникал сквозь тонкую одежду, вызывая дрожь по телу.

Но только ли в этом причина?

Я не сопротивлялась, прикрыв веки, наблюдала как мужчина нежно поглаживал мою руку, как чуть наклонился, обдавая обжигающим дыханием кожу. И смотря при этом прямо в глаза, чётко отслеживая каждый вздох, замечая задержку дыхания, лёгкий румянец на щеках, скрыть который было просто невозможно.

— Понимаю, для тебя это настоящее потрясение. Так сложно поверить, — мягко произнёс он, продолжая удерживать меня взглядом.

Потрясение, несомненно. Но еще и облегчение.

— Почему вы решили, что это я, лэр? — сдавленно спросила у него, лихорадочно размышляя о том, как бы поаккуратнее выдернуть свою ладошку.

Его осторожные прикосновения обжигали, посылая по телу крохотные искорки, от которых сердце билось быстрее, а в животе словно мотыльки поселились, щекоча своими крылышками.

— Не веришь, — понимающе кивнул мужчина, совершенно не удивившись и совсем не разозлившись.

Словно именно такой реакции ждал от меня. Скорее всего так оно и было.

— Честно говоря, ничего в этом не понимаю и не знаю. Я не ликан и ваша жизнь скрыта от остального мира, — уклончиво отозвалась я, всё еще пытаюсь придумать, как выпутаться из столь щекотливой ситуации.

Но крайне сложно о чём-то думать...

...когда он находится так близко, что я чувствовала исходящий от него аромат холода и каких-то цветов. Запах был таким лёгким и ненавязчивым, но я всё равно его ощутила, глубоко вдыхая, запоминая.

... когда мужчина касался руки. Только руки, а горело всё тело, каждая его частичка. И с каждой секундой этот жар становился всё сильнее.

Ох, Лаари, как же жестока ты со своей дочерью. Одно испытание сложнее другого. Смогу ли я выдержать всё это достойно?

— И боишься, — подытожил Ларкас, заметив моё смятение и расценив его по-своему.

— Я вас не знаю. И виделись мы всего пару раз. Даже суток после знакомства не прошло. А вы утверждаете, что я ваша суженая. Разве такое возможно?

Невозможно для обычных людей, но не для ликанов.

— Ты человек и не чувствуешь это притяжение. Точнее чувствуешь, но слабо и не понимаешь его причин. Пройдёт немного времени и ты убедишься в том, что я прав.

— А вы значит чувствуете?

Притяжение, ожидание, желание... неужели это всё я? неужели я могу вызвать у него такие эмоции? Или это всё лишь печать Лаари сбивает его с толку.

Да, всё дело в ней. В печати, что навечно украсила моё запястье, определяя жизнь и судьбу.

Руку я всё-таки выдернула.

Осторожно, словно боялась, что мужчина схватится сильнее, попытается задержать меня. Но ничего этого не произошло. Отпустил, позволил убрать руки за спину и перевести дыхание.

Снова захотелось умыться прохладной дождевой водой. Может это помогло бы унять жар в груди.

Только дождик уже затих, облака стали светлеть и на востоке появился небольшой клочок голубого неба.

Распогоживается.

Хороший знак.

— Чувствую, — так же тихо и уверенно произнёс ликан, продолжая стоять рядом. — То, что не должен отпускать, что хочу всегда быть рядом. Я много чего чувствую...

От его запаха закружилась голова и во рту даже пересохло.

— И ждете от меня... Чего? — спросила настороженно, поворачиваясь ко двору и впиваясь пальцами в деревянные перила.

Ликан не торопился отвечать, позволяя мне самой ответить на собственный вопрос.

Я скользнула взглядом по большим грязным лужам, мокрой дорожке из бежевого камня, который сейчас казался темнее чем обычно, яркой зелени кустов, усеянных большими соцветиями, на листьях которых сияли крупные капельки влаги.

Снова запели птицы, нарушая возникшую тишину.

Не совсем тишину, там в замке продолжался праздник. Окна пока были закрыты, но голоса и музыка всё-таки доносились, напоминая о священном союзе.

— Вы рассчитываете, что я уеду с вами? Оставляю свой дом, отца, семью, друзей? Променяю вечное лето на холод Ардана? И всё из-за уверенности, что я ваша пара?

— В твоих устах это звучит не столь прекрасно, как выглядит на самом деле, — произнёс он с тихим смехом. — Но у меня есть время, чтобы переубедить тебя в обратном. Уговорить.

Времени нет. И шансов тоже. Никаких. И уехать мне из Иллиума надо как можно скорее. Пока есть такая возможность. Только вот этого я ему, конечно же, не скажу.

— И вас ничего не остановит? Даже мой отказ? — с любопытством спросила я, бросив на него взгляд из-за плеча. — Не так ли, благородный лэр?

Чуть нахмурился, проигнорировав мои вопросы и произнеся нечто совсем другое:

— Итан, Айвири, называй меня по имени.

— Вы просите слишком много.

Я снова осмотрела двор, зацепившись взглядом за главную башню с колоколом, которая возвышалась над высокими толстыми стенами замка.

— Уже завтра начнётся великий сбор, — произнесла тихо и зябко обхватила себя руками.

На плечи тут же лег тяжелый плащ с мягкой опушкой, насквозь пропахший мужчиной. Кажется, теперь его аромат будет преследовать меня до конца дней.

— Не стоит, — забормотала растеряно, пытаюсь снять плащ и вернуть хозяину.

Не дал, удержал.

Ладонь скользнула по меху вниз, зацепившись за металлическую пряжку с серебряным зверем, и кожу словно огнём обожгло. Мне с трудом удалось сдержать возглас, прикусив внутреннюю сторону щеки.

— Кто это? — спросила осторожно, указав на бляшку, но трогать больше не решалась.

— Зверь моего рода. Белый тигр, — ответил Ларкас, становясь рядом, так что наши плечи едва уловимо касались.

— Красивый, — заметила я и продолжила начатое. — Завтра дворы Иллиума наполнятся слезами.

— Ты же знаешь, что по-другому нельзя. Мы не справляемся, — с тяжелым вздохом признался мужчина, чуть сгибаясь и опираясь локтями о перила. — С каждым годом ледяные демоны становятся всё сильнее и могущественнее. Нас не хватает. Граница севера распространяется всё дальше. Там, где еще двадцать лет назад царило лето, лежит снег. Грязный, бурый, но снег... Мы же забираем их не навсегда. Через пять лет служба закончится, и они вернутся домой.

— Те, кто сможет выжить. И не сойти с ума.

В обитель часто привозили их... бывших призванных, прошедших снег и стужу Ардана, покалеченных не столько физически, сколько эмоционально. Нас послушниц допускали только к самым лёгким, тяжелых забирали девушки уже прошедшие посвящение.

Я до сих пор помнила своего первого такого пациента. Мне было пятнадцать, он на десять лет старше, по бумагам.

Выглядел же как старик, с потухшими светлыми глазами, посеребрёнными сединой тёмными волосами, бледной сухой кожей, сплошь усеянной старыми шрамами и кошмарами, которые сводили с ума.

Сколько ночей я просидела у его постели, пытаюсь вернуть к жизни, забрать его боль и страдания. Так рьяно взялась за лечение, что чуть не довела себя до истощения, полная решимости спасти, вернуть к нормальной жизни, сама чуть не ступила на грань.

Именно тогда мне стали сниться кошмары... жуткие, непонятные, полные сильного ветра, холода и теней, что подбирались всё ближе, шипя моё имя.

Дака я вылечила. Смогла помочь. С тех пор вот уже пятый год подряд он приезжал в обитель с дарами. В последний раз привёз знакомиться курносую малышку с огромными глазами.

— Её зовут Эвери, — произнёс он смущенно. — Айвири слишком мудрено для нас. А Эвери в самый раз.

— Спасибо, — шепнула я, с трудом сдержав подступившие слёзы.

— Ты спасла меня, — просто отозвался Дак.

Спасла, едва не потеряв себя. А ведь были пациенты хуже, тяжелее... Сошедшие с ума, навсегда оставившие свой разум в снегах Ардана. И не каждому мы могли помочь, не каждого могли вернуть.

— И вы хотите на фоне всего этого горя завоевать моё сердце? — тихо спросила у Ларкаса, зябко укутавшись в плащ, пытаюсь согреться, хотя на улице значительно потеплело.

Еще немного и солнце выглянет, заиграет, заблестит в лужах и капельках влаги.

— Обстоятельства не самые удачные, — кивнул ликан, соглашаясь. — Но другого времени у нас не

будет. Закон Лаари действует на всех территориях. Избранница принадлежит ликану. И даже твой отец ничего не сможет с этим сделать.

Отец не сможет, а вот Лаари...

— Да, — отозвалась тихо, забывшись настолько, что добавила едва слышно: — Законы богини непреложны и князь не сможет их обойти как ни старайся.

Спохватилась, но уже поздно. Услышал? Но понял ли?

Нет, не понял.

Выпрямился, поворачиваясь ко мне и я тоже развернулась с участившимся сердцебиением.

— Айвири, — прошептали его губы едва слышно и серые глаза блеснули синевой.

— Что здесь происходит? — раздался внезапно голос от дверей, заставив меня отшатнуться от мужчины и обернуться.

Глава девятая

Княгиня.

Женщина застыла в проёме, не сводя с нас холодного взгляда, пробирающего до самых костей. Красивая и грозная одновременно, вызывающая трепет, восторг и страх. С золотистыми волосами, которые длинными локонами, украшенными жемчужными нитями, падали на плечи и грудь, доходя до бёдер. В платье насыщенного голубого цвета с жаккардовым напылением в тон и пышной юбкой. Когда-то её благосклонности добивались многие, а она любила моего отца. Всегда.

Даже страшно было представить, как я сейчас выглядела в её глазах. Мы с ликаном выглядели, находясь так близко друг к другу, глядя в глаза, почти касаясь. Мало того на мне всё ещё был его плащ.

— Княгиня.

Северянин первым пришел в себя, повернувшись к ней и чуть склонив голову, приветствуя.

— Я, кажется, задала вопрос, лэр. Что здесь происходит? — раздраженно повторила мачеха, сцепив пальцы в замок и сложив их у живота.

— Ничего особенного, разговариваем, — отозвался мужчина, пока я всё так же продолжала стоять столбом, приходя в себя от произошедшего.

— Вы выбрали весьма неудачное место и время для разговоров, уважаемый. Дочь князя не уличная девка, которую можно зажимать по углам.

Я с трудом смогла сдержать протестующий вздох, поджала губы и очнулась. Надо сказать мачехе спасибо, резкие слова подействовали довольно отрезвляюще. Я вспомнила, кем являюсь, кто этот мужчина рядом со мной и где мы вообще находимся. Еще немного и я могла ступить на край, грозя сорваться вниз.

Быстро стащила плащ с плеч, вручила ликану и попятилась назад.

— У меня и в мыслях не было оскорблять княжну, — специально выделив голосом последнее слово, заметил северянин.

Ей удалось сдержаться и не скривиться при упоминании титула, который должен был принадлежать мне, но так и не стал. Надо сказать, в данный момент я даже восхищалась этой женщиной. Никогда не думала, что она может быть такой сильной, грозной и решительной, раз попыталась противостоять ликану. На такое не каждый бы пошёл.

— Но тем не менее вы поставили нас и Айвири в неудобное и провокационное положение. Странно видеть это от ликана. Насколько мне известно, у вас есть свои правила поведения за границами Ардана.

— Я приношу вам свои извинения, княгиня, и вам княжна, — взгляд дымчатых глаз на мгновение переместился на меня. — Если своими поступками или действиями причинил вам неудобство.

— Объяснять своё поведение вы будете не мне, — отрезала княгиня и тоже повернулась ко мне. — Айвири, долго тебя ждать? Нам давно пора спешить на праздник. И будь так любезна, больше не исчезай. Это неприлично.

— Да, княгиня, — покорно отозвалась я.

Надо же, а я-то уверена, что она меня на празднике видеть не хочет. Так зачем пошла следом? Скорее всего не по собственной воле. Еще одна выходка отца, отправить провинившуюся жену как служанку искать старшую дочь. Жестоко.

— А вам, лэр, — мачеха снова обратила свой взор на застывшего ликана, — должно быть стыдно. Мало того, что вы преследуете девушку... благородной крови против её воли, даже не спросив разрешения у её отца, так еще и подстерегаете в безлюдных местах. А если бы вас нашла не я, а кто-то из гостей?

— Спасибо за замечание. С князем я обязательно сам поговорю, — отозвался ликан и глаза вспыхнули холодной сталью. — И разрешение получу.

Он произнёс это таким тоном, что сомнений в том, что так и будет, ни у кого из нас не возникло. И от этого стало еще неудобнее.

Мачеха сглотнула, на мгновение утратив уверенность, в глазах промелькнул страх и исчез. Да, она

прекрасно понимала, чем может закончиться этот разговор.

— А до этого момента оставьте девушку в покое. Айвири, пойдём.

Спохватившись, я поспешила за ней следом. Лишь у самых дверей задержалась на мгновение. Спину жёг серый взгляд и противиться я не могла. Обернулась, прочитав неприкрытое обещание в глубине глаз, дёрнула плечиком и быстро отвернулась, выйдя с террасы.

— Спасибо, — произнесла я спустя минуту, когда мы прошли по длинному коридору, свернули за угол и вдруг остановились у одной из дверей.

— Я сделала это не для тебя, — отозвалась мачеха раздраженно. — Заходи.

— Сюда?

— Да. Быстрее же. Времени мало.

Я вошла внутрь и огляделась.

Обычная комната, мебель, пара стеллажей и никого.

— Зачем мы здесь? — спросила я, оборачиваясь к мачехе.

Та, пошатываясь, подошла к столику, на котором стоял графин с водой, и налила себе стакан, который тут же выпила до дна.

Шумно вздохнула, опираясь ладонями о столик и только потом взглянула на меня зло, исподлобья.

— Ненавижу тебя, — прошептала женщина едва слышно. — Как же сильно я тебя ненавижу.

Новостью для меня это не стало. Я всегда чувствовала её отношение к себе. С самого рождения, просто до этого момента мачеха никогда не произносила этого вслух. А тут вдруг решилась. Почему интересно?

— Я знаю, — ответила спокойно.

— Всегда ненавидела. И мне не стыдно за свои чувства, — добавила она, выпрямляясь и буквально испепеляя меня взглядом. — Как похожа на неё... Не только внешне... жесты, улыбка... жертвенный характер. Проклятый жертвенный характер. Если бы ты знала, как противна твоя правильность, всепрощение и идеальность.

А вот на это мне даже ответить нечего было.

Вот тебе и результат. Старалась быть тихой и незаметной, молчала, выгораживала и от этого виновата еще больше. Хотя, наверное, что бы я ни делала, результат был бы один и тот же. Я раздражала их сама по себе, тем, что дышала с ними одним воздухом.

— Даже с этой меткой ты продолжаешь отравлять мне жизнь, — буквально выплюнула она и всё той же нетвёрдой походкой подошла к креслу, тяжело опускаясь в него.

— Это решение отца, — зачем-то отозвалась я, следя за ней настороженным взглядом.

Зачем женщина привела меня сюда? Какими еще откровениями хочет поделиться.

— О да. Князь умеет добиваться своего. Даже нашёл рычаги к настоятельнице, которая позволила приезжать сюда. А сегодня из-за тебя моя дочь прошла через унижение.

Я не стала ей говорить, что Айва отчасти сама виновата в том, что произошло. Венок матушки брать не стоило. Всему есть границы, и она их переступила.

— Ей никогда не забудут и не простят этого.

— Я не хотела, чтобы всё так получилось.

— Это всё из-за тебя! Почему ты не сдохла вместе со своей блаженной матерью? Почему ты?... — она запнулась, закрывая на мгновение глаза. — Когда же ты исчезнешь из моей жизни?

— Осталось недолго. Посвящение совсем скоро и ваше желание будет исполнено.

Женщина коротко рассмеялась. У меня мороз прошелся по коже от этого смеха.

— Он уже ищет способы привезти тебя сюда, сделать помощницей старой Нэн. Подсунуть мне под нос!

— Распределение от него не зависит. Лишь богиня принимает решение о судьбе послушницы. Только она. Даже настоятельница ничего сделать не может.

— Надеюсь, она отправит тебя в Ардан, — оскалившись, произнесла женщина. — Под нос этому ликану. Ха! Какой это для него будет сюрприз. Надо было отправить тебя еще утром, в дождь, в бурю. Неважно. Неужели ты не понимаешь, что теперь мы пропали?

— Почему? Никто не скажет, я уеду ночью...

Мачеха снова рассмеялась, запрокинув голову назад.

— Не сможешь. Этот ликан хочет тебя и сделает всё, чтобы получить. Из замка тебе не выйти. Поверь мне, я знаю, он не даст тебя увезти. И значит придётся рассказать правду. Правду, которая погубит нас всех!

А ведь она права. Что сделает любящий отец, когда к нему придёт ликан со словами: ваша дочь моя пара и я забираю её у вас, чтобы навечно увезти в снега Ардана под нос ледяным демонам?

Правильно, предпримет всё возможное, чтобы этого не случилось. Спрячет, скроет, увезёт, отвезёт на край мира. И северянин не может этого не понимать. Сейчас, когда ликан открылся, признался в своих планах, то пошёл на большой риск, к которому должен быть готов, как и к последствиям и попыткам побега. Наверняка его люди будут стеречь все входы и выходы из замка. А помня о потайных проходах, еще и на дорогах станут дежурить.

Мне не дадут уехать из замка.

— И что делать? — сдавленно спросила я, хватаясь за спинку дивана, чтобы не упасть.

Ноги ослабели и снова стало трудно дышать. И виной тому не тугая шнуровка, а страх, накрывший с головой. Он был такой силы, что у меня перед глазами всё поплыло и засверкало.

— Делать? — переспросила мачеха, криво усмехаясь. — Какой хороший и своевременный вопрос. Было бы легче тебя убить.

Это не новость.

Так, наверное, действительно было бы легче. Всем: отцу, мачехе, сестре. Возможно даже мне самой.

— Если бы ты знала, как долго я мечтала об этом. Сколько раз представляла, стоя у твоей колыбели, — продолжила откровенничать княгиня с безумной улыбкой на губах, которая не затронула холодных глаз. И не было ни капли сомнений в том, что сейчас женщина была как никогда честна со мной. — Это ведь так просто, взять подушку, прижать к твоему личику, чуть надавить и держать. Минуты было бы достаточно. Ты бы даже пискнуть не успела. Я даже брала подушку в руки, поглаживала ткань и смотрела на тебя. Смотрела и мечтала. Представляла, как бы все изменилось. Сразу. И Рогнар был бы только мой. Навсегда. Последнее свидетельство твоей матери исчезло бы, растаяло. Он бы погоревал и забыл, отдав всю любовь нашим детям. Не зря же говорят, что надо перерубать, резко, больно, а не тянуть, как тянул он все эти годы.

Страшно ли такое слышать?

Нет, не страшно. Больно, но не страшно.

— Что ж вы этого не сделали?

— Твоя метка, — княгиня взглядом указала на руку, которая лежала у меня на коленях. — Она стала моим благословением и проклятием. Никто не смеет причинять вред избраннице Лаари. Богиня не простит.

Да, это знали все.

— Я столько лет ждала, уговаривала себя. Вот еще немного, Милена, потерпи, вот исполнится ей девять лет, и уедет, растает как дым, не оставив о себе и следа, но он вмещался... Снова притащил тебя в мой дом.

— Это и мой дом тоже.

— Твой дом — обитель, твоя семья — послушницы. Разве не этому тебя учили десять лет? Ты не княжна и никогда ей не станешь. Айва сказала правду сегодня утром. Решилась на то, что не смогла произнести я. А должна была. Давно еще.

— Так выдайте меня, — тихо отозвалась я, неотрывно смотря ей в глаза. Прямо, не стесняясь и не боялась. — Это же так легко. Я даже сопротивляться не стану. Сама пойду с вами к ликанам, сама

стяну рукав, покажу печать. И вы отомстите мне, отцу. Заставите заплатить. Разве вы не этого хотите?

Она дёрнулась, откидываясь на спинку кресла и прикрыла глаза рукой, словно боясь моего взгляда.

— Надо было бы, — едва слышно прошептала женщина и губы тронула лёгкая, едва заметная улыбка. — Надо было это сделать. За ту боль и слёзы... он ведь в первую ночь шептал её имя... даже в мою брачную ночь твоя мать встала между нами. Надо было... Но я слишком его люблю. Глупо, да? Любить того, кто никогда не ответит на чувства. Того, кто отдал своё сердце мёртвой бабе... Нет, я не выдам тебя... Не расскажу.

Женщина встряхнулась, прогоняя эмоции с лица, выравнивая голос, становясь той княгиней, которую я привыкла видеть все эти годы.

— Мы сейчас вернёмся в зал к гостям, где будет объявлено о помолвке, — резко произнесла женщина.

— Помолвке? — переспросила я и покачала головой. — Я не могу выйти за ликана. Вы же знаете, что это невозможно. Ни один мужчина не смеет касаться послушницы!

— Не за ликана. Твоим женихом станет Аймаг, княжич Аули.

Один из трёх княжичей, которых я встретила сегодня утром. Тот самый, смуглый, черноглазый, черноволосый, что первым перегородил мне путь.

Наверняка завидный жених, о котором мечтают многие девушки и их предприимчивые родители. Союз с ним — почёт и уважение. Для кого-то другого, но не для меня.

Сама мысль стать невестой Аймага была невероятно глупой и невозможной.

— Вы сошли с ума, — произнесла я с нервным смешком, всё ещё уверенная, что это просто розыгрыш. — Этого не будет. Ни ликан, ни княжич, никто не смеет касаться послушницы.

— Он и не коснётся.

Я покачала головой.

Что за глупости? Что за странные разговоры?

— Ни один жрец нас не благословит. Это невозможно.

— Этого и не потребуется, — отмахнулась мачеха. — Но о помолвке будет объявлено сегодня же.

— А вы вообще уверены, что он согласится? — привела я следующий аргумент.

Потому что нормальный мужчина никогда бы на это не согласился. Помолвка с послушницей, да это чистой воды самоубийство. Как объяснить богине, что это всего лишь шутка?

— Он и два его дружка нанесли оскорбление твоему отцу. Такое сложно забыть и простить. Его отец князь Сангар тоже это понимает и готов принести соответствующие извинения. А его сыну полезно будет самому ответить за проступки, а не прятаться за спину отца.

Это, конечно, всё очень интересно, но...

— Когда вы успели всё это придумать и договориться? — спросила я.

Потому что за то время, пока мы с ликаном разговаривали на террасе, когда он объявлял меня своей парой, они не могли договориться. Это просто невозможно. Тогда как?

— Знаешь, я вот думаю, неужели ты на самом деле такая глупенькая, какой хочешь казаться? — чуть склонив голову на бок, издевательски произнесла мачеха. — Ведь сразу же было понятно, что ликан не оставит тебя в покое. Вот и пришлось искать пути спасения. А тут как раз эта троица под руку попала.

— Вы знали, что так будет? — ошарашено переспросила я.

— Подозревала. Когда ты ушла, а Ларкас последовал за тобой, поняла, что ждать и тянуть больше нельзя.

— Правда? А то, что я являюсь его парой, вы тоже знали? — язвительно переспросила у неё, с интересом наблюдая за мачехой.

— Пара? — быстро заморгав, переспросила она. — Какая пара?

— Та самая, единственная и настоящая. Дар Лаари ликанам. Вам должны были рассказывать об этом. Или вы думаете, он искал меня просто из-за красивого личика? Итан Ларкас уверен, что я его пара, подаренная ему богиней. И тогда никакая помолвка, даже фиктивная, ликана не удержит. Всё это бесполезно. Его не остановить. Собственно, об этом мужчина весьма недвусмысленно сообщил мне там на террасе перед вашим приходом.

— Ничего не бесполезно.

— Вы будете объявлять о помолвке, а он тут же заявит о праве пары. И что тогда? Ваш план, конечно, гениальный, но здесь не поможет. Либо побег, либо рассказать правду. Других вариантов я не вижу.

Княгиня закусила губу и погрузилась в раздумья, барабанила пальцами по подлокотнику. Мне тоже о многом надо было подумать, только не здесь и не сейчас.

— Я помню истории про пар, избранниц ликанов. И про право северян забирать любую девушку, — медленно произнесла женщина, изучая стену за моей спиной. — Говорят, они чувят пару, как самые настоящие хищники.

— Они и есть хищники, — отозвалась я, вспомнив бляшку на его плече и свою неожиданную реакцию на неё.

— Тогда как же Ларкас почуял пару в тебе? Ты же послушница.

— Другое он почуял, благословение Лаари, а принял за предназначение, — пояснила я, потирая ноющие виски.

Как же разболелась голова от этих тайн и загадок, откровений и испытаний. Сегодня я получила информации больше, чем за двадцать лет жизни.

— В любом случае, ты не ликан и не можешь чувствовать ничего в ответ. Так что мужчине потребуется время, чтобы доказать ваш предполагаемый союз, — продолжила размышлять женщина. — Это не просто его прихоть...

Это же как надо любить отца, чтобы вот так сидеть и пытаться вытащить его из беды, в которую он сам себя старательно толкал более девяти лет и всё-таки загнал?

— И за это время мы сможем тебя вывезти, — закончила женщина, вскакивая. — Так, нам пора идти. Князь ждёт.

Но я не спешила следовать за ней.

В животе все внутренности буквально скручивались. То, что только начало формироваться утром, когда я увидела венки в руках Айвы, сейчас стало разрастаться, камнем заполняя живот.

Не хочу так! Не могу.

Перед глазами появилось лицо настоятельницы, расплывчатое от боли и слез, её требовательный голос: «Терпи, Айвири, терпи. Смирение! Откажись от всего. Ты не принадлежишь себе!».

Нас ломали, выжигали собственные потребности, заставляли забывать о себе. Год за годом, превращая в послушных рабынь Лаари.

Любой отказ, любое сопротивление каралось болью. Нет, не физической. Ведь есть и другие способы причинить страдания.

Мы привыкли к такой жизни, сдались, позволив запечатать собственное я в угоду другим. Потому что истинная целительница должна ставить чужую жизнь превыше своей. Всегда.

Но сейчас внутри словно что-то росло, поднималось, крепло. С каждым словом, с каждым жестом, с каждым унижением.

Что-то забытое, утерянное, но яркое и обжигающее. Оно бежало по венам, согревая холодную кровь.

Протест.

Гнев.

Обида.

За что?

— Нет, это не выход. Еще одна ложь. Сколько их уже было и сколько будет, — покачала я головой. — Так нельзя. Вы уже запутались в этой паутине обмана и тайн. Я не буду принимать в этом участия.

Мачеха подскочила ко мне, больно хватая за предплечье и буквально поднимая с дивана.

— Будешь. И сделаешь то, что от тебя требуется, Айвири. Иначе... иначе... тебе лучше не знать, на что я способна, чтобы защитить свою семью, — сверкая глазами, процедила княгиня и потащила меня прочь из комнаты. — Идём.

Но сделала всего шаг, когда я вырвалась и слегка оттолкнула её от себя.

— Нет! — твёрдо и резко ответила ей. — Я никуда не пойду!

Глава десятая

— Что ты сказала? — прошипела мачеха, глядя исподлобья.

Вся красота куда-то исчезли, передо мной была просто женщина, и в данный момент не слишком приятная. Черты лица изуродовала злоба и ненависть. Я даже не думала, что меня можно так... не любить. И главное, за что? Что я сделала такого, чтобы получить подобное отношение?

— Вы меня прекрасно слышали, княгиня, — ответила я, до боли сжав кулаки, так сильно, что короткие ногти впились в кожу.

Что со мной? Что со мной?

Но эта боль была лёгкой, почти не заметной по сравнению с той, что горела изнутри, ломая и калеча сознание, разрушая стены, которые так долго и старательно возводили в обители.

Каждый кирпичик, каждый камушек тяжело выдирались. С потом и кровью. Мне казалось, что еще немного и я захлебнусь в них, задохнусь, не в силах сделать вздох, но нет. Ничего этого не было, ничего кроме боли и непонятной тоски.

— Ты хоть понимаешь, чем это грозит князю? — свистящим шёпотом произнесла княгиня, медленно двигаясь в мою сторону.

Шаг за шагом. Пытаясь загнать в угол, прижать, сломать.

Да, знала.

Укрывательство той, что отметила Лаари, каралось очень серьёзно. А здесь было почти сокрытие... и пусть настоятельница сама отпускала меня, но ликанов это не волновало.

— Да, — ответила я, отшатнувшись и хватаясь за спинку кресла, которое так удачно подвернулось под руку.

Мне всё еще больно. Но к ней я уже привыкла. Ко всему можно привыкнуть, надо лишь только захотеть и перетерпеть. А сейчас мне как никогда надо было выстоять, выдержать.

Слишком многое стояло на кону.

— В худшем случае изгнание, — продолжила я, смотря прямо ей в глаза. Так было легче. Видеть её ненависть и использовать её как опору, которая не даёт свалиться без чувств. Это подстёгивало, выдёргивало из болезненного дурмана. — Вместе со всей семьёй. Но Айву это возможно не затронет, она перешла в семью мужа. А вот вам с Оргусом придётся нелегко.

Брата было несомненно жаль. Он не заслуживал всё это.

— В лучшем случае, за его ошибку ответит народ, двойной данью. В любом случае, всегда можно обратиться за помилованием и смягчением приговора. Решение принимают ликаны. Именно они являются хранителями слова Лаари. Да, те самые ликаны, которых вы мне сейчас предлагаете обмануть. Снова.

— Надо же как ты заговорила, — скривила губы мачеха. — Как открылась твоя подлая натура.

— Вы же сами назвали меня равнодушной, — отозвалась я, еще сильнее вцепившись пальцами в спинку кресла.

Больно-больно-больно...

В груди будто пожар горел. Мне казалось, что я слышала, как трещало и рвалось всё под его жаром, как сознание перестраивалось, медленно освобождаясь от оков.

— Всё из-за тебя!

Меня ощутимо шатнуло, но устоять удалось.

— Нет, — отозвалась я, поспешно сглотнув кровь, которая хлынула из горла. Не сильно, но не приятно. Сразу затошнило и голова закружилась. — Я не просила эту печать. Не просила привозить меня сюда каждый год. Отец сам принял это решение. И представить меня сегодня всем, тоже он захотел. Сам. Моей вины в случившемся нет.

Говорить это было больно. Получалось, что я обвиняла папу, но нет, это не так. Он не виноват в том, что не смог забыть маму, в том, что мечтал хоть немного удержать меня дома.

Настоятельница должна была отказать. Сразу.

— Вот как ты заговорила? После всего...

— Чего? — оборвала я её, стирая рукой кровь, выступившую на губах. — Что лично вы сделали для меня, княгиня? Любили, жалели, берегли?

— Не убила!

Я коротко рассмеялась. Но смех почти сразу захлебнулся от стона, который сорвался с губ и затих.

— А всего пару минут назад именно вы рассказывали, как стояли с подушкой в руке над моей колыбелью. И лишь печать и страх перед Лаари не дал вам осуществить задуманное.

— Ты!

Женщина подскочила ко мне, замахнулась и охнула, когда я вдруг резко перехватила её руку, сжав в запястье. И где только силы нашлись? Едва на ногах стояла, вцепившись одной рукой в спинку кресла, а другой цепко держала мачеху, не давая вырваться.

Ударят. Подставь другую щеку...

Ну, уж нет! Хватит.

— Не смейте, — тихо, но твёрдо произнесла я, смотря ей прямо в глаза. — Никогда не смейте меня трогать.

Княгиня всё-таки смогла вырвала руку и отступила, потирая покрасневшее запястье.

— Ты об отце подумала? Ненавидишь меня, то его спаси.

Папа... Любимый папа. Я на многое готова была ради тебя. Но так будет лучше. Ты не понимаешь, но действительно лучше. Иногда надо остановиться и отступить, чтобы потом не стало еще хуже. Ведь правда всё равно когда-нибудь откроется. И лучше ответить сейчас, чем потом, когда и наказание будет намного жестче.

— Подумала. Если мой приезд еще как-то можно будет оправдать, то всё остальное нет, — ответила ей, пытаюсь достучаться, объяснить, хотя и понимала, что это бесполезно. Княгиня меня не услышит. — Я не буду копать ему яму, не буду участвовать в вашей лжи. И вы меня не заставьте.

— Это мы еще посмотрим! — рявкнула женщина и развернувшись убежала, громко хлопнув за собой дверью.

Я несколько минут просто стояла, закрыв глаза и тяжело дыша.

Сердце тяжело билось в груди и каждый стук болью отзывался в голове. Перед глазами словно мушки летали, чёрные, зудящие, противные.

Смогла? Неужели смогла?

Я сама себе не верила.

Только радости не испытывала.

Надо спешить, времени мало.

Вот только...

Спазм, скрутивший живот стал совсем невыносимым.

Я с трудом смогла добежать до вазы с фруктами, которая стояла на столике.

Одним движением выбросила фрукты, и они с гулкими стуками покатались, рассыпались по полу. Яблоки, абрикосы, груши.

После чего склонилась над посудой и отпустила всё то, что с таким трудом держала внутри себя последние минут пять.

Меня рвало. Долго.

Слава богини ела я не так много сегодня. Но рвота всё равно не прекращалась, заставляя меня вновь и вновь склоняться над вазой.

Не знаю сколько прошло времени, но наконец спазмы закончились. Я, тяжело дыша, выпрямилась и вытерла губы ладонью.

Стало легче.

Будто с меня сняли оковы, тяжелые, громоздкие. Они до такой степени сдавливали меня, что я не могла нормально дышать, живя в пол силы.

А сейчас я вдруг словно прозрела. Краски, эмоции, чувства, страхи и сомнения. Все эти чувства были и раньше, но сейчас они заиграли, стали ярче и отчётливее.

Прополоскав рот водой, я кое-как пригладила волосы и застыла, опираясь руками о столешницу. Надо было убрать за собой.

— Лэра? — в дверях нерешительно застыла молоденькая служанка, та самая которая утром угощала меня пирожком.

Она с удивлением рассматривала фрукты на полу и меня у стола.

— Убери здесь, пожалуйста, — произнесла я выпрямляясь.

— А вы куда?

— Исправлять ошибки, — тихо ответила ей и, пошатываясь, вышла из комнаты.

Идти было тяжело. Словно в тувельки битое стекло насыпали. И теперь каждый шаг отдавался мучительной болью во всем теле.

Когда ставили блокировку так больно не было. Я вообще не помнила, как её активировали, просто знала, что она есть и всё и воспринимала так же легко. Это казалось таким же естественным как дышать, есть, ходить, заниматься. Большой дар, большая ответственность и чего-то приходилось лишаться. Мы отдавали эмоции. Не такая большая плата.

Может всё дело было в том, что эту блокировку ставили не сразу, а постепенно. Через равные промежутки времени, так, чтобы не травмировать послушницу физически и эмоционально.

А я взяла всё сняла. Разом.

Не помнила, чтобы кто-то так делал. Да и смысла не было. Мы все знали, что это необходимо и по-другому никак. Думать о том, какое наказание ждёт меня в обители, не хотелось.

Сейчас были проблемы посерьёзнее.

Несмотря на крайне неприятные ощущения, я продолжала свой путь.

Шла, пошатываясь, иногда, в особо тяжелые моменты, хваталась за стенки или колонны. Не важно за что, лишь бы найти хоть какую-то опору. Застывала, чтобы перевести дыхание, с трудом расходясь со слугами, которые мельтешили перед глазами.

Праздник только начался и работы было много. Я даже была рада этому. Чем больше вина и шума, тем меньше обо мне будут вспоминать. Тем больше шансов осуществить задуманное.

Ко мне то и дело подбегали девушки-служанки, взволнованно предлагали помощь, пытались поддержать, или позвать отца.

Я вымученно улыбалась и отказывалась.

Отчего-то была уверенность, что этот путь я должна пройти сама. Шаг за шагом.

Времени это, конечно, заняло много. К концу пути, войдя в женскую часть дома, я застыла, обнимая колонну и обливаясь липким потом.

Дошла. Ведь смогла же, хотя думала не выдержу.

Одна мысль не давала покоя. Возникнув, она зудела в голове и даже боль не могла её прогнать. Очень важная мысль, нужная, правильная, которую следовало хорошенько обдумать.

Мачеха сказала, что ликаны не пропустят дочь князя, не дадут сбежать из замка. И это скорее всего правда. Но они не могут остановить послушницу. Печать есть, внешность можно немного скрыть, волосы спрятать или перекрасить. Ведь не все ликаны знают меня в лицо. Оставался, конечно, еще и запах, но и тут можно было что-то придумать.

А что если...

Если есть шанс уйти? Небольшой, но есть.

Надо было подумать, но для начала прийти в себя.

— Лэра? Лэра, что с вами?

Ко мне поспешили две девушки-служанки (Санья и Тиа), окружили, приобняли, позволяя перевести дыхание.

— Вам плохо?

— Лекаря?

— Старая Нэнни где-то тут была. Её позвать?

А это, кстати, не такая уж плохая идея.

— Да, позови, — кивнула я Санье и повернулась к её подруге. — Помоги мне пройти в комнату, пожалуйста.

Я отлично понимала, что проход по лестнице одна не осилю. А сломать себе шею желанием не горела.

— Я быстро, — кивнула Санья и поспешила во дворик и скрылась за углом, шлёпая по лужам.

Тиа подхватила меня под руку, и мы начали свой путь.

Лестница оказалась настоящим испытанием. Мы останавливались чуть ли не на каждой ступени.

И вот она, долгожданная комната.

— Надо бы князю сообщить, — помогая мне сесть на кровать, произнесла Тиа.

— Нет! — резко выдохнула я и покачала головой. — Пожалуйста, не надо больше никого звать. Принеси мне мой саквояж. Он там, в сундуке, сверху лежит.

— Да, да, сейчас. Вот, возьмите.

Девушка поставила небольшую сумку рядом на кровать и отступила, ожидая дальнейших распоряжений.

Повернувшись, я открыла саквояж и принялась перебирать небольшие пузырьки с лекарствами и настойками.

Нужная, как всегда, оказалась на самом дне. Уж очень опасным был экстракт гурьяна, выдержанный на соке маинского дурмана. Зато эффект был просто потрясающим.

Настойка обожгла горло, и я закашлялась, с трудом сдерживая слёзы, выступавшие из глаз.

Ох, какая же она горькая. Зато действенная. Усталость сразу же начала отступать и снова вернулись силы, в голове прояснилось.

До завтрашнего утра хватит, а вот потом мне сутки валяться пластом. Ну ничего, справлюсь как-нибудь.

— Помоги мне переодеться, — попросила я, тяжело поднимаясь. Вроде бы голова не кружится и звон в ушах начал стихать.

— Какое платье подать? — спросила Тиа.

— В котором я приехала в замок, — ответила я, стягивая с головы венки.

Подержав его в руке пару секунд, с тихим вздохом положила на кровать.

— Но ведь это...

— Да, я знаю. Это платье послушницы. Именно его ты мне и должна дать, — твёрдо произнесла в ответ и развязав пояс, сбросила кафтан на постель, принимаясь за завязки платья.

— Да, лэра.

Когда с переодеванием уже было практически закончено, в дверь комнаты постучали.

— Айвири, — раздался знакомый голос отца. — Нам надо поговорить.

Слуги доложили? Возможно. Мой длительный поход и не слишком здоровое состояние могли, несмотря на запреты, побудить их доложить обо всём князю.

Но я ставила на мачеху. Она же обещала рассказать всё отцу, пожаловаться и выставить ненавистную падчерицу виноватой. Вот и выполнила свои угрозы.

В любом случае я была даже рада, что он пришёл. Нам действительно стоило поговорить и объясниться.

Оставалось надеяться, что отец меня всё-таки услышит.

— Оставь нас, пожалуйста, — произнесла я, взглянув на служанку и поправила тугой воротник тёмно-синего платья из грубой ткани, которая привычно покалывала на коже, вызывая лёгкий зуд.

— Да, лэра, — с поклоном произнесла Тиа и поспешила к двери.

Отец стремительно вошёл в комнату, махнув служанке, чтобы уходила и недовольно осмотрел меня с ног до головы.

— Айвири, ты выглядишь...

— Как послушница, — оборвала его я, убирая косу за спину и приглаживая ладонями чуть измятую юбку платья. — Которой и являюсь всю свою жизнь.

Скривился, словно у него зуб разболелся и спросил, плотно закрывая за собой дверь.

— И куда ты в этом собралась?

Всё ясно. Разговор предстоял долгий и тяжелый. Он уже готов к борьбе и моему проигрышу. Заочно.

— В обитель.

— Думаешь, Ларкас позволит тебе? — насмешливо поинтересовался отец, проходя вглубь комнаты и присаживаясь в кресло.

Это было немного... обидно.

— Нет, не думаю. Я не дура, отец, и понимаю, что княжну Айвири ликаны из замка не выпустят.

— Я никогда не считал тебя душой, дочка. И рад, что ты понимаешь всю тяжесть сложившейся ситуации. Поэтому прекращай дуться, переодевайся назад и пойдём.

Он считал, что это просто блажь? Что я всего лишь набиваю себе цену? Ох, папа... что же ты делаешь? Ведь ты совсем меня не знаешь... Никогда не знал. Вполне возможно, я для тебя всё та же худенькая девятилетняя девочка, которая ушла в обитель много лет назад.

— Нет, — спокойно ответила я, поворачиваясь к нему боком и принялась аккуратно расставлять склянки, наводя порядок в саквояже.

Баночки, конечно, сделаны из специального ударопрочного стекла и не побьются в пути, но звенеть будут противно.

— Айвири, ты не понимаешь...

— Нет, отец, это ты не понимаешь. Помолвки не будет.

«Настойки из пустоцвета сюда, экстракт боярша сюда, а вот этому сбору тут делать нечего... поставлю рядом с мешочком сухих трав...»

— Она фиктивная.

— Никакой не будет.

«Мазь из каучинового дерева положить сюда, а настойку из горевесника в этот кармашек...»

— Айвири, — голос отца стал жёстче.

Князь Рогнар очень не любил, когда ему перечили. Даже если это любимая дочь, которая обычно своеволием не страдает.

Мало того, что возражала, так еще и игнорировала, полностью сосредоточившись на своих склянках.

Интересно, если бы я с самого начала стала ему перечить, отстаивать свою точку зрения, показывая характер, которого не было, его отношение бы ко мне не изменилось?

Глупые мысли, неправильные. Не о том сейчас стоило думать. Но я была слишком взвинчена, чтобы прогнать их до конца.

— Я не буду участвовать в этом обмане, — выпрямляясь и захлопывая саквояж, повторила ему. — Не стану играть.

— Если ты думаешь, что князь Аули будет против, то ты ошибаешься.

— А княжича вы спросить забыли и выбора не оставили, — усмехнулась я, оборачиваясь.

Непокорный локон выбился из косы и упал на лицо. Я привычно сдунула его, продолжая смотреть на отца. Прямо в глаза. Не боясь и не стесняясь.

— Княжич Аймаг должен ответить за свой проступок. И его отец думает так же.

Князь никогда не ошибается. И уверен в своём слове. Хорошее качество для правителя, но не для отца.

— Нет, не должен, — возразила я, срывая невесомую шаль со спинки стоящего рядом стула и аккуратно складывая. — Никто не обязан играть в эти игры.

— Айвири!

Появились металлические нотки. Он даже руки скрестил, закрываясь от меня.

Больно? Немного.

И тяжело.

Раньше в разговоре с ним я испытывала вину, за то, что родилась такой, за печать, за само своё существование. Сейчас вина тоже была, но совсем чуть-чуть.

Обиды было больше.

— А ты спросил, чего я хочу, отец? — устало поинтересовалась у него, бросая шаль на саквояж.

— Я всегда спрашивал.

— Да, — согласилась я. — Спрашивал, но не слышал, поступая так, как считал лучше. Я очень люблю тебя, пап. И всегда любила. Прости, но ты неправ. Я же просила не устраивать эту показуху, не тащить меня на свадьбу. Говорила, что это плохо закончится, но ты меня не слушал. Зачем всё это? Зачем заставил играть роль своей дочери?

— Потому что это не роль. Ты моя дочь.

Я привычным жестом, приподняла руку, демонстрируя ему запястье.

Рукава платья послушницы были широкими, специально для того, чтобы нам не приходилось мучиться, показывая свою принадлежность к касте послушниц.

— Я слуга Лаари. Всегда была и всегда буду. И это не изменить. Никому. Дар останется со мной на всю жизнь, как и долг служить богине и людям. Привозя меня сюда из года в год ты преступал закон. Мы все преступали. Но это одно преступление, а сейчас ты хочешь нарушить ещё один наказ. И тянешь за собой молодого княжича.

— За него волнуешься?

— За всех. Поэтому сделаю то, что должна.

— Что? Побежишь к ликану каяться? — вдруг усмехнулся отец, вытягивая вперёд ноги. — Надеешься на его прощение? Так не будет этого. Отвергнутый мужчина способен на тяжкие поступки.

— И не только мужчина, — многозначительно произнесла я. Но он не понял. — В любом случае, я готова взять вину на себя. Скажу, что попросилась, что так хотела побывать на свадьбе Айвы, что пошла на нарушение закона.

— Я не позволю тебе!

— Отец, ты не сможешь меня остановить.

— Я князь! — вскакивая, прикрикнул он.

О да, князь. Один из тридцати вершителей судеб. Но даже они не всеильны.

Печать, повинаясь моему мысленному приказу вспыхнула золотом, засияла, загорелась, вкладывая силу в слова, сорвавшиеся с моих губ.

— Я — Айвири, послушница Лаари! И вы, князь, не имеете право меня удерживать.

Голос звучал глухо и незнакомо.

И каждое слово отзывалось болью в сердце.

Прости меня... прости...

Отец отступил, отвёл первым взгляд и отшатнулся, признавая власть богини, стоящей за моей спиной. Он сразу весь будто сжался, уменьшился, плечи поникли, лицо осунулось и морщины стали более четкими.

— Я не пойду к Ларкасу, — произнесла я тихо, опуская руки. — Просто уйду.

— Ты же сама сказала, что ликаны тебя не пропустят, — устало ответил отец, вновь приземляясь в кресло.

— Я сказала, что они не пропустят твою дочь, послушницу никто не смеет удерживать. Надо лишь немного изменить внешность.

— И как ты это собираешься сделать?

— Старая Нэнни здесь в замке. Она поможет.

Старушка пришла минут через десять. Она тяжело вошла в комнату, опираясь о деревянную изогнутую клюку, конец которой громко стучал по полу.

Женщина села в предложенное кресло и, вздохнув, оглядела нас по очереди.

Мне стало немного неприятного от её пронизательного взгляда выцветших светло-голубых почти белых глаз. Увидела, что блокировки нет? Или просто рассматривала? Трудно понять, но я поёжилась и по позвоночнику прошелся осязательный холодок.

— Ох, и натворили вы дел, княже, — произнесла Нэнна наконец.

— Нам нужна помощь, бабушка, — быстро произнесла я, опередив отца, который сейчас был в таком состоянии, что мог сболтнуть чего лишнего, обидев старушку.

— Да понятно уж, — женщина оперлась руками о клюку и положила на них голову, прищурившись. — Все только и говорят, что о старшей дочери князя... Сам-то понял, что натворил?

Если бы я не была так взвинчена, то рассмеялась. Мало кто мог позволить себе разговаривать с князем и не бояться последствий.

— Мы тебя не за проповедями звали, — поморщился отец. — Поможешь или нет?

— Не ты посылал, не тебе отвечаю, — отмахнулась Нэнна, продолжая сверлить меня задумчивым взглядом. — Девку прятать надо.

— Поможете, бабушка? — тихо спросила я.

— Как послушница выйти хочешь? — спросила она и закивала. — Молодец, правильно. Больше пути то нет... Только внешность у тебя больно приметная. Одни волосы чего стоят.

— Их закрасить можно.

— Можно. Экстракт хвойницы красноту уберет. А ежели добавить вытяжку пустоцветника, то в черноту уйдешь. Кожу отбелить. А вот с глазами сложнее, красивые они у тебя, яркие... Да и запах, — женщина подалась вперёд, пригнувшись. — От тебя ликаном пахнет, деточка.

Я вздрогнула и тут же рассмеялась едва слышно.

— Шутите, бабушка. Не может этого быть.

— Отчего же? Пахнешь... не сильно, но есть. Теперь понятно, почему он тебя за пару свою принял, — закивала она, своим собственным мыслям.

— Пару? — вскинул голову отец. — Ты сказала пара? А разве это возможно?

— Нет. Послушница лишь Лаари принадлежит и только. Сам знаешь, что будет, ежели мужик коснётся... и не только коснётся, — Нэнна хрипло рассмеялась. — Смерть для него, проклятье для неё. А это иной раз хуже смерти. Нет, не пара она ликану. А запах всё равно остался... интересно.

— Что интересно? — не выдержал отец.

Я тоже подалась вперёд и спросила:

— И что это значит?

— Что значит, что значит... Ты меня за другим звала, Айвири. Уйти хочешь и помощи просишь, а остальное... всему своё время. Правду сказать не хочешь? — вдруг спросила Нэнна, склонив голову на бок.

— Хочу. Но сами знаете, чем это грозит...

— Чем, чем? — она снова вздохнула. — Не звери дикие, простят. Должны. А тебе, княже, тоже урок нужен. Нельзя супротив воли богини идти. За всё отвечать надо... И не только тебе. Настоятельница тоже повинная. Не спрашивала ведь, почему отпускает? — целительница перевела взгляд на меня.

Я покачала головой.

Стыдно стало.

Ведь давно надо было спросить, а я отмалчивалась. Дура.

— А ты поинтересуйся. Может чего интересного узнаешь, — хитро прищурилась Нэнна.

— Чего тайны разводишь? — прикрикнул отец, не выдержав. — Сама взяла бы и сказала.

Старушка на выпад никак не отреагировала, словно его и не было.

— Не моя тайна, не мне её и рассказывать.

— Так поможешь или нет? — снова взвился папа.

А я молчала, вглядываясь в изъеденное морщинами лицо.

— Ты что-то задумала? — спросила тихо, привлекая к себе внимание.

Она улыбнулась, кивнув. А у меня в голове словно голос её послышался:

"Правильно всё поняла, милая"...

— Всё можно исправить. И прощение заслужить.

— И как?

— Ликан тут болеет.

Папа опасно сощурился.

— К нему ходила, да?

— Ходила. Проблема в том, что помочь я ему не могу.

Я снова вздрогнула, чуть отстраняясь. Это же что за болезнь такая, если даже старая Нэнна не справляется?

— Не учили меня этому, — продолжила целительница. — А девки совсем отощали, на ногах с трудом держатся. Силы чуток восстановила, но этого мало. В обитель вести надо... тока ведь не довезут. Может, не зря ты, девонька, тут оказалась. Вытащишь парня и прощение заслужишь.

— Ты чего, старая, городишь?! — крикнул отец, вскакивая.

Но я отмахнулась, продолжая смотреть в глаза женщине.

— Как я могу его вытащить? Если вас этому не обучали, то куда мне соваться?

Нэнна беззубо улыбнулась.

— Ужель не чуешь? — вдруг резко спросила она.

Я вздрогнула и покачала головой.

— Нет.

— Врешь, Айвири. Чуешь, только закрылась. Сильна... этого не отнять. Только ведь и он тебя чувствует. Они...

— Что здесь происходит? — снова попытался вмешаться отец.

А я вспомнила холод, пронзивший до костей и голос, от которого мурашки по телу побежали. Та встреча во дворике, когда пряталась в кустах.

Я точно знала, что это он, тот ликан. Его я ощутила.

— Поняла, да? Поэтому и пахнет от тебя чужаками. Не из-за сероглазого, он лишь главарь. Связка, Айвири. Когда все как один... вот тебя и зацепило...

— Айвири, ты можешь объяснить, что происходит? — папа схватил меня за руку и развернул к себе. — Что это значит?

— Ничего, — соврала я и снова взглянула на старую целительницу.

Мы поняли друг друга без лишних слов. Каждая послушница перед посвящением знает, что означает такая связь.

Только рано... невозможно. Или самое время?

Ох, папа...

— Где он? — спросила сдавленно, высвобождая руку.

Нэнна довольно кивнула.

— Молодец. Всё равно ведь не сбежишь.

— Айвири! Не смей! — отец снова попытался меня схватить, удержать, но я увернулась, отступила, покачав головой.

— Так надо, папа.

— Что надо? Да что происходит-то?

— А то, что седьмая она, княже, — отозвалась старушка. — Седьмая в связке. Не быть, девоньке моей помощницей, в Ардан пойдет красавица.

Глава одиннадцатая

Ошибочно было бы полагать, что каждый ликан состоит в связке. На самом деле это не так. Ликанов, несмотря на большие потери, много, а связок всего восемь. И это количество не менялось уже много лет. Вполне возможно, что никогда.

Ведь именно восемь ликанов когда-то натолкнулись на первых ледяных демонов и вступили с ними в схватку. Дань традиции и уважение к их подвигу.

Для того, чтобы вступить в связку, мало силы, выносливости и прочих физических качеств. Хотя они, несомненно, приветствуются. Но среди северян нет слабаков, такие там просто не выживали.

Чтобы стать одним из шести участников связки, надо было встать на место того, кто умер, то есть подойти остальным. И здесь играла роль эмоциональная составляющая. Они должны были понимать друг друга с полуслова, с полувзгляда, первого движения или жеста. По-другому выжить в схватке было невозможно.

Шесть ликанов, а седьмым в этом союзе всегда была целительница. Удивительное сочетание. Воины и обычная девушка, которая только недавно прошла посвящение и сражаться не могла. Только лечить, делиться силой и энергией. И именно это нужно было, находясь за десятки и даже сотни километров от застав, когда помощи ждать не от кого.

Лишь такая связка могла пройти через завесу, которую наши предки установили сотни лет назад, а мы поддерживали до сих пор. И лишь они могли проходить вглубь вечного снега, пытаясь найти логово ледяных демонов.

Если шестёрка эмоционально связана, то должность целительницы приходящая. Каждый год девушка менялась, не выдерживая холода Ардана, практически выгорев дотла.

Традиционно после обряда посвящения в Ардан уходят двенадцать девушек. Восемь для связки и четыре для помощи раненым на заставах. Знахарки были и среди ликанов, но послушницы Лаари всегда оказывались сильнее.

И вот теперь я должна была стать частью этого мира.

Эта новость должна была испугать, вывести из равновесия, особенно сейчас, когда эмоции и чувства бушевали внутри. Но нет. Ничего подобного не было. Словно я всегда это знала, лишь боялась поверить.

— Нет, — сдавленно прошептал отец, хватаясь за сердце и медленно заваливаясь назад.

— Папа!

Я резко обернулась, бросаясь к нему, обнимая, усаживая в кресло и одновременно с этим пытаюсь активировать метку, вызывая силы. Но Нэнна не дала, болезненно хлопнув меня тростью по руке.

— Что вы делаете? — ахнула я, продолжая придерживать отца за плечи.

— Цыц. Силы тебе ещё понадобятся. А князя я сама посмотрю. Можешь рядышком постоять, — заявила женщина, подходя ближе.

Она бережно провела тонкими пальцами с распухшими суставами по лбу мужчины, осторожно нажав на место между бровями, коснулась подбородка, а после положила ладонь на грудь, мягко сияя золотистым цветом, который тут же запульсировал в такт биению сердца.

— Хорошо всё... нервы только... но нервы и подлечить легко... травка там, настойки. Без спирта... А то знаю я вас... больных.

— Уйди, — отец смахнул её руку с груди и повернулся ко мне. — Не пуцу, Айвири! Только не в Ардан!

— Пап, — произнесла я нервно улыбаясь.

Как всё объяснить отцу и успокоить, когда сама особо в происходящее ещё не до конца осознала? Вот вопрос.

— Хватит, — оборвала его целительница, отодвигая меня в сторону и застывая, уперев руки в бока. — Уже нараспоряжался. Будет над девкой издеваться. Её судьба богиней определена, не нам вмешиваться.

— Какая судьба? Сгинуть в Ардане? Оставить там свою душу и молодость?

— Ежели понадобится. И не сверкай очами! Сам знаешь, что правду говорю. За всё приходится платить. И такова наша цена.

— Я уже заплатил жизнью Неи, — рывкнул отец и снова откинулся на спинку кресла, тяжело дыша. И сразу как-то тихо стало.

Нэнна хмыкнула, вздохнула и похлопала отца по плечу.

— Ты прости меня, княже, за слова резкие, — произнесла она довольно миролюбиво. — Но ты дурак.

Такого он явно не ожидал и я, честно говоря, тоже. Но возглас удержать удалось. Лучше я помолчу, понаблюдаю.

— Что?

— Княжну все любили. Хорошая женщина была, добрая, светлая, но слабая.

Да как ты...

— Дай договорить, столько лет молчала, надеялась, что поуменьшешь, а ты никак. Нету больше княгини твоей. Нету. Уже более двадцати лет. Ушла она к предкам. И на то воля Лаари. А ты ... ты, мой дорогой, вместо того, чтобы дальше жить все за призраком гонялся. И к чему привело? Нету счастья в доме. Нету. Распустил своих баб, а еще мужик.

Хорошо сказала.

— Не тебя меня учить!

— Что поделаешь, если отца с мамкой твоих давно нету. А я осталась. Ты ведь, княже, на моих глазах рос, помнишь, как за ягодами ко мне прибегал, как корзинку помогал нести или хворост таскал, всё прося сказок рассказать?

Отец вздохнул, отворачиваясь.

— Это когда было.

— Давно. Так что не серчай, дай скажу. Посмотри на свою дочь старшую. Взгляни на неё... взгляни и отпусти.

Отец послушно поднял на меня глаза, полные непролитых слёз.

— И отпусти, — тихо повторила целительница. — Не трави душу девоньке, ей и так нелегко.

— Как? Как отпустить своего ребёнка? — сдавленно спросил отец, протягивая ко мне руку, и я тут же за неё схватилась.

Нэнна не мешала.

— Айвири, моя Айвири.

— Я вернусь, папа, обязательно вернусь, — пообещала я, с трудом сдерживая слёзы.

— Не могу тебя отпустить.

Но я отшатнулась сама.

Вздрыгнула, выдохнула сквозь стиснутые зубы и зажмурилась.

Холод.

Он снова вернулся.

Лёгкой изморозью прошелся по коже, вызывая легкую дрожь и небольшой озноб.

Я дёрнула головой, поворачиваясь к окну и всматриваясь в пейзаж, словно могла что-то разглядеть.

Нэнна сразу заметила моё состояние, может тоже почувствовала.

— Пора, — произнесла она, отступая от князя и снова опираясь на клюку. — Надо идти. Сильна зараза, если даже через блокировки проходит. И как такого через границу пропустили.

Я пожала плечами, не зная, что сказать, да мой ответ и не требовался.

— Всё будет хорошо, пап, — произнесла тихо, импульсивно подскочила к нему, целуя в лоб и тут же отшатнулась, разворачиваясь и спеша прочь из комнаты.

Сбежала по лестнице, ничего не видя перед собой, и застыла на последней ступеньке, тяжело дыша от душивших слёз.

— Меня-то подожди, — произнесла целительница, медленно спускаясь следом. — Понастроили всякого, старушке не пройти.

Надо было помочь ей, но я не могла даже с места двинуться, так больно и тяжело на душе. Пусть лучше так, пара минут тишины и покоя мне не помешают.

И хорошо, что папа не пошёл следом. Хорошо, что отпустил.

Громко стучала палка о ступени, нарушая тишину. Минута, вторая и целительница почти закончила спуск.

— Держи, — произнесла Нэнна, поравнявшись со мной и протягивая тёмно-синий плащ-накидку, который был такого же цвета, что и платье послушниц. — Дождик опять начался, промокнешь. Да и не стоит рассказывать о тебе раньше времени. Уж больно твои волосы приметные.

Я кивнула, принимая плащ и надевая его. Просунула руки в рукава, застегнула застёжку. Накинула капюшон на голову.

Дождь действительно снова пошёл.

Мы шли по влажным, блестящим от луж дорожкам. Я и целительница, что тяжело опиралась на меня.

— Играет, — вдруг вздохнула женщина неожиданно. — Играет с нами богиня.

— Никто не знает свою судьбу, — отозвалась я тихо, слишком занятая собственными мыслями, чтобы как-то иначе реагировать на её слова.

Ещё немного и правда выплывет наружу.

— Я помню, как обрадовалась, когда после посвящения меня сюда направили. Я ведь сильная была... а сильных и выносливых всегда в Ардан отправляли... Другие там не выживали. Нам запрещалось видеть тех девушек, что через год возвращались с севера, но что значат запреты для молоденьких, любопытных девчонок... Мы знали... видели, — она тяжело вздохнула. — Слышали их крики по ночам. В первые месяцы их было особо много. Прикосновение к проклятому холоду не проходит бесследно.

— Знаю, нам тоже не разрешают, — вздохнула я, поправляя капюшон и сильнее надвигая на лицо.

— Ничего не поменялось. Только девок сильных почти не осталось. Эти вон едва дышат. Лишь одна кое-как держится... Иссякают силы сопротивления... зима всё ближе подходит к вечному лету.

— Таков наш долг, — отозвалась я тихо, потому что сказать больше нечего.

Я вообще не понимала для чего весь этот разговор. Мне и так страшно, а она ещё больше жути нагоняла.

— Ты мне про долг не рассказывай. Поболе твоего живу, — отмахнулась Нэнна и вдруг застыла, поднимая лицо к небу и закрывая глаза.

Крохотные капельки-ручейки побежали по изрезанному морщинами лицу, как по дорожкам.

— Что с вами, бабушка? — тревожно спросила я.

— Слышала же... не тянут ликаны. Ни ликаны, ни послушницы. Выпили силу из нас ледяные демоны. Выпили почти до дна, лишь капли остались, которые не дают нам сорваться в небытие... Сто лет назад эта зараза бы даже в зачатке через границу не прошла, убили, уничтожили. А сейчас... Расцвела в самом сердце Иллиума...

Я вздрогнула.

То ли от очередного порыва ветра, то ли от холода, который уже волнами исходил со стороны замка, где расположились ликаны, то ли от страха, что разрастался с каждым словом старой целительницы.

— Мы справимся, всегда справлялись.

— Столетия прошли, а конца и края этому вторжению нет. Завтра вот мальчишек заберут. Это мой второй сбор, Айвири. А я первого забыть не могу. Столько ребят не вернулось, а теперь ещё больше.

И что ответить на это? Не было слов.

— Ты хорошая девочка, Айвири, — женщина похлопала меня по руке, вымученно улыбнулась, глядя бесцветными глазами и продолжила путь. — Хорошая, добрая. А ведь другая на твоём месте могла ожесточиться. Да ещё с такой мачехой.

— Её тоже понять можно, — отозвалась я. — Тяжело любить всю жизнь и ничего не получить в ответ.

— Тяжело, — согласно вздохнула Нэнна. — Только любовь ли это? Любовь всегда даёт, а не отнимает. Постаралась бы чуток, глядишь, и князь полюбил.

Я кивнула, и мы в очередной раз свернули по дорожке. До замка оставалось совсем немного и сердце стучало как сумасшедшее.

— Вы уверены, что я смогу помочь ликану?

— Должна.

— Но я не знаю...

— Там есть кому объяснить. А ты справишься, я это точно знаю.

Что-то в её словах заставило меня взглянуть на целительницу внимательнее.

— Почему вы так уверены?

— Я ведь помогала тебе появиться на свет, Айвири, держала на руках... И знак видела.

— Этот знак мне всю жизнь сломал... и не только мне, — пробормотала я, потирая ноющее запястье.

— Не о том ты думаешь... и не то ты знаешь, — отозвалась старушка и замерла, когда нам навстречу шагнул из-за угла ликан.

— Вы кто такие и что вам нужно? — грозно спросил мужчина, сверкнув нечеловеческим взглядом, от которого у меня сердце в пятки ушло.

— Послушницы Лаари, — отозвалась Нэнна не менее грозно. — И мы пришли к больному.

В доказательство я тут же приподняла руку, показывая метку. Ткань мягко скользнула вниз, обнажая руку.

Кожа на запястье горела и даже пульсировала. Никогда такого не было. Я понимала, что измениться метка без посвящения не могла, но всё равно сердце ойкнуло, когда ликан особо внимательно в неё всмотрелся, а потом перевёл взгляд на меня, пытаясь в тени капюшона рассмотреть лицо.

Его я сильно не прятала, мужчина был незнакомый и увидеть меня раньше не мог. Да и тень хорошо искажила черты. Поэтому я не боялась быть узнанной. Если только чуть-чуть.

— Ну? — вновь подала голос целительница. — Долго ль нам ждать тут. Да еще под дождём. Пропустил бы старушку.

— В чём дело?

Рядом с ликаном оказался другой северянин. Чуть повыше ростом светлокожий и светловолосый, с короткой бородкой и крючковатым носом.

Его я тоже видела в первый раз.

Значит можно было выдохнуть и успокоиться. Пока.

Оставалось надеяться, что они не поймут, что я еще не посвященная. Метка чуть-чуть отличалась, но это надо было сильно присмотреться. А я так рисковать не собиралась. Показала и снова спрятала.

— Послушницу привела. Вам на помощь.

— Так не было никого, — с сомнением произнёс второй, бросив взгляд на мою метку, которую я вновь показала и спрятала. — До ближайшей целительницы же сутки езды.

— Да вот нашлась. Ну так что? Нужна помощь али как?

— Надо бы Фебу сообщить, — задумчиво произнёс первый.

— Проводи их, — велел второй, отступая в сторону и давая нам пройти.

Три шага и вот мы на крыльце. Оттуда по скрипучему полу прошли внутрь просторного зала...

...Под завязку набитого ликанами.

Я сглотнула и невольно вжала голову плечи.

Ох, Лаари, сколько же их тут? Не сосчитать.

Кто-то на лавках сидел, кто-то у стен стоял или колонн. Одни механически жевали, вторые оружие чистили и металл противно скрипел под точилом, третьи просто сидели, опустив головы. Но при всем при этом напряжение чувствовалось.

Чем бы ликаны ни занимались, они делали это молча. Ни единого слова не доносилось.

И от этого становилось еще тяжелее.

Беда пришла.

И они ждали исхода или команды. Все как один.

— Бабушка? — к нам спускался по ступенькам уже знакомый мне улыбчивый ликан с ямочкой на щеке. — Вы почему вернулись?

А вот этот меня узнать мог.

Поэтому я потупила взгляд, опустила голову, так, что капюшон сполз еще ниже, полностью прикрывая лицо.

— Так послушницу привела, — произнесла Нэнна, выходя вперед и загораживая меня. Я видела перед собой лишь край её тёмной юбки, заляпанный грязью и брызгами. — Вам в помощь.

— А чем она может помочь? Сами же сказали...

— Сказала, — отмахнулась целительница поспешно. — Сама знаю, чего сказала, чего нет. А девоньку надо пропустить. Она молодая, сильная. Поможет.

От пристального взгляда ликана у меня внутри всё дрожало. Узнает, как есть узнает. Особенно по запаху. Ох, как мы про запах то забыли? Ведь теперь точно поймёт кто я. Или нет? Может не стоит ждать, когда меня выведут на чистую воду и самой признаться?

— А чего лицо скрывает? — подходя ближе, спросил Ферб.

Я даже дыхание задержала.

— Какая разница. Тебе личико надобно или послушница? Если нет, то мы пойдем, — произнесла женщина и схватила меня за руку, потянув назад.

— Подождите, — произнёс ликан нам в спину. — Пусть попробует. Хуже то всё равно не будет. Пойдем провожу.

— Я сама дорогу найду, — ответила сипло, специально голос меняя.

И ведь не лгала, холодом сверху тянуло. И сильно. Так что найти нужную дверь не составит труда.

— А вы бабушке помогите, — добавила всё так же сипло и направилась в сторону лестницы.

Меня тянуло туда. Тянуло с такой силой, что было невероятно трудно не сорваться на бег. Но я всё-таки шаг ускорила и спустя считанные секунды оказалась у нужной двери.

Застыла, касаясь шершавой поверхности, от которой тянуло стужей.

Права была Нэнна, чую я магию демонов. Всем сердцем чую. И она так отличается от того, что я делала раньше.

Даже у тех, кого лечила в лазарете, всё было по-другому, не так сильно. А сейчас... сейчас меня словно в ледяную воду окунали. Раз за разом, так что пальцы немели и дыхание сбивалось.

Ладонь сползла к ручке, я уже схватилась за неё, когда дверь вдруг распахнулась и на пороге появилась черноволосая молодая девушка.

— Галия, — выдохнула я, глядя в изменившееся за эти месяцы лицо лучшей подруги.

— Ты всё-таки пришла, — произнесла она тихо, хватая меня за руку и втягивая в комнату.

Мы познакомились одиннадцать лет назад в тот самый сложный и тяжёлый первый день в обители.

Нас привезли на рассвете и собрали в огромном холодном зале.

Тридцать девочек, которые жались друг к другу, прижимая к груди крохотные узелки с личными вещами. То немногое, что нам разрешили взять с собой. Впереди была другая жизнь и другая судьба.

Одинаковая безликая одежда. Нам запрещалось хоть как-то украшать, чтобы выделиться среди остальных.

Волосы мы заплетали друг другу в тугие косы. Настолько тугие, что к концу дня голова раскалывалась от боли.

Неудобные ботинки. В первые месяцы мы в кровь разбивали ноги, каждый вечер со слезами смазывая ранки противной мазью, один запах которой вызывал рвотные позывы, но потом привыкли. Ко всему привыкаешь, воспринимая как должное. Так было и с нами.

Но это было потом.

А тогда, переодевшись в колючее платье с тугим воротником, я вместе с другими девочками, привезёнными со всех тридцати княжеств, застыла перед старшей. Эту должность занимали послушницы гораздо старшего возраста. Я и сама последние три года была куратором младших групп.

— До обеда у вас есть два часа, — сообщила она, строго нас осмотрев. — Можете погулять пока по этажу. Только из корпуса никуда не выходить, а то заблудитесь и потеряетесь.

Большая часть вернулась в спальню. Одну на всех. С тридцатью одинаковыми широкими лавками, которые служили нам кроватью. Тонкими шерстяными одеялами, пропахшими овчиной и тощими подушками, больше похожими на блинчики.

Они вернулись, а я не смогла. Осторожно вышла в коридор и прошлась до конца, пока не упёрлась в глухую стену. Свернула за угол и вдруг со всех ног побежала, ничего не видя перед собой.

Пока не очутилась в небольшом чулане, где села на пол и заревела, размазывая горючие слёзы по щекам.

— Привет.

Сквозь дымку я с трудом разглядела стоящую передо мной симпатичную девочку с чёрными волосами, заплетёнными в уже знакомую косу. Она явно была старше.

— Держи платок, — произнесла незнакомка дружелюбно, протягивая мне белый кусочек ткани.

— Спасибо, — неуверенно произнесла я, принимая платок и неловко смяла его в кулаке.

— Меня зовут Галия. А тебя?

— Айвири.

Она улыбнулась ещё шире, протягивая мне руку и помогая встать.

— Я тебя ждала.

Это заявление стало для меня полной неожиданностью.

— Меня?

— Да. Год назад я тоже прибежала сюда в слезах. Только утешить меня никто не смог. А сегодня решила прийти и помочь... вдруг кто появится. И вот. Ты не бойся, тут хорошо. Кормят вкусно и сытно. У нас такого не было, — она вздохнула тяжело и снова улыбнулась, прогоняя не слишком приятные воспоминания. — Еды вечно не хватало. А тут тепло и послушницы помогают. Тебе понравится.

Так и началась наша дружба.

Через год мы уже вдвоём сидели у кладовки и ждали новую девочку, готовые помочь и утешить.

А год назад подруга исчезла. Сразу после посвящения.

— Всё будет хорошо, — улыбалась Галя, сжав мои ладони перед тем как войти в священный грот вслед за своими сокурсницами.

— Будешь мне писать? — взмолилась я, кусая губы.

За эти десять лет я так привыкла к ней, что не представляла свою жизнь без подруги. Именно она поддерживала меня, особенно когда я возвращалась из дома отца. Галя не давала в обиду, затыкая обидчиков, которые не преминули нелестно высказаться о моём особом статусе.

— Ты же знаешь, как в обители строго с записками, но я передам весточку, — пообещала она. — Обязательно передам. При любом исходе. Ну же, Айвири, мы к этому столько лет шли. Наконец-то Лаари определит судьбу.

Но ни записки, ни весточки я от Галии так и не дождалась. Все расспросы были бесполезны. Нам не положено было знать судьбу послушниц.

И вот теперь она здесь.

Исхудавшая, измученная, так мало похожая на себя прошлую. Будто утратившая краски и само желание жить.

— Галя, — снова прошептала я, бросаясь вперёд и крепко обнимая подругу. — Ты ... это действительно ты?

Она неподвижной статуей застыла в моих руках, не делая попыток высвободиться, но и не прижимаясь в ответ. Только произнесла вымученно:

— Я, Айвири, это действительно я.

Я отпустила её, чуть отступая, снова впиваясь внимательным взглядом в её лицо.

— Значит всё-таки Ардан.

— Ардан, — кивнула она, чуть приподняв уголки губ в попытке улыбнуться.

— Ты...

Начала я и запнулась, не зная, как сказать.

— Изменилась? — понимающе хмыкнула она.

Тонкая кожа пошла складками, некрасивыми морщинками залегая вокруг уставших глаз. Словно ей было не двадцать один, а значительно больше. Даже взгляд будто постарел.

— Очень, — ответила ей и впервые осмотрелась.

Светлая комната, раскрытое окно, кровать в углу, на которой обманчиво спокойно спал молодой мужчина. Именно от него всё сильнее тянуло холодом.

И ещё семь послушниц, расположившиеся кто где.

Одна стояла у окна, две другие были на диванчике, третья стояла прислонившись к спинке кровати, четвёртая сидела на постели рядом с ней. Пятая склонилась над спящим. Именно она поддерживала его сон с помощью своей силы. А шестая была за спиной. Именно она закрыла за нами дверь.

И все целительницы смотрели на меня.

Тут я вспомнила фразу, с которой подруга втащила в комнату.

— Ты ждала меня? — спросила осторожно, чувствуя, как пот противной струйкой стекает по позвоночнику.

— Да, — кивнула Галя. — Ждала.

Пара секунд тишины, когда я пыталась понять, что всё это значит и что теперь делать. Но подруга тут же поспешила меня успокоить.

— Не пугайся. Все не так жутко как может показаться на первый взгляд. Сегодня ведь свадьба

молодой княжны. Я понимала, что князь обязательно бы забрал тебя из обители. Даже накануне посвящения.

Действительно, это же так просто, а я испугалась. Вот только радоваться было рано.

Это объясняло моё присутствие в замке, но ничего не говорило о том, зачем я пришла сюда, в логово ликанов. Ведь подруга как никто другой должна была понимать, что мне никак нельзя здесь появляться.

— Мы чувствовали, — вдруг произнесла одна из тех девушек, что сидели на диване.

Тошная, нескладная. Когда-то её лицо украшали веснушки, сейчас это были жуткие бесцветные пятна непонятного оттенка. Блеклые рыжие волосы торчали в разные стороны, выбиваясь из тонкой, короткой косы.

— Не так сильно, как Галия, ведь ты её преемница, но чувствуем, — поддержала её соседка.

Смуглая девушка с распущенными тёмными волосами, которые скрывали левую сторону лица. Но когда она говорила, я видела, что рот скривился в сторону. Это могло означать лишь одно — шрамы.

— Преемница? — переспросила я, заставляя себя отвести взгляд от смуглянки.

Каково это лишиться не только будущего, но и собственной внешности?

— Да, я седьмая в связке Ларкаса, — кивнула Галия. — И это, — она указала на спящего ликана. — Мой подопечный...

Слова не находились.

А ведь сказать надо было очень и очень многое, но не получалось.

— Я почувствовала преемницу, не сразу, конечно, вчера ещё. Слабо, но почувствовала. Мы все чувствуем в конце своей службы. Но я надеялась, что это не ты. Признаюсь, глупая надежда была, ведь не может быть поблизости послушницы... Мне жаль, Айвири...

— Но я не прошла посвящения, — напомнила ей.

— Знаю. Но ты настроена на него. На их связку... даже сильнее, чем я думала, — заметила Галия, прищурившись и пристально в меня вглядываясь.

Она явно не понимала, с чем это всё связано.

— Итан Ларкас решил, что я его пара.

Если они удивились сказанному, то вида не подали. Закивали, переглядываясь.

— Понятно, почувствовал связь, а принял за другое, — кивнула Галия. — Теперь ясно, почему ты пришла сюда.

— Отцу не простят моё присутствие. Я должна как-то выторговать его свободу и помилование.

— Это опасно, — вдруг произнесла та, что устояла у окна.

Невысокого роста девушка. Фигуристая, с высокой грудью, тонкой талией, округлыми бёдрами. Пшеничного цвета волосы были собраны в две косы и украшены синими лентами.

— Она не посвященная, — добавила целительница, проведя рукой по тиснённой ткани гардин.

— Да, но ранение не сильное. Иглы всего кусочек остался. И без посвящения справится, — оборвала её та, что стояла у меня за спиной.

— Если бы это не было так сложно, то мы бы не собрались все здесь, — возразила грузная девушка, которая сидела в углу кровати, сложив руки на коленях.

— В любом случае решать ей, — заметила рыжая.

— Да, действительно, — кивнула Галия, поворачиваясь ко мне. — Ты готова рискнуть?

— Разве не этому нас учили, не к этому готовили? — тихо спросила я. — Думаешь я сейчас смогу просто так взять и уйти? Даже если бы не отец, я бы всё равно помогла. Мы же не можем иначе.

— Я должна была спросить.

— Понимаю, только я не знаю, что мне надо делать. Даже не представляю.

— Я помогу, — произнесла подруга, схватив меня за руку. — Помогу и подскажу. Ты такая же как мы... ты сможешь...

— Тогда мне бояться нечего, — улыбнулась я, сжимая её ладонь. — Говори, что нужно делать.

Девушка, которая всё время нашего разговора стояла над спящим, удерживая магический контур, со вздохом выпрямилась, потирая поясницу.

— Давай, Галия. А мы подстрахуем. Как всегда, — произнесла она, сверкнув нечеловеческим взглядом изумрудных глаз.

Галия подошла ближе, утягивая меня за собой.

— Его зовут Блейн. Или Серый, — легкая улыбка тронула губы и тут же погасла, сменившись болезненной гримасой. — В связке они дают имена. Так привычнее. Это Серый, есть ещё Кошка, Тигр, Бурый, Барс, — она запнулась и глаза совсем потемнели. — Был ещё Гризли... его спасти не смогла. Сил не хватило...

— Не ври, — мягко оборвала её смуглая девушка со шрамом. — Не довезли его до тебя... раньше ушел.

— Блейн, — повторила я, вглядываясь в лицо лежащего мужчины, словно хотела запомнить.

Почему-то это казалось особенно важным.

Красивый. Хотя и бледный очень. Тёмные волосы, высокий лоб, четко очерченные светлые губы, заострённые скулы, неожиданно длинные ресницы.

— Его ранили месяц назад... Мы попали в засаду. Перед самым исходом, — голос дрогнул, когда Галия наклонившись поправила одеяло. — Никто не ждал. Обычная проверка, самая заурядная. А мы нарвались на высших демонов... Они на людей похожи. Так и отличить можно... я потом тебе расскажу.

Подруга вздохнула, закрывая глаза и собираясь с мыслями.

— Иглу я вытаскивала по уши в снегу, думала, что всё вытащила. А кончик прозевала. Он опасен для всех ликанов, но для него особенно. Блейн же не просто ликан... он высшая кровь. На них яд демонов действует иначе. Не убивает, а отравляет, сводит с ума. Медленно, но неотвратимо. Каждый день, каждую секунду, пока он не забудет все, пока сам не начнёт убивать. И выход только один...

— Смерть, — одними губами прошептала я и вздрогнула от очередного порыва холода.

Глава двенадцатая

Сказала и испугалась, добела поджав губы и чуть отстранившись.

В обители мы сталкивались со смертью. Несмотря на все старания и борьбу, спасти удавалось не каждого. Другим...

Так уж вышло, что у меня за эти несколько лет не погиб ни один из пациентов. Это можно было списать на то, что нам доставались стабильные пациенты, более серьезных забирали старшие лекаря, но это не совсем так.

Даже среди них были фатальные случаи.

Так полгода назад покончил с собой пациент Эники. Для неё это была большая травма и потеря, от которой она долго отходила. Он выбросился из окна башни, когда послушница отвлеклась, поверила, что смогла вытащить парня из депрессии.

Мы привязывались к больным, вытаскивая их, теряли кусочек себя и с этим ничего нельзя было поделаться. Может именно поэтому нас так обезличивали. Так должно быть легче. Но почему-то не было.

Именно поэтому слово смерть для каждой из нас являлось не просто словом, а самым настоящим приговором.

— Галия, не пугай девчонку, — мягко произнесла грузная девушка, поправив шарфик, который был обмотан вокруг шеи, словно у неё болело горло или она что-то хотела скрыть. Тоже шрамы? Но тогда бы связки повредились, а она вроде говорит нормально. — Она и так нервничает, а ты больший ужас нагоняешь. Вспомни, каково нам было год назад... сразу после посвящения.

Они обменялись понимающими взглядами, от которых мурашки пробежались по коже. Это ведь были не просто слова.

— А где ещё одна? — вдруг спросила я, быстро осматривая.

Первая, вторая, третья, пятая, шестая. Галия седьмая. Но ведь должна быть ещё одна. Всего восемь связок, я точно помню. Где же восьмая целительница?

Неужели?...

Случаи гибели послушниц были крайне редки, но всё равно случались. Последний раз вроде лет пятнадцать назад.

— Жива, — быстро произнесла подруга, явно прочитав страх на моём лице.

— Фая не смогла прийти, — уклончиво отозвалась целительница с изумрудными глазами.

— Сил не хватает, — поддержала её блондинка у окна. — Все время спит.

— А когда не спит, плачет, — жестко заметила брюнетка со шрамом. — Как будто ей одной тяжело было. Мы все прошли через это... и все чего-то лишились.

Остальные молчали, отводя взгляд.

— Не о том говорим, — заметила девушка, что стояла за спиной. Она обошла меня и села рядом с рыжей, закидывая ногу на ногу. Короткостриженная с соломенного цвета волосами, широким лбом и небольшими глазами. Далеко не красавица, но что-то в ней всё равно привлекало. — Всё не так плохо. Блейну смерть не грозит.

— Пока, — вставила ехидно зеленоглазая, отступая от кровати и подходя к столику, на котором стоял графин с водой и стаканы.

— Эйна, прекрати, — отрезала Галия. — В любом случае, вылечить Блейна может лишь седьмая. Только ей под силу проникнуть через броню. Никого другого ликан к себе близко не подпустит. Даже находясь без сознания.

— Б-броню? — переспросила я окончательно запутавшись.

Какая броня? О чём они вообще говорят?

Я снова взглянула на мужчину. На нём была лишь лёгкая рубашка и никаких доспехов. Вот совсем никаких. И причем тут целительница?

— Придётся Феба звать, — произнесла блондинка у окна. — Самим сложнее будет добудиться. Последние силы потратим.

— Ларкас по головке за самоуправство не погладит, — сказала полная и снова потянулась к шарфику.

Словно хотела размотать, но рука тут же опустилась.

— Итана я на себя беру, — отмахнулась Галия и снова повернулась ко мне. — Айвири, в любом случае, вытащить осколок сможешь лишь ты. Мне так много хочется тебе рассказать, и я обязательно это сделаю. Но не сейчас... Сейчас времени слишком мало...

— А ты можешь вылечить?

— У меня не получится, — она грустно улыбнулась. — Сил не осталось. Нэнна, конечно, поделилась. Но дело не только в опустошении.

— Наш срок подошел к концу, — заметила рыжая, воспользовавшись паузой. — Связки распались. Галия дольше удерживает, потому что они рядом. Время вышло.

— А если я поделюсь силой? — произнесла я. — Дам столько, сколько потребуется.

— Это не поможет, — ответила подруга. — Девочки правы. Наша служба закончилась. Теперь ты связующая. И осколок вытаскивать тебе. Больше некому. Мы и в обитель хотели его отвезти, чтобы после посвящения лечением Блейна сразу занялась моя последовательница. А тут ты...

Что ж, похоже, другого выхода у меня нет. И что застыла? Ведь за этим и пришла. Помогать. А всё равно страшно.

— И что мне надо делать?

— Сейчас, сейчас. — Галия обернулась к короткостриженной. — Луа, зови Феба.

— А что его звать? Вон за дверью мнётся с Нэнной. А бабулька сильная, крепко его сдерживает. Да так, что он даже не осознаёт этого.

— Девочки...

— Удержим, — понимающе произнесла зеленоглазая. И остальные согласно кивнули, поддерживая подругу. — Сил должно хватить. Уверена, что Итана не стоит дожидаться? Он старший... было бы легче, если бы Блейна именно он держал.

Галия покачала головой.

— Он старший, но Феб ближе. Родная кровь. А Ларкас придёт. Они все скоро придут. Почувствуют... в стороне не останутся. Минут пятнадцать и будут здесь. А нам хватит.

Что? Пятнадцать минут? Она серьёзно?

Да тут часа два надо или три.

Я же не просто не знаю, я даже не представляю, как смогу вытащить кусок льда из груди ликана... прямо здесь. В комнате. Без инструментов...

Меня слегка замутило. Перед глазами возникла картинка раскученной грудной клетки, потёки крови, капельки которых медленно капали на пол, образуя огромные лужи. И я посреди этого великолепия по локоть в крови.

Ох нет... не могу.

Честно говоря, в этот момент мне больше всего на свете хотелось сбежать. Развернуться, броситься к двери и уйти.

Но в этот момент Луа открыла замок и в комнату стремительно ворвался Феб, а за ним и Нэнна, которая тут же весьма предусмотрительно закрыла дверь. Ликан так торопился, что этого не заметил.

— Что здесь происходит? Что вы задумали? Галия?

Я застыла, вцепившись пальцами в воротник плаща.

— Ничего. Знакомься, это ваша новая связующая. Седьмая в связке.

— Кто такая? Откуда здесь? Это ведь невозможно...

Пора... тянуть больше не имело смысла.

Я осторожно стянула с головы капюшон и медленно повернулась, встречаясь взглядом со светло-зелёными глазами.

Узнал. Сразу. И понял всё тоже... сразу...

Напрягся со злой усмешкой на губах, пристально разглядывая.

— Княжна...

Никогда не думала, что титул, который собственно никогда мне и не принадлежал до конца, будет так тяготить сейчас. И прозвучит скорее как издевательство.

— Света и жизни, лэр.

Ликан проигнорировал моё приветствие, повернувшись к Галие.

— Итан не знает.

Не вопрос, но я всё равно вмешалась, решив заступиться за подругу.

— Нет, не знает.

— Седьмая значит... и не посвященная, — заметил мужчина, скользнув по мне взглядом и глаза вспыхнули опасным огнём. — И как же ты здесь оказалась?

— С разрешения настоятельницы.

— Потом поговорите. Давай, юноша, помоги девочкам, — прикрикнула на него Нэнна, ткнув крюком в спину. — Без тебя не справятся.

Не упал, но слегка пошатнулся, взглянув на друга.

Над ним уже склонилась рыжая, быстро срывая рубашку и обнажая грудь. Со своего места я увидела изогнутый рваный шрам у сердца. И снова подумала о ножах, крови и операции.

— Нет, — вдруг произнёс мужчина.

— Что? — Галия повернулась к нему и быстро подошла, в два шага преодолев разделяющее расстояние. — Что ты сказал?

— Я не стану вам помогать. Без прямого приказа Итана.

— Мы должны ему помочь. И чем быстрее, тем лучше.

— Нет.

— Феб, пожалуйста.

— Пятнадцать минут ничего не решат. Мы дождёмся Итана, — покачал головой ликан.

— Значит, не сможешь?

— Я уже сказал тебе, Галия.

Подруга пару секунд смотрела ему в глаза, потом кивнула и повернулась ко мне.

— И так справимся. Айвири, пойдём.

Я кивнула, стащила плащ с плеч и бросила его на кресло, следуя за подругой, судорожно одёргивая лиф платья.

— И что теперь?

— Просто следуй моим указаниям. Все не так сложно. Почти... Главное ничего не бойся. В первый раз всегда страшно.

— Утешила, ничего не скажешь, — отозвалась я, нервно хмыкнув и застыла у кровати.

Девушки шагнули следом, окружая нас и образуя круг.

Обряд начался.

Целительницы склонили голову и зашептали заклинание на древнем языке. Слова знакомы, но я не помнила этого текста.

Их слаженный хор показался вдруг громом в неожиданно возникшей тишине. Все остальные звуки, даже пение птиц за окном, разом исчезли.

Сердце дрогнуло, когда призрачное сияние, исходящее от печатей, поднялось по рукам и начало подбираться к мужчине, медленно его поглощая, вызывая судорогу, от которой он слабо застонал.

Мне стоило больших трудов не отшатнуться, уж слишком страшно ликан изогнулся в болезненной спазме. А призрачный туман был всё ближе, его не остановить.

— Проклятье, — вдруг неожиданно ругнулся Феб, протискиваясь мимо девушек.

И как только пропустили. Он встал у изголовья и осторожно коснулся лица, зажимая его между ладонями и склоняясь чуть ближе. Пока губы не коснулись лба, запечатлев на нём долгий поцелуй.

Но удивило меня не это.

Прямо на моих глазах его ногти на пальцах удлинились, побелели. И не только ногти, лицо чуть вытянулось, деформировалось и начало зарастать... шерстью. И руки, и всё тело. Затрещала одежда, разрываясь по швам и лохмотьями падая на пол.

Ох, Лаари!

Менялся не только Феб, но и Блейн. Только намного быстрее и гораздо страшнее. Тело увеличивалось, обрастало мышцами, тяжелело. И кровать под весом жалобно скрипела, стонала, но держалась. Кожа бледнела и полезла шерсть. Густая, жесткая и странная. Не как у животных, а словно стальная.

И сейчас ликаны были похожи не на себя, а на ледяных демонов из моих кошмаров.

— Что это? Что это? — сорвавшимся голосом, забормотала я.

«Сбежать, прямо сейчас... от этого кошмара, который вдруг стал реальностью!»

— Стой!

Галия схватила меня за руку, не давая двинуться, сразу поняв, какие страхи меня мучают.

— Это же...

— Нет! Это ликан. Не демон. Или ты думала, что они голыми руками сражаются с этими монстрами? Нам многое не рассказывали, Айвири, много скрывали, о чём-то лгали. Посмотри же на меня!

Я с трудом заставила себя оторваться от изучения монстра на кровати и взглянула на подругу.

— Блейн сейчас на пограничье. Только так можно увидеть и достать осколок. В человеческой ипостаси это сделать невозможно.

Я слушала её и не слышала. Вот совсем. В голове будто молотком стучали и звон стоял такой, что просто оглохла.

— Я не могу, — прошептала одними губами.

— Можешь. — подруга схватила меня за плечи и даже чуть встряхнула. — Я знаю тебя. И понимаю. Сама была на твоём месте. Помню, как было страшно. Особенно в первый раз.... Но ты сильная. Ты сможешь.

Я сглотнула, буквально силком заставляя себя успокоиться.

Да что со мной такое. Откуда такой страх? Только ли из-за нового облика пациента? Или всё дело в пробудившихся эмоциях?

Снова взглянула на ликана и покачала головой.

— Ничего не вижу.

Лишь густая шерсть, оскалившаяся пасть волка, теперь понятно, почему серый, и острые клыки, каждый с мой палец.

— Не так смотришь. Давай же, Айвири. Я не узнаю тебя. Открой внутренний взор, призови печать.

Метка тут же вспыхнула на запястье, отзываясь. Магия мелкой дрожью и строем мурашек пробежала по телу. От кончиков пальцев до макушки. В глазах зашипало, засвербело, словно в них песок насыпали и всё изменилось.

Окружающий мир ушёл на второй план. Просто серая дымка и мгла. Он уже не играл сейчас никакой роли. Призрачные стены, пол, потолок, окружающие предметы.

Непонятное свечение в углу. Там на тумбочке был какой-то артефакт. Судя по всему, очень сильный. Потом обязательно посмотрю, но не сейчас...

Яркие, ослепительные силуэты девушек. Они грели словно лучик солнца. Только присмотревшись, я увидела дыры и тёмные пятна в их аурах.

Истощены. Измотаны, но всё равно вызвались спасти ликана. В этом вся суть послушниц Лаари. Мы всегда думаем о других больше, чем о себе.

От них тепло, а от ликана холод.

Он казался ещё больше, мускулистее, ужаснее. И шерсть была уже не просто шерстью, а колючими иголками, к которым было страшно прикоснуться.

И тот... другой... с кошачьей мордой и зелёным взглядом был так же страшен.

Не люди... ликаны... благословлённые богиней на свершение подвигов и спасение нашего мира. Изодрённая благодать, изменившая их жизни.

Я знала, что они другие, но даже не представляла насколько.

— Ты видишь?

Я обернулась на шепот Галии, кусая губы.

Она истощена больше остальных. И с каждым биением сердца её аура становится всё светлее. Всё из-за тонкой нити, которая будто пуповина связывала её с мужчинами.

... моя была больше. Толще и сильнее.

Да, они правы. Я седьмая в связке и этот союз, образовавшийся так стремительно с каждой секундой становился всё крепче. Меня уже признали, хочу я этого или нет.

Я снова взглянула на Блейна, всматриваясь в область груди. Туда, где в человеческом облике видела шрам.

Пора было действовать.

Чёрное пятнышко нашлось не сразу. Уж очень крохотным оно было, словно кончик иглки, небольшой и острый. Теперь понятно, как Галия его упустила.

Такое сложно найти, если не знать, что искать.

Еще неизвестно, сколько бы времени поиски заняли у меня, если бы этот осколок не начал менять тело ликана. Крохотные потемневшие капилляры, кусочек пораженной потемневшей ткани, который составлял пару миллиметров и только.

— Видишь его? — подала голос Галия.

— Да, — отозвалась я, нетерпеливо поведя плечом и продолжая вглядываться.

Подруга сейчас только мешала.

Наконец-то удалось успокоиться, взять себя в руки. Я снова была в своей стихии, видела цель... осталось только добраться. А вот это было проблемой.

— Надо достать.

Я закусила губу от досады. Снова ненужная информация.

Конечно, надо. Что тут непонятного. Вот только интересно как? Он же внутри, в его теле. А я ... что я могу сделать. Схватить нож, прорезать рану и найти?

Нет, плохая идея. Как я потом найду этот кусочек в крови? Это просто невозможно, затеряется,

спрячется и снова будет уничтожать ликана.

Не голыми же руками его хватать.

— Именно ими, — отозвалась Галя, словно прочитав мои мысли. — Ну же, Айвири.

Что ну же? Что она хочет? Что бы я коснулась его?

Ладно.

Я подалась вперёд, вытянула руку и осторожно дотронулась до шерсти.

Действительно твёрдая, колючая и удивительно горячая и это несмотря на идущий от мужчины холод. Невероятное сочетание.

— И что дальше?

— Ты должна проникнуть в плоть рукой.

— Как?

Я снова потыкалась пальцами о шерсть. Результат всё тот же. Колко, неприятно и подушечки пальцев слегка покраснели.

— Это совсем несложно. Надо лишь поверить. Блейн тебя пропустит.

— Я не понимаю...

И это даже немного злило. От нетерпения сводило пальцы, а я не знала, что делать.

— Ты сама себя останавливаешь. А так нельзя. Это правда просто... представь, что это снег... или тесто... Не знаю. Оно пропустит тебя. Главное не бояться. Не должно быть и секунды промедления. И он раскроется. Поверь мне...

Я пыталась. Раз за разом тыкалась в грудь, кусала губы, закрывала глаза и ничего не выходило. Может причина в том, что я не верила. Ну как такое можно сделать? Как можно проникнуть в чужое тело, просто просунув руку. Ерунда какая-то.

— Не могу... не получается...

Я готова была плакать от безысходности, особенно когда чувствовала усталость девушек, которые держались лишь на упрямстве, продолжая поддерживать и стабилизировать состояние мужчины.

— Айвири, быстрее. Нам всё сложнее, — шептала Галя.

От перенапряжения болели и слезились глаза, метка горела всё сильнее, прожигая до самых костей, а от страха дрожали пальцы, кожа которых уже покрылась неглубокими ранками.

Как же это сделать? Как же?

— Айвири! — подруга повысила голос. — Ты должна. Прямо сейчас. Нельзя медлить! Подумай об отце!

Еще раз и ничего.

От иголок кровоточили руки, но я лишь кусала губы и снова пыталась пробиться сквозь металлическую шерсть и тело.

И сейчас самым страшным и сложным было перебороть себя.

В следующее мгновение тело мужчины вдруг дёрнулось и задрожало. Из пасти вырвался сдавленный рёв, а глаза распахнулись, устремив на меня полный боли и ненависти взгляд белёсых глаз.

Совсем как из кошмаров.

И страх был такой силы, что я забыла обо всём, просто отключилась и дёрнулась вперёд, словно хотела остановить. Но вышло совсем иначе.

Сопrotивление исчезло и ладонь вошла в тело...

Это было больно.

Блейну, а значит и мне. Настроившись на связку, я ещё не научилась отгораживаться от них и поэтому на мгновение ощутила весь спектр его чувств.

Но девушки быстро всё прогнали, разделяя эту муку на всех. Всё равно ощущения были не самые приятные.

— Быстрее, быстрее...

Легко сказать.

Я медленно, миллиметр за миллиметром продвигалась вперёд, пытаюсь нащупать этот крохотный осколок.

Есть. Нашла.

Одно прикосновение к демоновой магии и рука словно отнялась. Я и раньше её не очень хорошо чувствовала, а сейчас она просто окаменела, пальцы не слушались и стало больно. На этот раз лично мне.

Надо поймать, схватить... вытащить...

Вот только как?

Быстрее... быстрее...

Кажется, это я шептала, глотая льющиеся из глаз слёзы. Или кричала? Не знаю, сложно понять.

Ещё немного... ещё немного...

Вот!

Схватила!..

... и пропала, вскрикнув от боли, пронзившей всё тело.

...Я снова на длинной аллее у обители. Стояла где-то посередине, задрала голову вверх и смотря на голубое небо, которое с трудом, но можно разглядеть сквозь густую зелень и крупные бутоны розанов.

Они уже начали опадать. Крупные лепестки на моих глазах отрывались и кружась опускались вниз. Всё больше и больше, накрывая с головой.

Почему так много?

Все знали, что цветы опадали перед самым посвящением, словно сама природа рыдала вместе с нами, отпуская целительниц в холодные земли Ардана.

... нет, это не розаны летели... а листья.

Они желтели на моих глазах, съёживались, с тихим шелестом касаясь земли.

Вытянув руку, я поймала один из них и листочек почернел, пеплом осыпаясь на ладонь. И тут же был подхвачен порывом ветра, который унёс его...

...смешав со снегом...

Точно. Это не пепел, а снег.

Крохотные снежинки кружили вокруг меня, играли, резвились, не желая падать на землю и букет цветов, который я сейчас сжимала в руках.

Ярко-синие крохотные бутоны, такие ароматные, что кружилась голова. Или может дело было в другом?

— Под цвет твоих глаз...

Я подносила букетик к лицу и лепестки щекотали кожу, которая горела то ли от мороза, то ли от смущения.

Но нежное прикосновение почти сразу сменилось колкостью льда и снега, который летел мне прямо в лицо.

Меня куда-то тащили, силком, не оставив даже малейшей возможности сопротивляться. Но я

боролась, пинаясь, кричала, требовала отпустить.

— Нет! Нет!

Голос сорвался, и я захлебнулась слезами.

— Не уйду! Не оставлю!

Не знаю, каким чудом мне удалось вырваться и броситься назад, утопая в сугробах, шатаясь от порывов страшного ветра.

Я бежала, пока не упала в сугроб...

... но не снег был под моими ладонями и коленями, а холодный, каменный пол.

Не лес, главный зал.

Ликаны, люди... они все стояли, окружая плотным кольцом и не сводя с меня злых глаз.

И тихий шепоток пронёсся по залу, вынося приговор:

«Проклятая... проклятая...»

Но на полу я сидела не долго.

Она налетела ниоткуда, хватая за воротник тёплой куртки. Встряхнула, потянулась, пытаясь достать до лица, вцепиться в кожу длинными изменившимися когтями.

— Это ты! Ты во всём виновата!

Её с трудом оттащили от меня. Но в ушах долго звучал полный ненависти крик и слёзы.

Потеряв равновесие, я качнулась и стала медленно заваливаться на пол. Сил не было. Ничего не было.

Я виновата... во всем.... Только я...

Вот она, холодная, промёрзшая земля, но упала я не на неё...

... а на перину, набитую ароматной травой. Запах был такой силы, что меня снова замутило.

Там впереди у огромного костра танцевала женщина. Длинная юбка развевалась колоколом и тут же на повороте тесно облегла ноги. Длинные волосы непослушными кудрями падали на спину и плечи.

Я невольно залюбовалась её танцем. Сколько грации, пластики и страсти.

Незнакомка вдруг резко обернулась, пронзая чёрным как ночь взглядом.

— Не им тебя судить... ты трижды отмечена великой... ты выше их!

А я продолжала смотреть на пламя костра, которое на моих глазах вдруг посветлело, пока не стало льдинисто-белым, холодным как снег.

Почему как... это и был снег...

Снова...

Я стояла на вершине какой-то скалы. Там внизу белым ковром стелился лес и огнём горела завеса. Значит, я находилась по ту сторону... в самом сердце вражеского стана.

Легкий шорох за спиной.

Обернуться... и застыть...

Демон... мой извечный кошмар.

Его голос рокотал, когда он шептал моё имя:

— Айвир-р-р-р-ри...

И тянул руки с длинными когтями, стремясь достать.

Но страха не было. Я сама сюда пришла сегодня. По собственной воле. Знала, на что шла.

Поэтому и застыла, решительно вздернув подбородок.

— Верни... верни...

А в ответ лишь громкий смех, от которого кровь застыла в жилах.

... И щеку обожгло огнём, от которого я и очнулась.

Я села с громким хриплым стоном, который сорвался с губ, раздирая горло.

Сначала опустила, а потом уже открыла глаза, прижимая ладонь к горячей щеке и обливаясь холодным потом. Его было так много, что короткие волоски прилипли к влажному лбу и шее, вызывая неприятные мурашки по всему телу.

Холодно и жарко одновременно.

Мужчина находился прямо напротив меня. На корточках, чуть склонив голову на бок и изучая внимательными светло-зелёными глазами. Его лицо уже вернулось к привычному облику, шерсть исчезла, но я всё еще помнила, каким он был.

— Спасибо, — произнесла я, сразу поняв, что именно Феб привёл меня в чувство болезненной пощечиной.

— Всегда пожалуйста, княжна.

Я поморщилась как от зубной боли.

— Этот титул мне не принадлежит, — заметила тихо и осторожно, неожиданно осознав небольшую нестыковку. — Вас же не было на свадьбе.

А ведь точно. Итан был, его светловолосая подруга тоже и тот бородач. А вот этого ликана не было. Я бы запомнила.

— Не было, — кивнул мужчина, признавая. — Но слухи быстро распространяются. Да и Итан не сидел сложа руки. Решил, что князь подумает спрятать дочку и тайно вывезти из замка, пользуясь суматохой свадебного веселья. Поэтому и рассказал, предупредил, приказав поставить дозор на всех входах и выходах.

Значит, уйти бы мне всё равно не дали. Да, этого стоило ожидать.

— Понятно, — отозвалась я, не в силах вынести пристального, немного обвиняющего взгляда мужчины. Поэтому и взглянула на своего недавнего пациента. — Получилось?

Со своего места, а сидела я прямо на полу, получилось разглядеть лишь нечёткий профиль раненного и руку, которая лежала поверх покрывала.

Только после этого я вспомнила о своей. Попыталась пошевелить пальцами, но не выходило. Из хорошего — боли больше не было, из плохого — я вообще ничего не ощущала. Оставалось надеяться, что это временное явление.

— Получилось, — ответил Феб. — Насчет руки не бойся. Пару дней поноет и пройдет. Девчонки тебе мазь специальную дадут. Хорошо кровоток восстанавливает. Магия демонов опасна для неподготовленных, а ты еще голыми пальцами схватилась. Пусть и за осколок, но всё равно иногда и этого достаточно.

— Это всегда так? — поморщившись, спросила я и принялась растирать неподвижную кисть, с силой надавливая на кожу между пальцами. И всё равно ничего не ощущала.

— Нет. Иначе бы всех целительниц за месяц потеряли. Ты просто необученная, — пояснил ликан, поднимаясь с корточек. — Из-за этого и проблемы. Существуют средства для того, чтобы минимизировать контакт, обезопасить себя.

— Только мне про это ничего не сказали, — пробормотала в ответ, покосившись в сторону Галии.

Она, словно почуяв мой взгляд, резко обернулась и шагнула к нам.

— Как ты?

— Хорошо, — отозвалась я.

Не став рассказывать о том, как сильно болит и ноет все тело, под глазами всё плывет и больше всего хочется лечь, свернуться калачиком и уснуть прямо здесь на полу.

Но не тут-то было.

— Что видела? — вдруг спросил ликан требовательно, продолжая нависать надо мной.

— Где?

— Сейчас. Осколки по-разному влияют на каждого. Даже одно прикосновение может стать началом конца. Так что давай не хитри, рассказывай как есть.

Перед глазами снова завертелся хоровод картинок. Непонятных и таких реальных. Рассказать о них? Но зачем? Если сама не могу понять, что они значат. Но кое-что сообщить я могла.

— Демона, — ответила тихо. — Я видела демона.

— Какого? — нетерпеливо спросил Феб.

— Как он выглядел? — пояснила Галя.

— Почти как человек. Только белый весь, с длинными волосами, длинными когтями, — сообщила я и невольно поёжилась.

Они переглянулись между собой.

— Высший, — произнесла подруга взволнованно. — Это плохо.

Ничего другого я не ожидала. Что хорошего может быть в том, что я его так часто вижу?

— Хорошего мало, — кивнул ликан. — Но этого стоило ожидать. На нас тогда не шавки безродные напали. Ей настойка нужна. Сильная. Иначе кошмары мучить будут.

— Настойку я и сама себе сделать могу, — буркнула немного раздражённо. Мне совершенно не нравилось, что они общались между собой так, словно меня здесь не было. — Я знаю, что такое поцелуй демона. Лечила.

От взгляда ликана, которым он меня наградил, стало еще больше неприятно.

— Да, лечить вы умеете, — с усмешкой отозвался Феб. — Только это не то. Магия высших совсем иная штука. Ты, можно сказать, коснулась демона и теперь он так просто тебя не оставит. Станет приходить во снах и медленно сводить с ума. Они это могут. Поэтому от помощи не отказывайся.

«А если он мне и раньше снился... еще до этого момента?» — хотелось спросить мне, но я вовремя прикусила язык.

— Хорошо, — кивнула в ответ. — Настойка, так настойка. А где осколок?

В руках у меня его не было, значит забрали. И кто же рискнул? И как его хранить?

— Там, — кивнула подруга в сторону окна.

На небольшом столике под охраной рыжей целительницы стояла небольшая резная шкатулка.

Так вот что это за артефакт. Именно его сияние я видела тогда.

— И что теперь?

— Мы отвезем его в обитель, — пояснила Галя. — И там уничтожим.

— И что дальше?

Ответить она не успела.

С громким грохотом дверь сорвалась с петель и упала на пол. Я едва не подскочила со страха, но удержалась. Даже оборачиваться не стала, сразу поняв, кого увижу.

— Что здесь происходит? — спросил Итан, входя в комнату.

И тон его голоса не предвещал ничего хорошего.

Глава тринадцатая

Не так я представляла эту нашу встречу. Честно говоря, я вообще её не представляла, не успела. Но в моих фантазиях она точно не должна быть такой.

Во-первых, мы бы встретились наедине. Ведь в сложившейся ситуации этот вариант лучше остальных. Нам надо было поговорить с глазу на глаз, и я могла бы умолять, просить, сделала бы всё, чтобы защитить отца и свой народ от гнева. И ему было бы легче согласиться. Без свидетелей, которые могли видеть его власть и способность принимать непростые решения.

А еще я должна была стоять. Нет, можно было и сидеть, но уж точно не на полу, чуть не теряя сознание от усталости, с рукой, которая так и лежала плетью, не реагируя на мои прикосновения.

Всё не то и не так.

Но ничего поделать нельзя.

— Я задал вопрос, Феб! Что здесь происходит?

Я невольно втянула голову в плечи и затаила дыхание.

Заметил? Да. Я чувствовала спиной его взгляд, но оборачиваться не решилась.

Узнал? Должен был. Цвет волос у меня запоминающийся. Так что не узнать не мог. И платье послушницы тоже наверняка заметил.

Поверил? Не уверена. Скорее всего, нет. Возможно решил, что я специально так оделась, чтобы сбежать.

Да, наверное, так и есть. Ликан не захочет верить, что его надежды, стремления и планы рухнули из-за печати богини. Поэтому и будет сомневаться до последнего, игнорируя нестыковки.

— Нам удалось достать осколок, — произнесла Галия, выходя вперед.

Кажется, она пыталась загородить меня.

Бесполезно.

— Как? Ты же сказала, что у тебя не хватит сил.

— Помогите мне встать, — попросила я тихо, взглянув на послушниц, которые с тревогой наблюдали за нами.

Больше просить было некого. Феб отошел к другу, так что рассчитывать на него не приходилось.

Снова непонятный обмен взглядами. Решилась только полная девушка с шарфиком на шее. Подошла ближе, наклонилась, подхватив меня подмышки и рывком поднимая на ноги.

Надо же. А силы у неё еще остались.

Я слабо застонала, пытаюсь удержать равновесие на ослабевших ногах, но они никак не желали подчиняться. А удержать меня было сложно, как и подвести к какому-нибудь стулу или диванчику. Я видела, как покрывлось потом лицо девушки, как сожалением загорелись глаза.

Кажется, я переоценила свои силы и возможности. И она тоже.

— Прости.

Упаду... точно упаду, свалюсь кулем на пол.

Не вышло.

Широкие горячие ладони легли на талию, поддерживая и вызывая еще большую слабость в теле.

— Ты здесь...

Застыть, замереть, закрыть глаза, не в силах смотреть никуда. Даже перед собой. И глаза вдруг так не вовремя защипало, а мне казалось, что слёз больше не осталось.

— Это я, — прошептала едва слышно и, сглотнув ком у горла, продолжила. — Это я вытащила осколок у вашего друга. Я Айвири — послушница Лаари и седьмая в вашей связке.

Меня чуть подтолкнули, направляя в сторону диванчика, усадили. После чего ликан сел на стул, стоящий напротив. И положив локти на колени, подался вперёд, не сводя с меня серых глаз. Я не могла понять, что означает этот взгляд. Даже если бы захотела, не смогла. Он был просто не читаем, как и его лицо, непроницаемое, холодное, чужое.

— Послушница? Непосвященная? Здесь в Иллиуме? Так далеко от обители? — откуда-то сбоку зашумела уже знакомая мне светловолосая девушка-ликан.

И я вздрогнула от злости и какого-то непонятного торжества в голосе. Но не обернулась, продолжая смотреть прямо в потемневшие серые глаза Итана. Они сейчас были моим спасением.

— Я дочь князя Рогнара и его первой жены Неи. Они любили друг друга, но долгие годы не могли завести детей. А потом появилась я... с меткой Лаари на руке. Мама не выдержала и умерла сразу после родов, а отец... Я последнее воспоминание о ней.

— Это прямое нарушение закона, Итан! Соккрытие послушницы! И ты отлично знаешь, что это означает. Мы обязаны принять меры!

— Всё не так, — попыталась вмешаться подруга, встав на пути воительницы.

— А ты бы помолчала, Галия. С тобой мы позже разберёмся!

— Настоятельница разрешала мне приезжать сюда. Ненадолго и нечасто, — игнорируя слова блондинки, продолжала я тихо.

И всё так же смотря ему в глаза. Мужчина должен был видеть, что я говорю правду, что открыта сейчас. Может это поможет и смягчит наказание. Я всё еще верила, что смогу достучаться до ликана.

— Так это целая банда! — взвизгнула девушка. — Они сговорились! Мы не можем оставить это так, Итан!

— Он мой отец. Никакой банды нет, сговора тоже, он просто очень сильно меня любит и только. Мы не хотели ничего плохого. Сегодня свадьба моей сестры. Праздник. И отец хотел, чтобы я разделила его с ним.

— Послушница навсегда покидает дом и переходит в обитель, чтобы вечно служить Лаари, никаких контактов с бывшей семьёй. У них нет семьи!

— Джилия, хватит, — неожиданно вмешался Феб.

Но заткнуть её было не так просто. Северянка подскочила ближе, быстро и возмущенно говоря:

— Итан! Да что ты молчишь? Мы должны защищать закон. Ты представляешь, сколько лет они лгали и изворачивались. Если ты это спустишь, то авторитет ликанов будет потерян, все решат, что можно игнорировать законы и делать что угодно. Ты не должен этого позволить!

— Я спасла вашего друга, — в отчаянье бросила я последний довод.

— Выполняла свои обязанности, — тихо отозвался мужчина, выпрямляясь и вставая. — А я выполню свои.

— Правильно! — радостно взвизгнула девица, победно улыбнувшись.

— Я прошу вас! — вскрикнула я, пытаюсь встать, но сил всё еще не было. — Не надо. Не наказывайте князя и народ. Они не виноваты. Всё я. Если уж вам так необходимо вынести приговор, то можете обрушить весь гнев на меня.

— Потрясающая жертвенность. Князя ведь тоже знали, не так ли? Они все знали и прикрывали Рогнара? — спросил Итан, игнорируя мой взгляд и слова.

Ответить на это было нечего.

Мелькнула постыдная мысль, солгать, попытаться выгородить их, но я её тут же прогнала.

Нет, хватит лгать. Будет только хуже.

Ох, папа. Теперь за твоё решение будут отвечать все тридцать княжеств.

Да поможет нам Лаари.

— Галия, — ликан повернулся к притихшей девушке. — Блейну лучше?

— Да, но Итан...

— Отлично. Для транспортировки он готов?

— Итан, послушай, — снова попыталась вмешаться подруга.

— Я задал вопрос, Галия. И жду чёткого ответа, — резко оборвал её мужчина.

И она сдалась, сжавшись и склонив голову.

— Да, готов.

Ликан повернулся к Фебу.

— Подготовить обоз для перевоза целительниц и Бейна в обитель, как можно скорее. Её тоже отправить, — сухо велел он, явно намекая на меня, и повернулся, чтобы уйти.

— Пожалуйста, не делайте этого, — взмолилась я, чувствуя, как слёзы быстро побежали по щекам.

Мужчина остановился на мгновение, качнул головой и ушёл, уничтожив даже малейшие надежды на помилование и хоть какое-то снисхождение.

— Закон для всех, — торжественно провозгласила блондинка и поспешила следом за ликаном.

Итан Ларкас

Джил не отставала. Пробежала по коридору, ускоряя шаг, и вошла в комнату, игнорируя закрытую дверь. Кажется, она что-то говорила, объясняла, одобряла... радовалась?

Да, несомненно нотки какого-то странного злорадства Итан отследил и заметил. Слов не разобрать, а тон поймал.

Насторожится? Нет, не этим сейчас голова забита, а сердце кровоточило.

— Уйди, — сдавленно прошептал мужчина, застыв у окна, опираясь ладонями о широкий подоконник.

Ногти против воли удлинились, оставляя на дереве едва заметные полосы.

Девушка запнулась, недоверчиво переспросив:

— Что?

Честно говоря, в этот момент ликану было плевать на вежливость и прочее. Внутри всё болело от боли, зверь выл, оглушая, сердце ныло, а разум всё никак не хотел принять правду.

Айвири послушница... Как такое вообще возможно?

— Джилия, — склоняясь еще чуть ниже и чётко выговаривая каждое слово, повторил мужчина. — Оставь меня, пожалуйста. Уйди. Сейчас.

Куда делось хвалёное хладнокровие? Где сдержанность и спокойствие? Больше всего ему сейчас хотелось выпустить ярость наружу, разнести комнату в щепки и завывать. Громко, протяжно, жутко.

— Ты прогоняешь меня? — всё еще отказывалась верить подруга.

Раздражает.

Как же сильно она его сейчас раздражала, этой ненавистью, злостью, ликованием, приставучестью. Пришлось собрать остатки сил, чтобы ответить максимально спокойно и корректно.

— Прошу оставить меня одного.

Но от Джил всегда было сложно избавиться.

— Только не говори, что собрался простить эту девку и её родню.

Итан всё-таки зарычал.

Низко, глухо и тихо. Но этого хватило, чтобы девушка вздрогнула и отступила на шаг назад.

— Выбирай выражения, — сдавленно произнёс он, буквально выдавливая из себя каждое слово.

— Она солгала.

— Не солгала ни разу, — отозвался мужчина, изучая следы своих когтей на подоконнике. — Айвири никогда не называла себя княжной, никогда не пыталась играть и притворяться ею. В её словах и действиях не было обмана.

— Ты её защищаешь.

Он обернулся, бросив на девушку тяжелый взгляд.

— Айвири седьмая в связке, Джил. Надеюсь, ты понимаешь, что это значит?

Северянка поджала губы и отвернулась, не в силах выдержать взгляда.

— Может, это ошибка. Она не прошла посвящения и это ничего не значит.

— Ошибка не смогла бы вытащить осколок из Блейна. Так что она седьмая и следующий год будет с нами очень тесно работать.

— И что? — с вызовом спросила Кошка, вновь взглянув на ликана. — Я должна заткнуться и прыгать от счастья, что от прихоти лживой девки будет зависеть моя собственная жизнь?

Сдержаться снова не вышло.

Только последствия на этот раз были намного серьёзнее.

Она даже дёрнуться не успела, когда Итан вдруг оказался рядом, схватил за шею, перекрывая доступ к кислороду и царапая заострённым когтём кожу на скуле. Капелька алой крови выступила из ранки, надуваясь, и медленно потекла вниз.

Джилия замерла, боясь даже шелохнуться и приоткрыв рот в отчаянной попытке вдохнуть воздуха. Глаза расширились и в них плескался самый настоящий ужас. Это чувство так понравилось зверю, что он довольно заурчал внутри.

— Никогда. Не смей. О ней. Так. Говорить!

Еще пару секунд и он убрал руку.

С сожалением, потому что зверь требовал проучить зарвавшуюся кошку.

Джил на ногах устояла, захрипела, зашаталась, прижимая руку к горлу, с непонятной болью и растерянностью смотря на него.словно побитая собака, которая не понимала, за что её наказали.

— Уходи, — снова повторил он, отворачиваясь.

Быстрые шаги и хлопнувшая дверь.

Но Итану было плевать на всё.

Как? Как он мог перепутать связку с влечением пары? Как? Это ведь не первая целительница и не последняя. Но никогда никто не вызывал у мужчины таких чувств.

— Что за игра, Великая? Зачем ты так с нами? — прошептал он, вглядываясь в пейзаж за окном и ничего не видя перед собой.

Айвири послушница... Его Айвири... Нет, не его, отданная с рождения Лаари. Волосы спелой черешни, ярко-синие глаза, полные мягкого, теплого цвета, мимолётная улыбка, тронувшая губы...

Видеть это каждый день в течение года. Каждый проклятый день! Разговаривать и не иметь возможности коснуться, что-то изменить. Страшнее муки не придумать.

— Дай мне сил вынести всё это... дай.

Зверь снова взвыл, заскулил, забиваясь вглубь сознания. Ему тоже требовалось время, чтобы осознать, что Айвири никогда не будет им принадлежать.

Калев пришел минут через пять.

Вежливо постучался и не дождавшись ответа вошёл в комнату.

— Разрешишь? — спросил он бодро и осмотрелся.

Все предметы на своих местах, ничего не сломано, не разрушено и старший связки у окна. С прямой спиной и болью, которой фонило еще с коридора.

Да, сильно она его зацепила.

— Я сейчас не настроен на разговоры, Калеб.

— Так это понятно, — закивал Бурый, проходя вглубь. — Большой сюрприз. Никто не ожидал такого поворота.

— Уйди по-хорошему, — не оборачиваясь, произнёс ликан. — Мне надо время.

— Только нет его, Итан. Сам знаешь. Да, обманули, скрыли, закон нарушили, но не сильно ты строго с девчонкой. Она как никак Блейна вытатила. Сама пришла, по собственной воле, рискнула всем.

— Защищаешь?

Ларкас всё-таки обернулся, встречаясь взглядом с тёмно-кариими глазами друга.

— А что не защитить? Седьмая как-никак. Нам еще работать и работать вместе. А девчонка толковая, сильная. Феб говорит быстро управилась. И это без посвящения. А то, что с отцом виделась... так родная кровь. Сам понимаешь.

— Джил другое говорит.

Бурый хмыкнул, пригладив бороду.

— Ну эта с характером всегда была. Но даже она против связки не пойдет. Никто не пойдет. А ты подумай, что будет с послушницей, если ты её отца накажешь, пройдешься по народу. Простит? Сомневаюсь. А там за завесой любая мелочь может стать роковой. Нельзя так начинать.

— Я знаю.

— Тогда чего творишь? Сослал в обитель, напугал.

— Ты знаешь зачем мы пришли. Не только в сборе дело. Необходимо уговорить князей изменить условия соглашения.

Ликан понимающе кивнул, ухмыльнувшись.

— А не хочешь сыграть на этом? — продолжил Бурый.

— Хочу, — кивнул Итан. — Теперь мне есть чем прижать высокородных князей. Они все скрывали и покрывали Рогнара, нарушили закон. Так почему бы нам не обернуть это в свою пользу. Соглашение будет изменено. Сегодня. А с Айвири я поговорю потом, когда прибудем в обитель.

Князей собрали в течение следующего часа. Отловили по одному, подхватили под руки и вежливо проводили в зал, который находился в заднем крыле и был обустроен специально для таких заседаний. Резные удобные лавки с мягкими узкими подушками с бордовыми наволочками, широкие проходы, небольшой постамент для выступающего.

К концу часа зал уже гудел от недовольных, слегка подпивших князей, которые все громче и громче выражали своё недовольство.

Одним из последних вошёл Рогнар. Мужчина медленно брёл по проходу, цепляясь за высокие сидения лавок и тяжело переставляя непослушные ноги. Подойдя к первому ряду со вздохом присел на свободное место и опустил голову, изучая сцепленные на коленях руки.

— Прошу прощения за то, что были вынуждены прервать ваш праздник, — быстро входя в зал произнёс Итан и, не сбавляя шага, прошелся по проходу, вбежал на постамент и повернулся к князьям. — Наш разговор не займет много времени.

— Вы забываетесь, Ларкас, — произнёс пожилой князь запада Нинель. Он откинулся на спинку и с прищуром изучал молодого ликана сквозь кустистые брови. — Мы вам не ваши шестерки, которых можно без всякого суда и следствия стаскивать сюда. Надо вам провести совет, так завтра всё и сделаем. Выделим время.

Князья согласно загудели.

— Совет пройдет сейчас, — твёрдо произнёс Итан.

— Власть почуял? — выкрикнул князь Гетай. — Так нету власти у тебя. Ты всего лишь сын антура. Да и то не старший.

— Что за неуважение, Ларкас? — вторил ему князь Торгон, вскакивая. — Я требую сменить тон! И пока этого не произойдет, я отказываюсь разговаривать и что-либо обсуждать. Забылся ты, ликан!

Зал снова наполнился голосами. Князья поддержали недовольство, закричали, поднимая вверх кулаки. Заскрипели лавки от их манипуляций.

— Всем сесть! — крикнул Итан и глаза вспыхнули сталью.

— Забылся, щенок! Так не будет никакого разговора и совета не будет. Это я говорю, князь Сайгар!

— Что ж, тогда перейдём сразу к наказаниям, раз диалога не получается, — с жуткой улыбкой на губах произнёс мужчина.

Затихли на мгновение.

— Что за наказания? — спросил князь Лауран.

— Уже не один год все вы нарушаете закон.

— Наговариваешь, Ларкас.

— Вы все молча наблюдали за тем, как князь Рогнар вопреки всем правилам и законам приводил в свой замок послушницу.

Тишина. Сразу все разговоры смолкли. Тяжелые виноватые взгляды, которыми они перебрасывались между собой, явно не ожидая такого.

— Это не нарушение закона, — произнёс князь Саир. — Да, не сказали, так она же не просто послушница. Дочь. Единственная от первого брака.

— Она послушница, — резко оборвал его ликан. — Девушка с рождения принадлежит богине. И в девять лет обязана навсегда, слышите? — навсегда покинуть отчий дом и оставить родню. Сокровище послушницы карается законом, на страже которого мы и стоим.

— Сегодня свадьба её сестры, — попытался оправдаться князь Кайпан.

— Не надо это сюда вмешивать. Не надо. Сами знаете, что это не оправдание.

— Где она? Где Айвири? — глухо спросил Рогнар, впервые подав голос.

Он поднял голову и впился воспаленным взглядом в Итана.

Сегодня же будет отправлена в обитель под охраной ликанов.

— Меня вини, Ларкас. Не их. Только меня. Они промолчали, верно сказал, но потому что я попросил.

— Мне жаль, — покачала головой мужчина. — Но так не пойдет. Сегодня они промолчали, завтра тоже что-нибудь скроют. А через месяц еще что-нибудь придумают. Нет, так не пойдёт. Сами понимаете, что я не могу это проигнорировать.

— И что теперь? Чего вам надо? — спросил князь Сангар.

— Помощь. Завеса истончается.

— Уже не первый год, Ларкас, — отмахнулся Торгон равнодушно.

— Да. И вместо того, чтобы остановить это, вы год за годом отнекивались. Вот только больше не получится. Следующий год она выдержит, а вот потом всё может сложиться по-другому. И это не пустые угрозы. Защита наших предков исчезает.

— Как так? Мы даём вам людей!

— И мы вам их возвращаем. Да, потери есть. У вас единицы, у нас десятки. Каждый год мы хороним наших воинов. Мужчин и женщин. Каждый год стоим на страже земель, не давая демонам пройти. Но так больше продолжаться не может. Нельзя игнорировать. Если вы так и будете замалчивать, то через пару лет завеса падет, и демоны придут на ваши земли. Надеюсь, теперь вы меня услышали.

— Запугиваете, молодой человек, — неодобрительно покачал головой князь Нинель. — Не хорошо. Последняя проверка завесы была проведена несколько лет назад и ничего подобного в ней не было.

— Пятнадцать, — перебил его Итан. — Пятнадцать лет назад. Не обманывайтесь, уважаемые лэры, прошло уже много времени.

— Пусть так. Но это сути не меняет. Мы следим за завесой, Ларкас. От этого зависят наши жизни и проверки проходят по установленным срокам. Согласно им при достаточном вливании силы завеса продержится еще не один десяток лет.

— Пятьдесят, не меньше, — закивал князь Гермиос.

— А прошло всего пятнадцать, — продолжил Нинель. — И вы теперь утверждаете, что проверяющие ошиблись?

— Я видел этот отчет и помню его содержание, — кивнул Итан. — И действительно утверждаю, что выводы были сделаны ошибочные.

— И почему мы должны вам верить? — вскрикнул князь Минер. — Всем давно известно, что ликаны хотят изменить соглашение. Может это просто уловка?

Другие князья поддержали его согласным гулом.

— Выводы комиссии строились на двух пунктах. Первое — вливание силы для поддержания завесы. Второе — сила демонов, что была направлена на её разрушение. И за эти годы соотношение стало другим.

— Что вы имеете в виду? — спросил Кайпан. — Людей вам дают всё то же количество.

— Совершенно верно. Только сил у них всё меньше, для завесы этого мало. А вот демоны становятся всё сильнее и сильнее.

— И что вы хотите? — тихо спросил Рогнар. — Как всё изменить?

— Мы должны подпитать завесу.

— Хотите увеличить количество мужчин для сбора? — спросил князь Найбус. — К этому вы ведете? Так скоро никого не останется.

— Это не выход. Нужно нечто более весомое, — покачал головой ликан.

— Конкретнее, молодой человек, — поторопил его Нинель. — Говорите уже все, что хотите. Хватит ходить по кругу.

— Завесу создавали наши предки столетия назад. Ликаны, люди и целительницы. Три силы были направлены на защиту нашего мира. И три силы должны всё восстановить.

— Вы хотите, чтобы мы отправились с вами в Ардан? — удивленно переспросил Сангар. — Бросили наши княжества и ушли? Это вы предлагаете? Но это безумие!

— Если мы в скором времени что-нибудь не предпримем, то и защищать уже больше будет некого. Но нет, вы ошиблись, вы все там не нужны. А вот ваши потомки, да.

Снова заскрипели лавки, загудели князья, вскакивая и выкрикивая возражения:

— Он сошел с ума!

— Никогда!

— Ни за что!

— Не будет этого!

— Этого нельзя допустить!

Расставаться с детьми никто из них не хотел.

— Всего пять! — крикнул Итан, повышая голос и пытаясь их перекричать. — Всего пятеро из ваших потомков. Сыновья, внуки, племянники. Тех, кого изберёт жребий. Не я, а Лаари. Всё по-честному. Либо вы сделаете это сами, либо я, согласно закону, выберу сам. И на пяти не остановлюсь. Выбор за вами, лэры. Свой ответ вы дадите завтра утром. А теперь, спасибо за внимание, можете возвращаться на праздник.

Итан спустился с помоста, когда ему навстречу поднялся князь Рогнар.

— Минуту, Ларкас, всего минуту. Я могу с ней попрощаться? Всего лишь попрощаться, — спросил

он с трудом.

— Вы же знаете, что это запрещено.

— Она моя дочь. Вы поймете меня, молодой человек, когда у вас будут собственные дети. Ради неё я готов был изменить этот мир, пройти против всех.

— И к чему это привело?

Рогнар не ответил, лишь отвёл взгляд и снова спросил глухо:

— Так вы позволите её увидеть. В последний раз.

— Хорошо. Вас пропустят, — кивнул Итан и снова продолжил путь.

Глава четырнадцатая

— Ты знала, что всё так будет?

Я стояла у окна комнаты, в которой меня заперли до отъезда, обхватив плечо здоровой рукой, словно пытаюсь согреться. Впрочем, так и было. Несмотря на жару и духоту, тело еще трясло от холода, который последовал из кошмара в жизнь, колкой иголкой пронзая кожу на обездвиженной руке.

На первом этаже росло дерево, крона которого была такой пушистой, что загородила весь обзор. Даже небо рассмотреть было сложно сквозь густую листву, разве что крохотные кусочки.

Осколки.

Совсем как моя жизнь. Ничего не осталось. Только вот такие вот осколки былого счастья.

Но несмотря на это я продолжала стоять и смотреть, сжимая плечо безжизненной руки, плетью повисшей вдоль тела.

— О чём ты? — тихо спросила Галя.

Подруга принесла поднос с едой и отваром, который мне надо выпить, чтобы демон не смог дотянуться ко мне из кошмаров, медленно высасывая жизнь.

Поставив его на столик, она мялась у двери, не зная, что делать. То ли уйти, то ли заговорить со мной.

— Про осколок, защиту и всё остальное, — пояснила я, даже не думая оборачиваться, спиной чувствуя взгляд девушки и чувство вины, которое медленно заполняло комнату, разъедая те годы дружбы, что связывали нас. — Что это настолько опасно.

— Я ведь предупреждала тебя, — возразила Галя. — Говорила, что это будет сложно.

Да, что-то такое было. Слабый шёпот, неуверенный взгляд и чисто номинальное предупреждение и вопрос.

«Я должна была спросить...»

Сейчас мне это виделось совсем в ином свете, чем тогда. Она должна была спросить, чтобы очистить свою совесть, а не защитить меня. И это Галя, верная подруга, с которой мы столько лет делили радости и горести.

Куда делось моё послушание и всепрощение? Апатия и желание всех понять и оправдать?

Ничего этого не было. А вот обида была. И боль, и остальные эмоции тоже. Они давили на сознание, мешая сосредоточиться.

— Ты злишься на меня, — понимающе произнесла девушка, когда молчание затянулось.

Злюсь. На всех сразу. А больше всего на себя.

— Ты должна была рассказать о последствиях.

— И что бы это изменило?

— О защите, — продолжила я, проигнорировав её вопрос. — О том, что меня ждало.

— Мы были рядом, помогали тебе, разделяя муки на всех.

— А если бы не справилась? — спросила тихо и обернулась, встречаясь с виноватым и в то же время решительным взглядом тёмно-карих глаз. — Если бы не смогла? Сорвалась, утягивая вас за собой. Они ведь правду сказали, я ничего не знала и сейчас не знаю. Не прошла посвящения, не получила сил, даже печать осталась той же.

— Ты сильная, Айвири, — серьёзно произнесла Галя. — Ты даже себе не представляешь насколько.

— Правда? Отчего же? Из-за того, что смогла вытащить осколок чужой магии голыми руками? Без защиты?

Голос дрогнул на последней фразе. И только тогда я поняла, как обижена на подругу, как мне больно от этого невольного предательства.

Её лицо исказилось от мучений и в глазах застыли слёзы.

— И не только из-за этого. Ты почувствовала их, а они тебя, задолго до посвящения. Такого никогда не было. Я знаю. Но ты другая, Айвири. И Блейн тебе открылся, позволил коснуться. Ты хоть представляешь, что это значит?

— Нет. Не представляю. Ни тогда, ни сейчас. Потому что не знала. Ничего. И ты мне в этом не помогла, Галия, не объяснила, не сказала. Почему? Неужели за прошедший год ты всё забыла? Я стала тебе совсем чужой? Ненужной? За что ты так со мной?

— Ты поймёшь меня, — сдавленно произнесла подруга. — Пройдешь посвящение и поймешь. Всё изменится. А они станут больше чем семьёй... частью тебя. Именно поэтому нас лишают семьи, возвращают жертвенность, медленно уничтожая собственное я. Чтобы мы могли принять их всех. И спасти.

Да, так и было. Раньше. Но оковы спали. Я уже другая.

— Может ты и права, — отозвалась я. — Но мне всё равно тяжело. И стало только хуже. Ты хочешь, чтобы я помогала им, спасала, выполняла твою работу? Но как? Кого я должна оберегать? Эту девицу, которая подала отличную идею наказать моего отца?

— Её зовут Джилия. И она немного не сдержана, — пояснила Галия.

— О да, я заметила, — со злым смешком ответила я. — Или Ларкаса, который как раз в этот момент приводит приговор в исполнение. Пока я сижу здесь, где-то там решается судьба моей семьи. И я ничего не могу сделать. И ты думаешь, из нас сможет получиться большая и дружная команда?

— Итан этого не сделает.

— Он уже делает, Галия! — оборвала её я и покачала головой. — Я не смогу... Я не хочу.

— Ты не знаешь, Итана он не такой... поверь... Ох, Айвири, мне так много хочется тебе рассказать, показать, но я не могу. Только после посвящения, когда твоя метка поменяется.

— Тогда уходи, — тихо произнесла я, чувствуя, как от тоски разрывается сердце.

— Что?

— Уходи. Разговаривать нам не о чем.

Галия отвела взгляд и тяжело сглотнула. Было видно, что ей больно, но и мне сейчас не легче.

— Тебе надо выпить отвар, — со слезами в голосе произнесла девушка. Иначе кошмары замучают.

— Я выпью.

— Он хороший, мы сами его пьем. Помогает.

— Я же сказала, что выпью, — немного раздраженно отозвалась я.

— Хорошо. Повозки уже готовят к поездке. Совсем скоро мы отправимся в обитель.

— Поняла, — вновь отворачиваясь к окну, произнесла я. — Будь что будет.

Скрипнула дверь, извещая о том, что я осталась одна. И снова наступила тишина.

Время потеряло свой счёт, а я будто превратилась в изваяние, застыла, погрузившись в свои мысли и воспоминания.

«Проклята... проклята...»

Что означал тот шёпот в видении?

Послушница может быть проклята лишь в нескольких случаях. Но я никогда на такое не пойду. Никогда не нарушу заветы богини. Потому что такое не произошло. Никогда и никому. Но тогда к чему всё это?

Снова скрипнула дверь, раздались тяжелые шаги и самый дорогой голос в мире произнёс моё имя, вырывая из тяжелых размышлений:

— Айвири.

Это было похоже на удар молнии, разряд грома.

Меня будто разбили на тысячи осколков, оставив лишь маленькую девочку, которая так любила отца. Несмотря ни на что. Все эти годы. Та самая малышка, которая прибегала к нему в покои, забиралась на колени и крепко обнимала, вдыхая родной запах, которая мужественно терпела все унижения и улыбалась, лишь бы родителю было лучше. Которая несмотря ни на что всегда ждала посланников от отца и приказ хозяйки собираться в дорогу.

— Папа...

Развернулась, птицей метнулась к нему, ничего не видя перед глазами, обнимая, прижимаясь всем телом и застывая, боясь поверить, что всё это не сон.

Что вот сейчас он растает как дым, оказавшись игрой моего расшалившегося воображения. Или еще хуже, его у меня отнимут. Подойдут, дёрнут в сторону, и я снова останусь одна.

— Папа, папочка. Ты здесь... ты здесь.

— Всё хорошо, дочка, всё хорошо, — шептал он, ласково проводя дрожащей рукой по моей голове и обнимая в ответ.

Мне понадобилась целая минута, чтобы хоть немного прийти в себя и чуть отступить, вглядываясь в родное лицо сквозь дымку слёз.

— Что он сделал тебе? Как наказал? — забросала я его вопросами и тут же начала оправдываться. — Прости, я не хотела... думала, что смогу всё изменить. Но они не слышат. И стало только хуже. Мне надо было бежать, как ты и говорил. Надо было попробовать.

— Тс-с-с, — отозвался он с лёгкой улыбкой на губах, стирая слезинки, которые текли по моим щекам. — Успокойся. Всё хорошо.

— Прости меня, — снова зашептала я.

— Мне не за что тебя прощать. Ты поступила так, как велело сердце. И я горжусь тобой, дочка. Ты сильнее меня, чище.

— Отец, — ахнула в ответ и губу прикусила, а отец тут же принялся меня утешать.

— Он ничего мне не сделал. Даже позволил проститься с тобой. Но у нас так мало времени, — произнёс он, хватая меня за безжизненную руку и чуть сжимая её. — Пообещай мне, что вернёшься.

— Конечно вернусь. Все возвращаются, ты же знаешь.

— Знаю, — перебил меня отец и взгляд посерьёзней, а уголки губ опустились. — Я видел их. Сломленные, уставшие, утратившие желание жить. Я видел, какие послушницы возвращаются из Ардана. Пообещай мне, что вернёшься несмотря ни на что. С собой. Такой же яркой, живой, настоящей.

— Я постараюсь, пап.

— Вот и умница, — произнёс он, снова обводя пальцами черты моего лица. Глаза вновь наполнились болью. — Ты так похожа на свою мать сейчас.

Именно это заставило меня чуть отступить, вспомнив самое главное.

— Ты тоже мне кое-что пообещай.

— Конечно, Айвири.

— Прости их, — попросила я, пристально смотря ему в глаза. — Княгиню и Айву.

Отец тут же отвернулся и отпустил мою руку.

— Нет.

Но отступать я не собиралась.

— Это моя просьба, пап. Последняя. Неужели откажешь?

— Ты просишь слишком много, Айвири.

— Разве? Просто простить и забыть обо всём. Что в этом сложного? Да, они во многом виноваты. Но не только они. Мы все вели себя не верно.

— Этот вопрос не обсуждается.

— Нет. Ты попросил меня вернуться, а я прошу начать новую жизнь. Без меня.

— Айвири! — вскричал он. — Не смей так говорить!

— Пожалуйста. Айва такая же твоя дочь как и я. Ты и так достаточно её унизил. А сегодня у неё свадьба. И должен быть рядом. С ней и княгиней. Они твоя семья. И любят тебя. Дай им возможность это доказать, пока не будет слишком поздно.

Он снова глянул на меня и кивнул.

— Хорошо. Я попробую.

Нам дали побыть еще минут пять-десять, а потом за мной пришли.

Пора было ехать.

— Ваши вещи уже собрали, — сообщил мне Феб, подавая руку, которую я принимать отказалась, самостоятельно выйдя на улицу под яркие солнечные лучи света. От туч не осталось не следа. — И положили в карету.

— Спасибо, — отозвалась я, глядя себе под ноги и стараясь не расплакаться.

Не так я представляла себе отъезд из дома.

— Айвири! — громкий крик заставил меня застыть и обернуться.

Протискиваясь через ликанов ко мне бежал темноволосый мальчик в нарядном костюме, который выглядел на нём в данный момент не очень презентабельно — расстёгнутый сюртук, измятая белая рубашка.

— Оргус! — вскрикнула я, ловя его в объятия.

— Ты уезжаешь? — младший брат, высвободившись, смотрел на меня не мигая.

— Да, мне уже пора.

— С ними? — он стрельнул глазами в сторону северян, окруживших нас плотным кольцом.

— С ними, — кивнула я старательно улыбаясь. — Они доставят меня в обитель.

— Ты вернёшься?

Как же мне хотелось соврать.

— Нет.

— Почему?

— У меня есть обязанности, Оргус. У тебя тоже они есть. Я больше не смогу сюда приезжать. Ты же знаешь, что послушницам этого делать никак нельзя.

— Но я хочу, чтобы ты вернулась. А папа сказал, что если очень хотеть, то обязательно сбудется.

Слёзы удержать становилось все сложнее.

— Мы увидимся. Я тебе обещаю.

— Когда я вырасту, то обязательно заберу тебя домой, — горячо заверил меня брат.

Я снова порывисто обняла его.

— Буду ждать, мой герой.

— Пора, — поторопил меня Феб.

Я поцеловала Оргуса в лоб и повернулась к одной из карет, которая ждала меня, скользнув взглядом по замку и застывая на мгновение.

Там на небольшом балкончике, опираясь руками о каменные перила, стоял Ларкас и не мигая смотрел на меня.

Расстояние словно исчезло. Я видела его дымчатые глаза, чувствовала тоску и злость, которые

волнами исходили от него. И сердце застучало в груди, словно откликаясь.

Моргнув, я дёрнула головой, отвернулась и, подхватив подол юбки, поднялась по ступенькам в карету.

Дверца щелкнула за мной, закрываясь и почти сразу мы отправились в путь.

В карете кроме меня сидело еще три девушки целительницы: полненькая, рыжая и блондинка с угловатым лицом. Я вспомнила их имена, не сразу, но вспомнила, ведь девушки учились всего на курс старше. И пусть мы не общались, но знали, видели друг друга.

Они кивнули мне приветствуя и потеснились, давая возможность пройти и занять своё место. Что я и сделала.

Галии не было. И я даже была рада этому факту. С ней бы пришлось разговаривать, а делать этого страшно не хотелось. Словно почуяв моё настроение, девушки молчали, думая каждая о своём.

Отвернувшись к окну, я наблюдала сквозь затемненное зеркало, как карета медленно выехала из главных ворот и двинулась дальше по дороге.

Вот уже выбрались из города, одна деревня промелькнула мимо, сверкая ярко-красной черепицей. А следом и другая показалась краешком.

Затем был лес с ярко-зеленой листвой, который сменился широким полем с золотой пшеницей с налитыми колосьями, которые тяжело клонились к земле. Красивые в Иллиуме места, солнечные, словно яркими красками нарисованные.

Меня слегка укачало. Прислонившись головой к стенке кареты, я закрыла глаза и, кажется, задремала.

Когда проснулась, было уже темно, солнце почти зашло за горизонт оранжевым ободком застыв на стыке неба и земли. Карета стояла и снаружи доносились голоса, смех и звуки поселения: лязг металла, кудахтанье кур, мычание коров.

— Где мы? — спросила я хриплым ото сна голоса, выпрямляясь и охнув от резкой боли в затёкшей шее и спине.

— На постоялом дворе, — отозвалась рыжая Эдна, которая уже вставала. Луа и полненькая Риа уже успели выйти. — Переночевать надо, да и лошадям дать отдохнуть.

Я вышла последней и осмотрелась.

Оказывается, у нас был самый настоящий караван: две кареты, одна крытая повозка, скорее всего в ней перевозили раненного, и десяток вооружённых до зубов ликанов с грозными взглядами.

Перед нами был самый настоящий постоялый двор с тремя невысокими постройками, большой конюшней, широкой площадкой, посреди которой стоял колодец, выложенный камнями.

— Пойдёмте, — поторопил меня Феб, который как оказалось последовал с нами.

Ликан быстро оглядел меня, поджал губы, но больше ничего не сказал.

Нас проводили внутрь одного из крайних зданий, провели на второй этаж, где было четыре отдельные комнаты, одну из которых мы заняли тем же составом, которым ехали в карете.

Мне удалось мельком увидеть Галию, которая никому ни слова не говоря, быстро забежала в самую дальнюю дверь и тут же плотно закрыла её за собой. Одна.

Интересно получается. С чего такие привилегии? Или может не одна она там была.

Дальше всё было как обычно.

Ужин ликаны принесли нам в комнату на широких подносах. Ароматная густая похлебка, тёплый хлеб с хрустящей корочкой, утка, прожаренная с овощами, пирожки с капустой, морс из лесных ягод. Всё сытно и очень вкусно.

— Твой отвар, — произнёс Феб, вручая мне глиняную кружку уже со знакомым варевом.

— И сколько мне его еще пить?

— Не меньше года, — отозвался тот.

И девушки, которые уже разбрелись по кроватям, согласно кивнули, подтверждая его слова.

— Мы только недавно перестали, — сообщила Луа.

— А Галия до сих пор принимает, — вставила Эдна. — Ей сложнее всего.

Умывшись в тазу, который принесла одна из служанок, я переоделась в длинную рубашку, прошептала молитву Лаари и забралась в постель, отвернувшись к окну.

Девушки меня не тревожили, тихо переговариваясь между собой.

Я думала, что из-за того, что я поспала в карете, долго буду ворочаться. Но нет. Прошло всего немного времени, как усталость взяла своё и я уснула, обнимая подушку.

Всё-таки зелье было хорошим. Кошмары меня не мучили. Да и сны тоже. Провалилась в темноту и тут же глаза открыла. Ну мне показалось, что тут же. На самом деле времени много прошло.

На двор опустилась ночь, девушки мирно спали в своих постелях, а я вот не могла.

Что мешало? Да если бы я знала. Не кошмары точно, да и холода не была, наоборот во сне так укуталась в покрывало что взмокла. Ни страха, ни боли, ни паники. А уснуть всё равно не могла.

Около минуты просто лежала, прислушиваясь к дыханию девушек. Вот тихо завозилась рыжая. Тревожно и даже жалобно забормотала что-то Риа. Зло процедила сквозь зубы блондинка, сопровождая всё тихим болезненным стоном. Несмотря на возвращение на родину их бой ещё не закончен, впереди долгие месяцы восстановления.

Отбросив покрывало в сторону, опустила ноги на пол и осторожно встала.

И куда собралась, сама не знаю, а ноги словно ведут.

Мысленно возвав к богине, я, бесшумно ступая, подошла к двери, приоткрыв её. Честно говоря, я ожидала увидеть за дверью охрану, а не было никого. Наверное, они внизу у лестницы. Так это даже хорошо.

Выскользнув в коридор, я, ускоряя шаг, подошла к той самой двери, за которой скрылась Галия. Именно сюда меня так тянуло.

Коснулась рукой поверхности и осторожно толкнула, не веря, что получится.

Но та неожиданно поддалась. Не заперто.

Мужчина стоял у окна. Его силуэт хорошо было видно в свете ярких звезд.

Пошатываясь он с трудом держался за раму и покачивался, так, словно хотел прыгнуть вниз.

Я даже подумать не успела, подбежала к нему, обнимая за спину и прижимаясь всем телом, не давая сделать роковое движение. Зря я что ли собой рисковала, кончик иглы доставала, чтобы он сейчас из окна выбросился.

— Не пушу, — выдохнула едва слышно, но твёрдо.

Он вздрогнул всем телом и медленно-медленно повернул ко мне голову. В темноте золотом вспыхнули нечеловеческие глаза на красивом, но бледном лице.

Я застыла, замороженная его взглядом и не сразу услышала вопрос:

— Ты кто?

Никогда таких глаз не видела. У людей просто не могло быть такого цвета.

Нет, не золото. Словно само солнышко светом своим поделилось, вот только не согревало оно, а тревожило, дрожь по телу вызывая.

И так страшно вдруг стало, что руки опустились. А ведь я даже не заметила, как вернулась чувствительность в раненной конечности.

Северянин времени даром не терял. Развернулся резко, ноздри затрепетали, когда он особо глубоко вздохнул. А потом вдруг стремительно схватил меня за талию, притягивая к себе.

— П-пустите, — забормотала я не слишком убедительно.

Что поделаешь, не готовила меня жизнь и обитель к таким поворотам. Послушницы всегда пользовались уважением и почтением. Нас никто не смел касаться, особенно так... властно, словно имел право.

В глазах вспыхнуло что-то очень похожее на предвкушение, и лёгкая улыбка тронула губы. Но это напугало меня еще больше. Если рядом с Итаном я чувствовала спокойствие и защиту, то тут сейчас всё было совсем по-другому.

Не знаю, почему я вспомнила в этот момент Ларкаса. Может потому, что они были похожи. Несмотря на то, что именно Феб приходился Блейну родственником, мужчина больше походил на жоака. И дело было не только во внешности, а в поведении, манерах, повадках.

Все эти мысли промелькнули в голове за долю секунды.

Этого времени северянину хватило, чтобы притянуть меня еще ближе. Горячая ладонь легла на затылок, не давая возможности дернуться и сбежать.

Я почувствовала себя в ловушке.

— Что вы д-д...

Договорить я не успела.

Рывок и мужчина меня поцеловал.

Впервые в жизни меня кто-то поцеловал!

Это было не легкое прикосновение губ, о которых так много писали в романах, которые я как-то стащила у мачехи в подростковом возрасте. Не было нежности, томления и восхищения. Наоборот, было немного больно. Блейн сминал мои губы, даже слегка покусывал. А его влажный язык бился о мои стиснутые зубы. Но зачем, я так и не поняла. Да и не успела.

Действовала я рефлекторно.

И за этот самый язык его и укусила. Вроде слегка хотела, а вышло до крови, которая тут же наполнила рот металлическим привкусом.

Мужчина хватку тут же ослабил, дернулся, а я, пользуясь его замешательством, оттолкнула от себя и отскочила назад, едва не сбив столик, на котором стоял кувшин с водой и остатки ужина.

Толкнула я Блейна хорошо. Так что он едва из окна не вывалился, лишь каким-то чудом уцепившись рукой за раму, которая жалобно заскрипела, но удержалась.

Конечно, мысль броситься ему на помощь возникла, но я тут же её прогнала. Хватит, уже раз помогла и чем это обернулось.

— Вы что делаете? — свистящим шепотом спросила у него, нащупав вилку на столе.

Я надеялась, что до этого не дойдет, но готова была защищаться до последнего.

— Я? — сплюнув кровь, рыкнул Блейн и глаза вспыхнули оранжевым. — Да это ты что творишь? Совсем сдурела? Цену себе набиваешь? Явилась ко мне среди ночи полуголая и разыгрываешь из себя недотрогу.

— Кого разыгрываю? — ахнула я. — Полуголая?

Как то я забыла о том, что на мне из одежды лишь сорочка. Пусть и из плотной ткани, но совершенно не подходящая одежда для послушницы.

— Обниматься полезла.

— Я не лезла! Думала, что вы прыгать хотите! Спасала!

Принялась оправдываться я.

— Ты чокнутая, — произнёс Блейн утверждающе.

Я даже ответить ничего не успела, как дверь распахнулась и на пороге появился Феб, а за ним еще пара ликанов и заспанная Галия.

— Что здесь происходит? — требовательно спросил мужчина, осмотрев нас.

— У неё спроси, — отозвался Блейн, направляясь ко мне.

— Не подходите, — выкрикнула я, выставив вилку вперед.

Он её просто отодвинул и меня тоже. Подошел к графину и налил себе воды.

— Айвири, что с тобой? Что случилось? Откуда кровь? — спросила Галия, протиснувшись мимо ликанов, и подбежав ко мне.

Одета она была более прилично, по крайней мере лёгкую шаль на плечи набросила.

— Всё нормально, — слабо отозвалась я, чувствуя, как от пережитого дрожат колени и больше всего хочется сбежать и где-нибудь спрятаться.

— Ты кого мне привёл, Феб? — тем временем насмешливо спросил Блейн.

— Рот закрой, — мрачно заявил тот и повернулся к ликанам. — Идите. Сами разберёмся.

— Айвири, что ты здесь делаешь? — допытывалась подруга, схватив меня за руку. — Зачем ты пришла? Холодная какая. И почему у тебя кровь у рта? Ударилась? Или он?...

— Не трогал я её. А вот первый вопрос очень даже хороший, — заметил Блейн, поворачиваясь ко мне. — Итак?

Это меня разозлило. Его ехидный тон, нахальный взгляд, высокомерно вздёрнутая бровь и вопрос — всё это было самым настоящим вызовом.

— Меня зовут Айвири, — холодно ответила ему. — Я седьмая в вашей связке, — приподняв рукав, продемонстрировала метку. — И да, я та самая, что вытащила осколок и спасла вас, лэр!

Вот так вот! Получи!

— Ты? — уточнил ликан, изучая меня прищуренным взглядом.

— Вот именно, — задрал подбородок, сказала я. — Поблагодарите потом.

Наивная.

— Что ж, зря ты это сделала, — неожиданно холодно произнёс мужчина и повернулся к Фебу. — Решил притащить мне еще одну сиделку? Я ведь только от Галии избавился.

— Блейн, прекрати! Совсем не обязательно быть таким невыносимым! И это далеко не лучший способ завести знакомство! — произнесла подруга, обхватив меня за плечо. — Пойдем отсюда, Айвири.

Я позволила себя увести, даже не оглянувшись. Но взгляд золотых глаз у себя на спине ощущала.

Чует моё сердце, от этого ликана стоит ждать больших неприятностей.

Глава пятнадцатая

— Что ты делала в комнате Блейна? — спросила Галия, провожая меня к себе в номер, который находился как раз напротив, и закрывая плотно дверь.

Кроме неё здесь никого не было. Комната небольшая, гораздо меньше той, что выделили для нас. По углам две кровати, небольшой столик, два кривоногих табурета, на один из которых я и села.

Примостилась на краешек, опираясь локтем о столешницу, пока другая рука медленно проводила пальцем по шершавым щербинкам на её поверхности.

Подруга схватила с кровати тонкое покрывало и набросила мне на плечи. Холодно не было, но отказываться я не стала. Она слишком хорошо меня знала, чтобы не понять, в каком я сейчас состоянии.

— А ты как думаешь? — не отрывая взгляда от стола, спросила у неё.

Приступ ярости уже схлынул, а вот раздражение никуда не делось. Даже представить не могла, что это так сложно, испытывать эмоции. Слишком много их было на меня одну.

— Айвири...

Кто бы мог подумать, что звук собственного имени будет вызывать такое неудовольствие.

— Этот вот решил, будто я пришла отдавать ему своё тело, соблазнять. А ты какой вариант хочешь предложить? — спросила у неё насмешливо с горькой улыбкой на губах.

— Никакой. Просто спросила. Воды?

Не дожидаясь ответа, Галия поставила передо мной стакан с жидкостью, но я покачала головой и неловко отодвинула его от себя на край.

Пить уж точно не хотелось

— Спасибо, не надо. Не терпится узнать, зачем я пришла к нему посреди ночи? Так не знаю я. Просто пришла. Проснулась и пришла. Будто тянуло что-то. Глупость несусветная. За что и поплатилась, — произнесла я и подняла глаза на подругу. — Он же у окна стоял, понимаешь. Вот я и решила, что прыгнуть собирается.

— Ох, Лаари, — ахнула Галия. — Быть такого не может. Блейн никогда бы не совершил подобное. Это страшный грех.

Это я сейчас сама уже понимала. Глупая мысль, но тогда действовала на инстинктах. Вот и результат.

— А я откуда знала. Мало ли что ему в голову придет. Только утром при смерти лежал, зараженный осколком иглы. Я спасать его бросилась, схватила, обняла, рука кстати уже работает, и вот...

Капелька крови была на рукаве. Совсем небольшая, но я заметила и осторожно коснулась, пытаюсь стереть. Но нет, она въелась в ткань.

— Откуда кровь? — спросила Галия, внимательно наблюдая за мной.

— Она не моя, — отозвалась я тихо и вздохнула, признаваясь. — Его кровь.

Откуда? Блейн ранен? Почему мы ничего не знаем.

— Да не ранен он, — отмахнулась я и совершенно будничным голосом добавила. — Не переживай. Просто я ему язык прикусила.

Лицо Галии вытянулось. Было довольно занимательно и интересно наблюдать, как она включает мыслительный процесс, складывает всё и приходит к итогу. Была только одна возможность укусить мужчину за язык.

— Т-ты... что? — забормотала она заикаясь. — Целовалась?

— Меня целовали, — поправила её я.

Это было важно. Что не я, что меня.

Следующий вопрос был неожиданным.

— И как?

Я удивленно на неё уставилась. Признаюсь честно, не такое ожидала услышать от подруги.

— Что как? — переспросила настороженно.

— Каково это, когда тебя целуют?

Я невольно коснулась кончиками пальцев губ, которые всё еще болезненно ныли и скорее всего покраснели и слегка опухли.

— Не знаю, — пожала плечами в ответ и отвела взгляд. — Понять не успела. Вырвалась и язык ему прикусила. До крови. Думала, что долго разговаривать не сможет. А он ничего... Даже не преминул сообщить о том, что спасать его не стоило.

— Это регенерация. У ликанов она очень быстрая, особенность организма, — пояснила Галия. — Прости Блейна, ему сейчас тяжело. Он сам не знает, что говорит.

А вот на счет этого у меня было другое мнение.

— Я бы так не сказала. Может действительно стоило спросить его мнение, а уже потом спасать?

— Айвири, не говори так. Ты же так не думаешь. Я знаю.

Она знает...

— Я устала, Галия, — ответила ей едва слышно. — От всего этого. От тайн, загадок, неожиданностей. Раньше было гораздо проще.

— Посвящение всё изменит. Правда слишком рано открылась для тебя. Потом станет легче, — пообещала подруга, сжав мою руку.

— Станет ли? — усмехнулась я и добавила. — Ладно. Хватит болтать. Всё нормально. Урок я усвоила, больше по коридорам шастать без разрешения не стану. Пора спать. Пойду к себе в комнату.

Но она меня удержала.

— Останься. Кровать есть свободная. Давай просто побудем вместе. Как раньше, помнишь? Когда дежурили ночами в лазарете и спали сидя на лавочке, опираясь друг о друга.

— И жизнь казалась такой лёгкой. Я помню. Всё помню, Галия.

Поддавшись уговорам, я устроилась на свободной постели. Мы с ней минут тридцать разговаривали, вспоминали прошлое, обитель, нашу жизнь и на время оставили в стороне проблемы настоящего и тяжесть будущего.

Но усталость вскоре дала о себе знать и я провалилась в сон. Вновь обошлось без кошмаров.

Утром Риа принесла мне вещи. Если ей и было любопытно, то она виду не подала и лишних вопросов не задавала.

Умывшись, я переоделась в платье послушницы, заплела волосы в косу и уже собиралась спуститься вслед за девочками на первый этаж завтракать, но у двери меня ждал желтоглазый.

Стоило мне выйти в коридор, как Блейн, шагнув перёд, перегородил мне дорогу, не давая пройти.

— Поговорим?

— О чём? — подозрительно глядя на него, спросила я.

— Не здесь, — пояснил ликан и указал взглядом на дверь в свою спальню.

Ну уж нет. Второй раз туда не пойду.

— Спасибо, не хочется, — ответила я, натянуто улыбнувшись. — На этаже всё равно никого нет, так что мы спокойно можем поговорить в коридоре.

Кривая улыбка скользнула по губам.

— Боишься? — ехидно поинтересовался Блейн, чуть склонив голову на бок.

— А должна? — скрестив руки на груди, спросила у него. — За вред, причинённый послушнице

Лаари, придётся дорого расплачиваться.

— Значит, ты наша седьмая? И как же послушница не прошедшая посвящение оказалась так далеко от обители?

— Эту информацию вы можете легко получить у Феба или Галии. Или еще у кого. И останавливать меня ради этого не стоило.

Моя речь вызвала немного не тот эффект, на который я рассчитывала.

— Ты интересная, — вдруг произнёс Блейн, сверкнув золотом нечеловеческих глаз. — Не похожая на других.

— Это вы успели выяснить за пару минут? Удивительная сноровка, — не удержалась я от язвительно комментария.

— Дерзишь, огрызаешься, — продолжил тот задумчиво. — Я за свою жизнь видел немало послушниц. Каждый год новая. И все они были смиренные марионетки, заикленные на всеобщем благе и собственной жертвенности. Даже Галия, при всем моём к ней уважении, озабочена больше нами, чем собственным здоровьем. Готова полностью перегореть, лишь бы вытащить каждого из нас.

— Ну так пожалейте её, не трепите нервы и ведите себя прилично, до посвящения совсем немного осталось, — посоветовала я. — И всем сразу лучше станет. Если это всё, то я пойду, кушать очень хочется.

Попыталась обойти его, но мужчина снова перегородил путь, продолжая изучать непонятным взглядом.

— Ты другая.

— Вы это уже говорили, — нервно произнесла в ответ.

Что-то мне эта беседа всё меньше и меньше нравилась.

— Вообще-то я хотел извиниться за недостойное поведение этой ночью, — вдруг произнёс ликан.

— Галия заставила?

Очередной смехок, от которого у меня мурашки побежали по коже.

— Попросила, — поправил меня северянин. — Она не может заставить. Поэтому прошу прощения за то, что принял тебя за девушку лёгкого поведения и напугал. И хотел бы посоветовать больше не ходить по ночам в чужие комнаты в нижнем белье. А то и печать может не спасти от падения и проклятья.

И это он извиняется? Серьёзно?

От смущения и гнева вспыхнули щеки и удержаться от ответной колкости было так сложно, но я смогла.

— Спасибо, непременно учту ваши рекомендации, — процедила в ответ и снова попыталась его обогнуть.

Но куда там.

Снова встал на пути и вдруг наклонился ближе, вдыхая запах моего тела.

Он так близко, что я слышала стук его сердца.

— Вы что делаете? — ахнула я, отшатываясь и проведя ладонью по шее, всё еще чувствуя тепло чужого дыхания на своей коже.

— Ты пахнешь по-другому, — сообщил Блейн задумчиво.

— Намекаете, что надо помыться? — растеряно произнесла в ответ.

— Кто ты такая? — вместо этого спросил мужчина.

И я вздрогнула от угрозы, прозвучавшей в голосе.

— Айвири. Меня зовут Айвири. И я седьмая в вашей связке. По крайней мере, Галия так считает.

— Да, — вдруг криво усмехнулся ликан, отступая. — Послушница Лаари, — и добавил безэмоционально. — Это будет очень тяжелый год.

— Полностью с вами согласна, — заявила я и бочком стала продвигаться к выходу.

Блейн не стал меня останавливать, позволяя уйти. Что я и сделала, даже не оглянувшись напоследок, хотя страшно хотелось.

Быстро спустилась вниз и поспешила к столику, где уже сидели девушки.

— Здесь есть место, — позвала меня Галия, указывая на стул рядом с собой.

Я послушно присела, пододвигая к себе тарелку с яичницей и ломоть хлеба.

— Поговорили? — шепотом спросила она, подавая мне стакан с чаем.

— Да.

— Извинился?

Я снова кивнула, не став рассказывать подробности. В одном ликан прав, не стоило Галии волноваться лишний раз.

После завтрака мы снова сели в кареты и отправились в путь тем же составом. В этот раз мои соседки были поразговорчивее, напряжение исчезло, и они начали переговариваться между собой, периодически пытаясь вовлечь меня в беседу. Но я отделялась односложными ответами и больше слушала и запоминала.

Об Ардане и его жителях. Об огромной крепости с толстыми стенами, что возвышалась над лесами, давая возможность видеть завесу, что горела за десятки километров впереди. О снеге и холоде, после которых так сложно было согреться, и кристаллах, которые приходилось всё время носить на шее. О жарких кострах и весёлых песнях, празднике Великой ночи и танцах, которые горячили застывшую кровь.

О вылазках за завесу, где само время будто замерзло и трудно было дышать. О кошмарах, которые всё равно приходили, несмотря на крепкие настойки. О смертях, которых не удавалось избежать.

После полудня мы остановились на небольшой полянке, где ликаны устроили нам пикник, расстелив большое покрывало на зелёной травке и разложив припасы.

Я не спешила присоединиться к девушкам, разминая затёкшие ноги и вдыхая сладкий аромат леса, душистых цветов и ягод.

Стоило мне отойти на пару метров, как я заметила в сторонке лопухи лесной земляники. Наклонившись, сорвала пару ягодок и засунула в рот, зажмурившись от удовольствия.

Какая терпкая и сладкая ягода.

— Не стоит уходить далеко от лагеря, — произнёс Блейн, возникнув у меня за спиной.

— Вы что решили довести меня своим преследованием? — резко спросила, поворачиваясь и вытирая ладонь о ткань юбки. — Только не могли бы вы для начала объяснить мне, для чего это нужно? Думаете, что Лаари или настоятельница дадут вам взамен другую послушницу? Так я не против. Поверьте, я особо не горю желанием ехать в Ардан. Сомневаюсь, что вообще кто-то горит.

— Ты чего такая агрессивная? — усмехаясь, поинтересовался ликан. — Я за твою жизнь беспокоюсь. А вдруг зверь какой нападёт? Ты ему тоже в морду меткой будешь тыкать? Не кусай меня, я послушница.

— Не смешно.

— Ты со всеми такая дерзкая или только мне повезло? — продолжал допытываться мужчина.

Я? Да я самый спокойный в мире человек. Столько лет терпела издевательства мачехи и сводной сестры, ни разу ничего отцу не рассказала, не пожаловалась, терпеливо сносила все насмешки других послушниц. Всегда была приветлива со всеми и добра, старалась помочь, в лазарете сутки проводила.

А вот с ним почему-то всё было иначе. Этот ликан выводил меня из равновесия. Они все выводили, а этот особенно. Никакого привычного почтения, сдержанного обращения. Блейн был другим, и я не знала, как себя с ним вести.

— Вы набросились на меня, — обвиняюще произнесла я. — Схватили, испугали!

— Ты меня укусила, — парировал тот.

— А вы меня поцеловали!

— Не понравилось? — участливо поинтересовался Блейн, насмешливо сверкая золотистым взглядом.

Только начавшись, пикировка сама собой сошла на нет.

— Что?

— Я спрашиваю, тебе не понравился поцелуй? — повторил он свой вопрос.

— Нет! — отрезала я, чувствуя, как вновь вспыхнули щеки. — Не понравился. Отвратительно и... и слюняво!

Ох, богиня, даже не верю, что я произнесла это вслух. Мы вообще не должны были это обсуждать. Никогда! С послушницами о таком не говорят. Надо было забыть, сделать вид, что ничего не произошло и деликатно обходить эту тему. А он опять делал всё наперекор.

Тёмные брови мужчины поползли вверх.

— Знаешь, Айвири, твои слова вызывают у меня непреодолимое желание доказать, что поцелуи вызывают совсем иные эмоции.

— Настоятельно советую попридержать свои желания, — чопорно отозвалась я. — Вы вообще понимаете, с кем разговариваете? Я — послушница Лаари! Пос-луш-ни-ца! Да вы вообще в мою сторону смотреть не должны! А вместо этого вы... вы позволяете себе такие разговоры.

— Я знаю кто ты. И помню, что наказание смерть. Вот только я уже умирал, Айвири. Два раза. И поверь, в третий раз это совсем не страшно.

Злость как-то сразу утихла и проснулась жалость. Я снова стала послушницей, чья цель в жизни была служить другим. Мне захотелось поддержать его, убрать холод из золотистых глаз.

— Хотите забрать меня с собой? — вдруг тихо спросила у него, глядя прямо в глаза. Блейн дёрнулся и чуть отступил. — Я уже поняла, что вы не боитесь смерти и готовы встретить её. Возможно даже желаете этого. Но у всего есть две стороны, лэр. Послушница, утратившая дар, проклята. И это страшнее смерти.

С каждым произнесённым словом я становилась всё увереннее.

— Знаете, я понимаю, вы злитесь на меня. За то, что спасла вас. И поэтому провоцируете, пытаетесь доставить мне ту же боль, что испытывали сами. Такая изощрённая месть.

Его лицо ожесточилось, черты стали резче и в глазах промелькнуло что-то звериное.

— Что ты знаешь о мести...

— Не знаю, — отозвалась я спокойно. — И прошлое изменить не могу. Но вот кое-что пообещать способна. Если я действительно являюсь седьмой в вашей связке и следующий год мы будем вынуждены провести вместе, то клянусь вам, я сделаю все, что вы выжили. Вы и все остальные. И можете ненавидеть меня за это сколько вам будет угодно.

Произнесла и сразу легче стало.

Не дождавшись реакции, быстро обошла застывшего мужчину и поспешила к девушкам. У меня вдруг разыгрался страшный аппетит.

Остаток пути прошел без происшествий. Блейн больше не делал попыток отловить меня где-нибудь, заговорить или каким-нибудь способом вывести из равновесия.

Но временами я ловила на себе его внимательный взгляд и от этого становилось немножко не по себе.

Не только он наблюдал за мной, Галия тоже частенько не сводила меня глаз.

— Что не так? — не выдержала я на третий день нашего пути.

— Ты изменилась, — тихо ответила подруга.

— Ты тоже.

— Нет, не так. Ты не понимаешь. Мы все меняемся, но после посвящения.

Я в ответ могла лишь пожать плечами.

Что сказать, я знала, что стала другой, и теперь привыкала жить с эмоциями. Первое время было, конечно, сложно, но у меня получилось.

Но теперь в добавок ко всему, появился еще один страх. Страх, что стоит вернуться в обитель и настоятельница вновь запечатает эмоции, превратив меня в куклу. Ведь послушница, тем более та, что должна уйти в Ардан, не имеет права на чувства.

А я так не хотела этого лишиться. Именно поэтому, чем ближе мы были к обители, тем тяжелее становилось.

На утро пятого дня впереди появился шпиль главной башни, значит, оставалось совсем немного до конца нашего пути. Я не сводила с него глаз весь остаток пути, чувствуя, как гулко стучит сердце в груди.

Мы въехали на склон и главные ворота тяжело закрипели, впуская наш обоз внутрь древних стен.

Выйдя из кареты, я ступила на землю и подняла голову вверх. Туда, где на стене прямо напротив входа разноцветной мозаикой было выложено изображение Лаари. Солнечный лучик блеснул на её губах, словно мимолётная улыбка, которая зажглась на лице, приветствуя меня.

И вдруг стало так легко и спокойно. Все тяготы и страхи исчезли, уступая место единственной мысли, что сейчас билась в голове.

Я дома!

Глава шестнадцатая

Даже не думала, что могу так соскучиться. Но я действительно скучала, по этим древним стенам, которые успели увидеть не одну сотню послушниц, по тихому размеренному ритму жизни, по сокурницам и учителям, по работе в лазарете, по своей маленькой комнатке, которую делила с двумя соседками. По самому воздуху, который здесь казался чище, вкуснее, прянее.

— Айвири, — произнесла сестра Мунс, спускаясь по ступенькам.

— Света и жизни, — почтительно произнесла я, широко улыбнувшись.

— Жизни и света, — отозвалась пожилая женщина. — Тебя настоятельница ждёт.

Я даже не удивилась такому повороту. Все мы догадывались, что она знает обо всём, что происходит в обители.

— А как же... — произнесла я, оборачиваясь.

Моих попутчиков уже вводили.

— Ты же знаешь, что прибывшим из Ардана требуется дополнительный уход, — пояснила сестра Мунс. — А ты поспеши, негоже заставлять настоятельница ждать.

Я кивнула, взбегая по каменным ступенькам к главному входу, оттуда по широкому холлу к лестнице. Поднялась на второй этаж и повернула направо.

— Айвири! — детский крик заставил застыть и резко обернуться.

Ко мне со всех ног бежала светловолосая девочка в коротком синем платье.

— Дайан! — вскрикнула я, падая на колени и раскрывая объятия, в которые она тут же прыгнула, едва не повалив меня на пол.

— Ты вернулась!

Дайан была одной из моих подопечных, за которыми я в силу обязанностей должна была присматривать и помогать. Она тяжелее всех адаптировалась к новой жизни и очень страдала из-за разлуки с семьёй.

— Да. Вернулась, — произнесла я чуть отстраняясь. — Дай-ка я на тебя погляжу. Ох, как ты выросла за эти дни.

— Я так скучала, — всхлипнув произнесла Дайан и слёзы заблестели в глубине глаз.

— Эй, прекращай разводить сырость, — улыбнулась ей ободряюще. — Вот же я вернулась.

— Говорят, ты пришла с ликанами, — шепотом сообщила мне девочка. — Они заберут тебя, да?

— Кто? — поднимаясь с колен, спросила я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно и спокойно.

— Северяне. Ты отправишься в Ардан?

— Кто тебе это сказал? — спросила я и тут же покачала головой. — Глупости всё это, Дайан, никто из нас не знает своего предназначения, пока не пройдет посвящения. Так что ты переживаешь раньше времени. А до посвящения ещё неделя. Всё будет хорошо.

Она кивнула и снова ко мне прижалась.

— Можно, я к тебе приду сегодня? Как раньше?

— Конечно, можно, но не сейчас. Меня зовёт к себе настоятельница. Давай так, — я щёлкнула её по носу, вызывая лёгкую улыбку на губах. — Я, как только освобожусь, сама найду тебя. А пока беги, а то сестра Тасмин уже наверняка тебя ищет.

— Как же хорошо, что ты вернулась! — снова произнесла Дайан, прежде чем убежать.

Я некоторое время смотрела ей вслед, потом вновь поспешила продолжить путь, на ходу кивая проходящим мимо послушницам. Никто из них не стремился остановить меня или заговорить.

Дойдя до северной башни, я застыла у тяжёлой двери, прижимая к ней ладонь.

— Айвири к наставнице, — произнесла громко и чётко.

Дверь заскрипела, открываясь. Передо мной была узкая винтовая лестница, по которой я быстро вбежала, попав в личный кабинет настоятельницы.

Высокие окна до самого пола, множество книг и фолиантов. В углу алтарь с зельями и этажерка с ингредиентами. Посредине огромный стол и пара стульев.

— Ты вернулась, — произнесла она, вставая.

Сколько я себя помнила, матушка-настоятельница Агнесса выглядела всегда идеально. Густые чёрные волосы, тронутые сединой на висках, зачёсаны и собраны на макушке, молочного цвета кожа, практически без морщин, тёмно-карие, почти чёрные глаза. Высокая, худощавая, никто точно не знал её возраста, да и не пытался узнать. Для нас всегда она была идеальна и совершенна во всём.

— Света и жизни, — произнесла я, почтительно склонив голову.

— Жизни и света, моя дорогая, — с улыбкой произнесла она, подходя ближе и крепко обнимая. — Ты вернулась домой.

— Да, — кивнула я и чуть помедлив добавила. — С ликанами. Они знают правду.

— Этого следовало ожидать, — спокойно отозвалась она, возвращаясь за стол. — Присаживайся, дорогая, нам надо о многом поговорить. Не так ли?

— Да, так, — кивнула я и, ободренная, села в один из стульев.

— Как семья, отец, княгиня?

— Хорошо, но я...

— Как прошла свадьба? — продолжила забрасывать меня вопросами настоятельница, поставив локти на стол.

— Замечательно. Даже несмотря на то, что ликаны явились на неделю раньше.

— Ты ведь сотворила чудо, не так ли, Айвири? — сцепив руки в замок и упираясь на него подбородком, спросила она, продолжая внимательно меня разглядывать.

— Чудо? — переспросила я недоуменно.

Она про осколок? Неужели знает? И разве это чудо?

— Ну, конечно, сама Лаари отозвалась тебе, благословляя молодых.

Ах, вот она о чём. Столько всего случилось, что я просто забыла об этом маленьком инциденте.

— Это просто... не знаю... оно само получилось.

— Само? — насмешливо переспросила настоятельница и мне стало немного не по себе от взгляда чёрных глаз. Откуда она это знает? Кто успел сообщить? И главное как? — Сама по себе Лаари не отвечает. Даже мне.

— Но другого ответа у меня нет, — отозвалась я нервно и быстро сменила тему разговора. — Ликаны знают о том, что я бывала дома в нарушении приказа. Знают о том, что вы отпускали меня. То есть были в сговоре.

— Какая интересная интерпретация.

— Они хранители закона Лаари, — напомнила я, не в силах понять, откуда столько самоуверенности и спокойствия. — И стоят выше всего. Даже выше вас, настоятельница.

Но и это её не испугало, наоборот, женщина мягко улыбнулась и кивнула, соглашаясь с моими словами.

— Ты совершенно права, Айвири. Ликаны подчиняются закону. Но выше закона стоит Лаари. Скажи мне, дитя, ты когда-нибудь задумывалась, почему я разрешаю тебе навещать отца?

— И не раз, — признала я.

— И к какому же выводу пришла?

Я немного помялась, прежде чем ответить.

— Мой отец князь...

— Думаешь, он угрозами заставил меня? — насмешливо переспросила она.

— Может вам просто стало его жаль. Вы ведь знали мою мать, она целый год жила в обители, помогала чем могла, — предположила я.

— Да, я знала твою мать. Хорошая была женщина. Но ты ошибаешься, Айвири. Причина была совсем в другом. Всё в обители происходит лишь с разрешения и благословения богини. Именно поэтому я не боюсь ликанов и их гнева.

— Я не понимаю.

— Именно Лаари разрешила тебе посещать отца и родных. Именно она это позволила, а я лишь исполняла её приказ. Тебе давно надо было спросить меня об этом, дитя, а не мучится в неведении. Я бы не стала скрывать.

— Почему? — тяжело сглотнув спросила я.

— Потому что ты другая, Айвири. Ты отмечена, Лаари, — подаваясь вперёд, произнесла настоятельница.

— Мы все отмечены, — возразила я, дрогнувшим голосом. — Печать стоит с рождения у каждой из послушниц.

— Печать, — кивнула она. — Твоя первая отметка. Но есть и другая. Та, что возвышает тебя над остальными.

В голове пронеслись картинки того видения. Трижды отмечена Лаари? Неужели это всё правда? И есть ещё что-то?

— Я не понимаю.

— В день твоего рождения всем нам дан был знак.

— Какой знак?

— Что ты та, кто остановит демонов и спасёт наш мир!

Тишина длилась и длилась. Одна секунда, вторая, третья... пятая... десятая.

— Победить демонов? Я? — недоверчиво переспросила у неё и хрипло, наигранно рассмеялась. — Вы шутите надо мной?

Потому что правдой это никак не могло быть. Не могло и всё тут. Где я и где демоны? И вообще это страшная глупость. Столетия мы сражались с ледяным нашествием, защищали границы, умирая во славу своего мира и ничего. А тут явилась я и голыми руками всех спасла? Звучало нелепо и смешно.

— Разве похоже, что я шучу? — спокойно поинтересовалась настоятельница.

Она верила. По глазам было видно. Но верить можно во всё, что угодно, особенно когда шансы на удачу и спасение тают как дым. Неужели она находится в таком отчаянье, что готова поверить в мою избранность?

— Это не может быть правдой, — твёрдо заявила я.

— Но знак был. Его видели все.

Я покачала головой и откинулась на спинку кресла, исподлобья изучая ту, которой верила все эти годы. Но не сейчас.

— Нет.

— Ты не обязана мне верить, Айвири, это ничего не изменит. Ты наш последний шанс на выживание. Другого уже не будет. И наш мир перестанет существовать.

Холодок прошёлся по телу, вызывая болезненные мурашки и страх.

— О чём вы вообще говорите?

— Завеса больше не может сдерживать демонов. Их слишком много и с каждым годом они становятся всё сильнее и могущественнее, тогда как мы медленно угасаем. Пройдет всего

несколько лет и завеса падет, а с ней и наш мир.

Нечто подобное я и подозревала, только не в таких масштабах. Теперь понятно, почему ликаны прибыли так рано и почему собирали совет.

— Нужно же что-то делать.

— Что, например?

Её насмешливый тон и безразличность вывели из себя. И те крохи самообладания, которые еще остались, растаяли будто и не было.

— Не знаю. Но уж точно не стоит сидеть на месте и считать, что одна единственная послушница может спасти мир! — едко отозвалась я и тут же поджала губы.

Сама не верю, что смогла произнести такое и обвинила наставницу. Как рискнула? Как смогла? Всему виной проклятые эмоции, которые так сложно было контролировать и держать в узде.

— Давно сняла блокировку? — проницательно глядя мне в глаза, спросила женщина.

Врать не было никакого смысла.

— Недавно. В день свадьбы, — опустив взгляд, ответила ей. — Прошу прощения за свои слова, я не знаю, как так вышло. Эмоции... их так много и так сложно контролировать. Вы поставите блокировку назад? — упавшим голосом закончила я.

Опять боль, от которой нет спасения, опять атрофированные эмоции и чувства, уничтожающие меня как личность.

Но настоятельница вновь смогла меня удивить.

— Нет. Зачем? Я и так слишком долго ждала этого.

— Ж-ждали? — заикаясь переспросила я и тяжело сглотнула. — Но я не понимаю.

Всё настолько запуталось, что непонятно где правда, а где ложь.

— Да. Рано или поздно ты должна была это сделать. Правда, я думала, что произойдет всё несколько раньше. Семья, отец, дом — всё это должно было наложить свой отпечаток, дать тебе толчок. Особенно княгиня, она ведь ненавидит тебя и всячески старается уколоть, ты должна была однажды не выдержать.

Я не стала у неё спрашивать, откуда она знает про наши отношения с мачехой. Меня больше интересовало другое.

— Зачем? Зачем ставить блокировку, если она мне всё равно не нужна? Зачем такие сложности?

— Во-первых, блокировка ставится всем послушницам. Это закон. Исключений нет ни для кого. А, во-вторых, если бы эмоции с самого начала остались с тобой, разве бы сейчас ты их так высоко ценила? Разве мир казался бы тебе таким ярким, а жизнь удивительной?

Да, права, но легче мне не становилось. Получается, что бы я ни делала, какой бы неожиданный поступок ни совершила, она знала. Сняв блокировку, я не совершила нечто невероятное, а просто пошла по тому пути, который мне был уготован. Снова и снова. Замкнутый круг, из которого не вырваться как ни старайся.

А я всего лишь пешка в руках других. Пешка, которую вдруг решили сделать королевой.

— И что теперь? — сдаваясь спросила я. — Как я должна одолеть демонов?

— Я не знаю, — со вздохом призналась настоятельница, вставая и прохаживаясь по кабинету, заламывая руки. Было видно, что она страшно нервничает и даже не пытается этого скрыть. — прости, Айвири, но я не знаю.

— Тогда что за особенности у меня есть? Те, что делают меня отличной от других? — продолжала допытываться у неё. — Потому что я не чувствую себя особенной. Я это просто я. Не сильнее и не слабее других.

— Ты прикоснулась к чистой магии демонов. Нет, не отрицай, я вижу это. Их проклятая сила меняет каждую, кто посмеет дотронуться до неё. И ты коснулась.

Я провела пальцами по руке, той самой, которой достала осколок. Она уже давно не болела и

чувствительность полностью вернулась. Ничего не напоминало о тех событиях. Ничего, кроме воспоминаний.

— И что? Я спасала ликана. И если бы не девушки, то у меня ничего не получилось бы. Они взяли на себя часть боли.

— Ты мне не веришь. Что ж, не могу судить тебя за это. Всё решит посвящение. Именно оно даст ответы на все вопросы.

Я не помнила, как вышла, почти выбежала из кабинета настоятельницы, как брела по коридорам, ничего не видя перед собой. Просто шла, сворачивая интуитивно, сама не понимая, куда иду и зачем. И очнулась лишь у высоких створчатых дверей, на которых была изображена лилия.

— Айвири? — удивленно произнесла сестра Сильва и нерешительно тронула меня за плечо, привлекая внимание. — Что ты здесь делаешь?

— Что? — затуманенным взглядом посмотрела на неё и слегка качнула рукой, пытаясь прийти в себя.

— Ты что-то хотела? Всё в порядке? На тебе лица нет.

Я более осмысленно взглянула на дверь, задержав глаза на лилии. Главный храм богини, где каждый вечер проходила служба, на которой должны были присутствовать все. Исключение делали лишь для заболевших и дежуривших в лазарете. Сейчас здесь никого не было, кроме дежурных, но ноги принесли меня именно сюда непросто так.

— Нет, все хорошо. Спасибо. Я зайду? Вы не возражаете?

— Двери храма всегда открыты для любой послушницы.

— Спасибо, — ответила я, схватилась за ручки и приоткрыла дверь, скользнув внутрь.

Здесь было и пустынно. Именно то, что нужно.

Я медленно брела по узкому проходу, мимо лавок, не сводя глаз с белой статуи, что стояла у стены на высоком постаменте, украшенная лианами из живых цветов, которые причудливо оплетали её тело.

— Почему я? — дрогнувшим голосом спросила едва слышно. — Почему из всех возможных послушниц ты выбрала именно меня?

Она молчала, продолжая с улыбкой наблюдать за мной с высоты своего роста.

— Я не та, кто тебе нужен, — вновь произнесла я, подходя вплотную к статуе.

Овета я не ожидала услышать, именно поэтому голос, раздавшийся сбоку, заставил вздрогнуть и резко обернуться.

— Молчит, да?

Ликан.

Уселся прямо на полу у высокого и узкого окна, согнув одну ногу в колене, а другую вытянув вперёд. Рядом с ним стояла большая миска с виноградом, который он с аппетитом поглощал, наблюдая за мной.

— Можешь не стараться. Она никогда не отвечает, — продолжил Блейн, отправляя очередную ягоду в рот. — Сколько не зови. Не божеское это дело простым смертным отвечать.

— Что вы здесь делаете?

— Ем, — невозмутимо отозвался он. — Могу угостить, хочешь?

— Храм Лаари не место для еды. И вообще вы не должны здесь находиться. Для ликанов и послушниц с севера выделена отдельная часть замка.

— Снова лекари, целительницы, которые только спят и видят, чтобы покопаться в моей голове. Нет, спасибо, хватит уже. А ты чего сюда пришла? Захотела узнать, что именно приготовила для тебя богиня, не так ли, княжна?

— Я не княжна, — отозвалась я и снова повернулась к статуе.

— Но дочь князя. Если бы не метка, ты бы уже давно вышла замуж, завела семью и пользовалась

всеми благами, что давали бы тебе твой статус и кровь. И уж точно не стала бы готовиться к отправке на север для борьбы с ледяными монстрами.

— Посвящение еще не пройдено.

— Меня пытаешься убедить или себя?

Невозможный мужчина!

Я снова взглянула на ликана, чуть скривив губы.

— Что вам нужно? Вы специально меня доводите своими разговорами, не так ли? Но зачем? Для чего? Пытаетесь развлечься за мой счет?

— Ты хоть как-то реагируешь на мои выпады. Единственная из всех, — произнёс Блейн, поднимаясь и двигаясь в мою сторону.

Я хотела было дернуться, но даже шевельнулась.

Что он мне может сделать? Тем более здесь.

Блейн застыл всего в полуметре от меня, пристально изучая. Но я и тут не дернулась, спокойно встретив его взгляд.

— Ты пахнешь иначе.

— Я уже это слышала.

— Говорят, Итан принял тебя за пару.

Упоминание сероглазого ликана пробило ту маску безразличия, что я на себя нацепила. Я ведь вспоминала о нём всё это время. Даже чаще, чем мне бы этого хотелось. Каждую ночь, прежде чем уснуть, представляла наши короткие встречи, оживляла в памяти его слова, улыбки, взгляды. Снова и снова переживала это. Опять злилась на себя и прогоняла прочь, до следующего вечера.

— Вас это не касается, — сглотнув ответила я.

— Его можно понять.

— Я не буду это с вами обсуждать, — сказала я и развернулась, чтобы уйти.

Блейн ловко поймал меня за руку, болезненно схватив чуть повыше локтя. — Думаешь, так просто сбежишь?

— Вы с ума сошли! — процедила в ответ. — Немедленно отпустите.

Но ликан меня словно не слышал, продолжая удерживать.

— Ты даже не представляешь, что тебя ждет в Ардане.

— Холод, работа, смерть? Этим вы меня не запугаете.

— Другой мир, другой строй и порядки. А ты, — он закрыл глаза, подаваясь вперед и жадно втягивая воздух. — Ты пахнешь как самка во время течки и...

Я его всё-таки ударила. Размахнулась свободной рукой и приложила так, что ладонь загорелась огнём, а его голова чуть откинулась назад. Зато руку он мою отпустил.

— Никогда не смейте ко мне подходить без разрешения! Никогда не смейте со мной разговаривать. Я не знаю, что произошло там с вами, да это и неважно. По приезду в Ардан о вашем поведении будет доложено. И да, я знаю, что имею право требовать вашего отстранения из связки!

Выдала, развернулась и быстро поспешила прочь из храма, чувствуя, как от гнева и боли всё буквально горит внутри.

А ночью, несмотря на все предостережения и зелья мне снова приснился сон. Тот самый, старый.

Аллея у храма, алтарь и наша свадьба. Я спешила со всех ног, чувствуя, как холод медленно крадетсЯ, наползает со всех сторон, готовый в любой момент поглотить нас. Мне так важно было успеть.

— Айвири.

Я вижу его лицо. Вижу и сердце замирает от счастья.

Это ты. Ты! Я всегда знала, что это ты!

На моих глазах черты его поменялись, кожа побледнела и вот уже передо мной стоял ледяной демон с жуткой улыбкой на губах.

— Айвир-р-р-ри!

Я проснулась с криком на губах.

Села в кровати, прижимая руку к груди и сглатывая подступившие слёзы. Образ жениха стёрся из памяти, но кое-что мне было известно. Я его знаю. И это ликан. Вот только который?

Глава семнадцатая

Следующие шесть дней прошли без потрясений и сложностей. Сны не приходили, вредный ликан не появлялся, а работы прибавилось.

Я много времени проводила в лазарете, беря дополнительные дежурства и работу. Это сильно помогало отвлечься от тяжелых мыслей о собственном будущем.

Добираясь до своей комнаты, я могла лишь помыться, переодеться и тут же упасть на кровать, сразу проваливаясь в сон. А рано утром очередной подъем и снова работа. Я всеми силами старалась вытравить ненужные и опасные мысли из головы, забив её работой и трудом.

Меня никто не тревожил и не останавливал. Настоятельница больше не пыталась вывести на разговор об особенной миссии. И всё было как обычно.

Почти.

Потому что несмотря на все мои старания, тревога никуда не делась, отравляя своим страхом считанные секунды покоя.

Я искренне считала, что собралась, что готова к изменениям в жизни. Все послушницы готовы к подобному, пройти посвящение и увидеть изменившуюся метку.

Но снова ошиблась.

— Айвири?

Настоятельница нашла меня в одной из палат. Я как раз заканчивала беседу с одним пациентом и собиралась приступить к лечению другого, когда она вошла и застыла в дверях, подзывая к себе.

— Да, лэра, — почтительно склонив голову произнесла я, рассматривая пол у нас под ногами.

Смотреть в глаза ей я просто не могла. Не сейчас. Словно не было этой тяжелой недели и в памяти снова возник тот наш последний разговор. Неужели она решила возобновить его?

— С тобой хотят поговорить.

— Со мной? — удивленно переспросила я. — Но кто?

Только не Блейн. Пожалуйста. Не хочу с ним разговаривать, даже видеть не хочу. Стоило этому ликану появиться рядом, сказать пару слов и внутри поднималось что-то злое, запретное и жуткое.

— Итан Ларкас.

Не знаю, как мне удалось удержать лицо и ничего не уронить. Вместо этого я лишь сильнее сжала пузырёк с зельем, лишь каким-то чудом не раздавив его в руке.

— Ларкас? — переспросила тихо. — Он... здесь?

— Да. Прибыл сегодня утром. Как раз к посвящению.

Да, это правильно. Они всегда приезжали к посвящению. Чтобы забрать тех шестнадцать послушниц, которых выберет для них Лаари.

— Он хочет со мной поговорить? О чём?

— Я не могу этого знать. Так что ему передать? Что ты отказываешься?

— Да, то есть нет. Я... я встречу с ним. Когда?

Сколько у меня есть времени, чтобы подготовиться и настроиться на эту беседу?

— Сейчас.

Ох, Лаари, как сейчас? Я не готова. Что сказать, что спросить, как себя вести? Я столько раз прогоняла мысленно эту нашу встречу, а в этот момент вдруг растерялась.

— Прямо сейчас?

— Да. Есть какие-то проблемы?

— Нет, — я покачала головой и перевела взгляд на моих пациентов, которые внимательно

прислушивались к нашему разговору. — Я не успела закончить осмотр.

— Сестра Максин всё сделает. Не переживай. Иди, лэр ждет тебя. Если ты, конечно, не передумала. Заставить тебя никто не может. Ты же знаешь это.

Я кивнула, стягивая с головы платок, который каждая целительница должна была носить во время работы в лазарете.

— Где? В какой зал мне надо идти?

— Ларкас ждет тебя на аллее, у священного камня.

Пузырёк я всё-таки уронила. И он, упав на пол, разбился на десятки осколков.

— Ох, Айвири! Осторожнее! Не поранилась?

— Нет, всё хорошо, — я присела на корточки и принялась собирать осколки дрожащими руками. — Простите. Сама не знаю, как всё получилось. Я сейчас всё уберу.

— Ты побледнела. Точно всё нормально?

Настоятельница опустила рядом со мной, беря за руку и поворачивая к себе.

— Да. Наверное просто усталость.

— Вы бы повлияли на девочку, сестра, — неожиданно подал голос один из мужчин. — Всё время тут кружит. Дежурит часто, позже всех уходит, раньше всех приходит. Загубит себя девка, перегорит. А так нельзя.

— Всё хорошо. Я справляюсь, — поднимаясь, упрямо возразила я и завертелась, пытаясь понять, куда деть осколки.

— Давай я скажу ему, что ты устала и не придёшь, — предложила женщина.

Только не это!

— Нет! — вскрикнула я, бросая в миску осколки. — Всё нормально, я готова с ним встретиться.

— Хорошо. Но в лазарет ты больше не вернёшься. Посвящение уже завтра, а ты продолжаешь работать. Решила себя до грани довести? Иди, Айвири, иди.

Я кивнула и, сняв фартук, поспешила прочь из лазарета.

Пять минут и вот я уже стояла у начала аллеи.

Все как во сне. Ну почти. Розаны начнут опадать только завтра, сегодня ярко-розовые лепестки еще украшали большие бутоны деревьев, и они мягко сияли над головой. Дорожка узкая, вытопанная и длинная. Там на другом её конце у алтаря стоял мужчина, повернувшись ко мне спиной.

И это тоже мне знакомо.

Не могу сказать, его ли я видела во сне или нет. Да это и неважно, сердце всё равно защемило в груди и дыхание сбилось.

Сжав кулаки, я решительно шагнула на дорожку и пошла вперёд, не моргая смотря в спину Ларкаса.

Он почувствовал моё приближение сразу. Я заметила, как разом напряглась спина, как выпрямились плечи и голова чуть повернулась в сторону, словно он хотел обернуться, но не стал. Не сразу.

Между нами оставалось всего десяток метров, когда мужчина повернулся всем корпусом, пронзая меня дымчато-серым взглядом нечеловеческих глаз.

— Света и жизни, — чуть хриловато произнёс он.

— Жизни и света, — отозвалась я, сделав два последних шага и застыв перед ним.

— Здравствуй, Айвири.

Еще одно приветствие. Вроде бы совсем лишнее, необязательное, но такое неожиданно нужное. Внутри будто щелкнуло что-то и напряжение разом схлынуло.

— Здравствуй... те, — отозвалась тихо. — Приветствую вас в обители Лаари.

Здесь я не была крестьянкой, которую он встретил тогда в лесу с корзиной, полной ароматных ягод, или княжной в дорогом наряде и клеймом незаконнорожденной. Здесь я была собой и могла больше ничего не бояться.

— Спасибо.

Он изменился.

Странно, что я это заметила, вполне возможно причиной тому работа в лазарете, где каждая послушница обязана отслеживать состояние своих пациентов, замечать малейшие изменения. Вот и я увидела.

Вроде бы свежий воздух и яркое солнце, должны были благотворно повлиять на его организм, но нет. Кожа будто еще больше побледнела, под болезненно блестящими глазами залегли тени, уголки рта опустились. Весь его вид выдавал усталость и боль.

Кровь послушницы буквально кричала о том, что следует помочь, облегчить его страдания. Тем более, что я могла это сделать.

— Вы хорошо себя чувствуете? — спросила осторожно, внимательно всматриваясь в его лицо.

— Что?

Такого вопроса Итан явно не ожидал. А во мне уже говорила целительница, которой попался очередной пациент, нуждающийся в помощи.

— Когда вы последний раз спали? — деловито спросила у него и шагнула еще ближе, едва касаясь ладонью его плеча.

Вроде бы и прикосновения не было, а мужчина вдруг вздрогнул и поджал губы, пронзив исподлобья колючим взглядом.

— Что ты делаешь?

Но меня этим сложно было запугать. Я привыкла к страдающим мужчинам. Все они одинаковы, готовы упасть без чувств, истечь кровью или сойти с ума, но уж точно не выказать своей слабости, особенно перед послушницей.

И этот такой же. Ничего нового.

Воспринимать ликана как одного из своих пациентов было легче, чем того мужчину, который называл меня своей парой всего пару недель назад. Исчезла неловкость, сомнения, ненужные мысли или страхи.

Сейчас всё стало легко и просто. Я — лекарь, он мой пациент.

— У вас все признаки сильного переутомления, — отозвалась я и коснулась подушечками пальцев его щеки, колючей от щетины.

В этот раз Итан не дёрнулся, лишь схватил за запястье, не давая мне возможности двигаться, и чуть придвинулся, возвышаясь надо мной. Так, что расстояние между нами сократилось до десятка сантиметров.

— И какие это признаки, позволь узнать?

Теперь и мне стало жарко. Щеки вспыхнули румянцем и сердце будто вниз ухнуло.

— Учащенное дыхание, повышенное потоотделение, бледность, круги под глазами, наверняка еще и голова болит, не так ли? — перечислила я, с трудом шевеля в миг пересохшими губами. Надо было вернуться в рабочее состояние и не думать о постороннем. — И в груди жжет.

— Жжет, — не стал отрицать он, продолжая серьезно смотреть мне в глаза. — И болит.

Его рука прижала мою к своей груди и накрыла сверху, так, что я смогла ощутить, как гулко бьётся его сердце.

Ох, Лаари, что же он делает?

— Тогда вам надо в лазарет. Давайте я провожу, — сдавленно произнесла я.

— Он не поможет, — криво усмехнулся мужчина, отпуская мою руку и отступая. Словно ничего и не

было. — Спасибо за заботу... Айвири.

— Это моя работа, — отозвалась я, не в силах побороть чувство, что что-то пошло не так и нить разговора ушла куда-то в сторону.

— Да, работа. Ты отличная послушница, — кивнул он и лицо в одно мгновение стало непроницаемым и отрешенным. Лишь глаза продолжали всё-таки пылать, обжигая. — Я говорил с настоятельницей и она мне всё рассказала.

— Рассказала? — вмиг побледнев, переспросила у него.

— Да. Что отпускала тебя с разрешения Лаари.

— И всё? — осторожно уточнила я.

— А должно быть что-то еще? — сразу уцепился за фразу мужчина.

Пришлось изворачиваться.

— Не знаю, — отводя взгляд, ответила ему. — Просто подумала, а вдруг вам она рассказала что-то еще. То, что скрыла от меня.

— Нет, больше она мне ничего не сообщила. И давай перейдем на ты. Нам придётся весь следующий год проводить вместе в одной связке. Это требует более... близких отношений, — через силу закончил Итан и тоже отвёл взгляд.

В груди сдавило от боли. Не моей, его. И снова захотелось шагнуть вперёд, помочь ему. Но я продолжала стоять на месте, сжимая кулаки.

— Значит вы уверены, что я седьмая в вашей связке. Даже без посвящения?

— Ты спасла Блейна. Обычная послушница не смогла бы этого сделать.

Ах да, Блейн. Сказать или пока не стоит?

— Но я хотел встретиться не для этого, — тем временем продолжил мужчина. — У меня для тебя письмо от князя.

— Отец, — ахнула я, прижимая руки к груди. — Как он? С ним всё хорошо?

— Да, — ответил Итан, доставая аккуратный треугольник письма. — Не переживай, с ним и твоей семьёй ничего не произошло. Никакой ссылки и прочего. Обвинение ему предъявлять не стали.

— Спасибо, — принимая письмо поблагодарила я. — Большое спасибо. Вы даже себе не представляете, как я благодарна.

— Ты, Айвири, обращай ко мне на ты.

— Я постараюсь. Но вы добились того, ради чего приехали?

— Да.

Мне о многом хотелось спросить у него. О том, какой выкуп получили ликаны за то, что князя поддержали отца в его обмане. Или узнать правду о завесе. Действительно ли всё так плохо и времени совсем не осталось.

Но вместо этого я просто стояла и смотрела на него.

— Понимаю, ты, наверное, ждешь, что я всё расскажу тебе, объясню.

— Поверь, — горько усмехнулась в ответ, — я уже давно ничего не жду и не спрашиваю. Галия не раз мне говорила, что сейчас не время.

— Всё случится завтра.

— После посвящения, — добавила я. — Не так ли?

— Именно. Как Галия?

— Нам не разрешают заходить в ту часть замка, но уверена, что всё хорошо. Её восстановят. Конечно, времени уйдет больше, но она придёт в себя. Я могу задать вопрос? — спросила осторожно.

— Конечно.

— В связке должно быть шесть ликанов и послушница седьмая, но вас только пять.

— Наяз погиб несколько месяцев назад. Именно в том сражении ранило Блейна. По приезду в долину будет выбран новый ликан.

— Понятно.

Нет, говорить о том, что придется выбирать целых двух, не стану. Не сейчас.

Мы замерли друг напротив друга, не зная, что еще сказать. Вроде так много хотелось, а слова не находились.

— Самое главное не бойся, — вдруг произнёс Итан.

— Чего?

— Посвящения. Самое главное, чем быстрее ты всё примешь, тем легче будет.

— Звучит не очень обнадеживающе, — улыбнулась я.

— Кажется, я еще больше испугал тебя, — невесело усмехнулся мужчина и продолжил. — Мне стоило бы извиниться.

— За что?

— За своё поведение в Иллиуме, — пояснил Итан и замолчал. — Стоило, но я не стану.

— И зачем ты мне это говоришь?

— Мне кажется, ты должна об этом знать. Не так ли?

Не уверена, что хотела. Но может он и прав.

— Так-так-так, — раздалось вдруг сбоку и из-за дерева вышел Блейн. — Я не помешал?

Итан Ларкас

Эта неделя была одна из самых тяжелых в его жизни. Даже во время пробуждения силы или первой вылазки за завесу ему было не так плохо.

Разум твердил, буквально кричал, ежесекундно напоминая о том, что Айвири послушница. Та, на ком лежит вечное табу, в сторону которой даже смотреть было запрещено. Но душа и сердце чувствовали иное, никак не желая признавать горькую правду. Зверь так вообще сошёл с ума, отказываясь сдаваться.

От этой постоянной внутренней борьбы всё тело горело от боли. Так что даже дышать было невыносимо.

Мужчина всеми силами старался завалить себя работой, чтобы даже думать не было времени. Благо, что сбор всегда проходил тяжело и требовал повышенного внимания и сил.

Вечерами ликан с трудом добирался до кровати и падал, забываясь беспокойным сном. Но даже там ему не было покоя. Стоило задремать, как тут же появлялась она. Девушка с волосами вишневого цвета и ярко-синими глазами. И этот образ ничто не могло вытравить.

Оставалась последняя, глупая надежда, что стоит её увидеть снова, спустя столько дней и зависимость исчезнет. Особенно здесь, в обители Лаари.

Но не помогло. Один взгляд и стало только хуже.

Айвири несколько не изменилась за эти дни, разве что во взгляде появилась уверенность и неожиданное спокойствие, которого не было в замке её отца.

Целительница всегда и везде. Она даже хотела его вылечить. Глупая, от этой болезни нет лекарства и спасения.

— Я не помешал?

Помешал. Ещё как.

Итану с трудом удалось удержать зверя, который готов был рыкнуть на друга, приструнить его, прогнать, утверждая за собой право единственного. Но отвлекла реакция девушки.

Айвири вдруг застыла, поджала недовольно губы и отвернулась, словно видеть его не хотела.

— Что-то случилось? — требовательно спросил мужчина, не в силах понять причин такого поведения.

Что-то между ними было. И это что-то нервировало и тревожило.

Она едва заметно покачала головой и ещё больше напряглась.

— О чём это ты? — поинтересовался Блейн, подходя ближе.

А сам не сводил взгляда с профиля девушки. И она это чувствовала.

— Если у тебя всё, то я пойду, — произнесла она сдержанно. — У меня много работы, да и к завтрашнему дню подготовиться надо.

— Значит помешал всё-таки, — усмехнулся Блейн и бросил ей в след едкое. — Бежишь, Айвири?

— Блейн, в чём дело? — вновь спросил Итан, наблюдая за ними с возрастающим беспокойством и тревогой.

— Ни в чем, — отозвалась девушка, застыв на мгновение, но головы так и не повернула. — Вы ошиблись, уважаемый лэр. Не имею такой дурной привычки сбегать от проблем. И в отличие от вас, Блейн, у меня действительно много работы. Всего доброго, Итан.

Ларкас некоторое время смотрел ей вслед, а после повернулся к другу, который уже уселся на каменный алтарь и жмурился от яркого солнца, которое пробиваясь сквозь ветки, светило ему прямо в лицо.

— Слезь.

— Имей совесть, Итан, я больной и немощный ликан. Мне надо отдыхать.

— С алтаря слезь, — всё так же сухо повторил молодой мужчина, подходя ближе.

— Сяду на траву и заболую.

— Это не Ардан, земля тёплая, так что не заболеешь. Тем более, что ликаны от такой ерунды простуду подхватить не могут. Ты легко перенёс жуткие морозы завесы, а тут решил заболеть из-за пустяка. Так что повторяю в последний раз, слезай.

— Есть, командир, — отозвался тот, спрыгивая и присаживаясь на травку и опираясь на алтарь спиной. — Ну, говори, не молчи. Вижу, как тебе не терпится.

— Нет, это ты говори. Что происходит?

— Конкретнее, Итан, конкретнее. Ты всегда говоришь слишком обобщенно и пафосно.

— А ты как был занозой в лапе, так и остался, — не остался в долгу Ларкас. — Но сейчас явно превзошел себя.

Ленивая ухмылка исчезла с лица, обнажая усталость и какую-то безнадежность, от которой холодок прошелся по коже.

— Ты никогда не думал, почему я сразу не забил тревогу, почему никому не рассказал про осколок? Я ведь почувствовал его, как только мы перешли границу Ардана.

— И почему же ты этого не сделал? — покорно спросил ликан.

— Может я просто хотел сдохнуть. А ты не дал. Опять.

— Интересный способ ты выбрал для смерти. Превратиться в ледяного монстра в самом сердце Иллиума.

— Ты должен был меня убить. Сразу, как только я отключился. И сделал бы это лично. Не отнекивайся. Ты слишком правильный, Итан, до тошноты просто. Это же твой долг убить меня и облегчить страдания, как старшего в группе. И что сделал ты? Опять решил меня спасти!

Ларкас приземлился рядом с ним на мягкую траву и спросил тихо:

— Что с тобой стало, Блейн? Не ты первый и не ты последний, кто был ранен за завесой. Куда делся Серый, на которого равнялся молодняк? Куда делся друг, которой всегда защищал мою спину?

— Выдохся, — с кривой усмешкой отозвался тот. — Ничего не осталось. Только пустота. И это страшнее всего, когда ничего не чувствуешь.

— Почему ты сразу не сказал, почему не попросил помощи?

— Потому что не хотел. Знаешь, а она собирается на меня пожаловаться.

— Кто? Айвири? — удивленно спросил Итан.

— Айвири. Хочет выгнать меня из связки, — со смешком отозвался Блейн.

— И в чем причина такого желания?

— Мой сволочной характер.

— Ну это не новость, подарком ты никогда не был. Что конкретно ты сделал?

— Сразу не перечислишь, — произнёс друг, срывая травинку и вертя её между пальцев. — Просто вывел пару раз на эмоции. Сильно вывел. И не могу сказать, что это не доставило мне удовольствия.

— И зачем, позволь узнать?

— Она другая, Итан. Ты ведь тоже это почувал. И да, я знаю, что ты принял её за свою пару. Мало того, я отлично вижу, как тебя ломает. Хорошо, девчонка этого не понимает, как и остальные, но у тебя так мало времени. Никто в Ардане не должен этого заметить.

— Знаю, — тяжело вздохнул Ларкас. — Закон один для всех. А она послушница Лаари. Так всё-таки за что Айвири на тебя взъелась?

Беспокойство никуда не делось. Блейн, Айвири и что-то между ними. Оказывается, боль и пытка может иметь разные оттенки, особенно когда в дело вмешивается ревность.

— Сказал же, что вел себя как скотина.

— Зачем?

— Во-первых, мстил. Я хотел сдохнуть, приложил для этого максимум усилий, а она явилась ниоткуда и вытащила... Это злило.

— А во-вторых?

— Не смог остановиться. Она так ярко реагирует и... пахнет, — вдруг произнёс он и закрыл глаза.

Итан дёрнулся, с трудом сдержав рычание.

«Моя!» — бился в истерике зверь, скаля клыки и сверкая глазами.

И сдерживать его становилось всё сложнее.

— Терпение, мой друг, — сказал вдруг Блейн спокойно. — Учись сдерживать зверя, когда речь идёт об Айвири. Она другая, особенная, и старшие ликаны тоже это заметят. Если бы не печать... всё могло сложиться по-другому.

— Она послушница, Блейн, — напомнил Итан. И себе, и ему. — Это не изменить.

— Знаю. Пообещай мне кое-что. Если девчонка пожалеет меня и не сдаст старшим, то это сделаешь ты.

— Что именно?

— Выгонишь меня из связки.

— Сдурел? — прорычал мужчина. — Мы и так Няяза потеряли.

— Найдёте новых.

— Решил сбежать и бросить нас, так, Блейн?

А вместо того, чтобы разозлиться, друг расхохотался.

— Итан, мы столько лет вместе, и ты серьёзно думаешь, что сможешь подловить меня? Может, раньше у тебя и был шанс, но не сейчас. Не переживай, я надеюсь, что это всё-таки будет она.

— Почему для тебя это так важно?

— Айвири меня воскресила, она и убьёт как Серого.

— И всё? Причина только в этом? — продолжал допытываться мужчина.

Блейн хмыкнул:

— Всё тебе неймётся, всё хочешь выведать до конца. Зачем? Да, не только тебя она сводит с ума, не только тебя она притягивает. Я слишком уважаю тебя, чтобы лгать, Итан. Мой зверь тоже чувствует в Айвири пару. Но я не ты и могу его не сдержать. Поэтому для всех будет лучше, если меня не будет связке. Ты же понимаешь, что в какой-то момент я просто не смогу остановиться.

— И этим убьешь её и себя.

— Смерти я не боюсь, — отозвался Блейн, поднимаясь, и похлопал его по плечу. — Тебе стоило оставить меня там, старый друг. Всем было бы легче.

— Я не мог.

— В этом твоя главная ошибка.

— Но я не позволю причинить ей вред, — вставая следом, произнёс Итан.

— Тогда сделай всё, чтобы остановить меня. И убей, если понадобится.

Глава восемнадцатая

Я долго не могла уснуть этой ночью, лежала, затаив дыхание и упираясь взглядом в стену. Вроде и устала страшно, и встреча с двумя ликанами вымотала, а провалиться в сон всё равно не могла. Так и лежала, глядя перед собой.

Посвящение. Я ведь никогда особо не задумывалась об этом дне. Знала, что он придет, понимала, как это важно, но никогда всерьёз не задумывалась.

А оно уже завтра. Остались считанные часы до момента, которого все послушницы ждали столько лет.

Мне, можно сказать, было легче, чем остальным. Я знала свою судьбу и не мучилась от неизвестности. Меня ждал холодный Ардан.

Никто никогда не говорил нам о том, что именно стоит за посвящением, какие испытания мы должны будем пройти в подвалах обители. Тайна, о которой не смела говорить ни одна целительница, как её ни упрашивай.

— Придёт время, узнаете, — как один утверждала каждая и тут же переводила разговор.

— Айвири, — зашептала Ветра в своём уголке. — Ты спишь?

— Нет, — так же тихо ответила я.

— Страшно? — подала голос Хани и приподнялась, от чего лавка под ней заскрипела.

— Не знаю, — поворачиваясь ответила я. — А вам?

— Никто ничего так и не сказал, — поделилась Ветра.

— Мы старались, спрашивали, а они молчат. Говорят, завтра всё узнаем.

— А если Ардан?

— Воля богини священна, — отозвалась я. — Наши пути predeterminedены и нам остаётся лишь следовать её воле.

— Айвири, — подала голос Хани. — А ликаны страшные? Ты же с ними приехала, да говорят ещё с одним сегодня встречалась.

— Встречалась, — не стала отрицать я. — И нет, не страшные они.

— А какие? — допытывалась Ветра.

— Сильные, смелые, гордые, опасные, — перечислила едва слышно. — Тяжело им приходится против ледяных демонов.

— Когда же эту заразу изведут. Житья от них нету, — пробормотала Хани. — Хоть бы знак какой Лаари дала, что сделать-то надо, чтобы мир наш спасти. Мы бы тогда... эх.

— Да, знак бы нам, помощь какую, — кивнула Ветра, а я вновь к стене отвернулась.

Знак? А вдруг я и есть тот знак?

Разбудили нас рано утром, растолкали, вручили одежду и дали пару минут на умывание и сборы.

— Ой, штаны, — рассмеялась Ветра, вертя в руках широкие брюки. — И кофта. Это что же с нами такое должно произойти, что нас так одевают.

— Ты не думай, а одевайся, времени нет, — натягивая на голое тело широкую рубаху и завязывая тесёмки, отозвалась я.

Волосы заплела в косу и завязала тесёмкой, расправила складки, завязала пояс на штанах и вот, уже готова. Непривычно, конечно, но ходить можно. На стопы лёгкие башмачки с толстой подошвой.

— Пора, девочки, пора, — поторопила нас сестра Агния.

Мы бесшумно вышли в коридор, где нас уже ждали остальные послушницы.

Тридцать княжеств и тридцать девиц.

Пройдя по коридору, вышли на боковую лестницу, оттуда вниз, всё глубже в подземелье обители. Шаг за шагом, всё ниже и ниже, по узкой лестнице с высокими каменными ступенями, тускло освещенными крохотными магическими светильниками.

Шли медленно, друг за другом, цепляясь за шершавую стену, боясь лишний раз ступить и споткнуться.

Даже говорить боялись, так и шли молча, пока не спустились в широкий зал, где нас уже ждала настоятельница и пять высоких сестёр.

— Света и жизни, — поприветствовали нас они.

— Жизни и света, — нестройным хором отозвались мы, становясь в линейку перед ними и быстро осматриваясь.

Зал большой, потолки высокие, такие, что и не видно ничего наверху, только темень чёрная. Колонны толстые, каменные, резные. Вроде сцены какие изображены, но не разглядеть. Полы плиткой чёрной выложены, и она слабо поблескивала в свете огней. А за спинами сестёр два тёмных провала — хода.

— Добро пожаловать в зал испытаний! Сегодня вам предстоит тяжелая проверка, опасная, но я верю, что вы справитесь. У каждой из вас она будет своя, личная. И даже я не ведаю, что ждёт вас там, в лабиринтах. Но я верю, что вы справитесь. Помните, что Лаари даёт лишь то испытание, которое вам по силам. Помните об этом и ничего не бойтесь.

Хорошее напутствие, ничего не скажешь.

— А теперь возьмите по рюкзаку, в нём всё самое необходимое и ступайте.

Тридцать девушек, два прохода. По пятнадцать человек в каждый. И пусть богиня благоволит вам.

Рюкзак из тонкой ткани был увесистым и плотным. Надев его, я тут же почувствовала, как он отяготил плечи, но терпимо.

Разбившись на группы, мы шагнули в тёмные провалы и так же молча пошли дальше по узкому коридору, который вилял и петлял, пока не вышли на небольшую площадку, из которой вело уже три прохода.

— Кажется, пора разделяться, — тихо произнесла Мина, шагнув в левый.

Шайла в средний, а я повернула в правый. Нас было пятнадцать, а стало пять. И снова безликий коридор, по которому мы шли друг за другом, не в силах нарушить гнетущего молчания.

И снова площадка, на этот раз с пятью проходами.

— Кажется, пора расставаться, — сказала я, поворачиваясь к девушкам.

— Удачи, — усмехнулась Ветра, а у самой губы дрожали от страха.

— До встречи на той стороне, — отозвалась Стера, первая шагнувшая в коридор.

За ней потянулись остальные.

Я вошла в последний и медленно двинулась вперёд к своей судьбе и испытаниям, что ждали меня там.

Изменения я почувствовала практически сразу.

Для начала, если раньше коридоры полностью освещались, то сейчас всё было совсем по-другому.

Светильники загорались лишь только когда я подходила ближе и тут же гасли, стоило уйти вперед. И получалось, что я осталась совсем одна на небольшом пяточке, освященном светом, а кругом темнота.

В какой-то момент стало страшно и тревожно. Стихли все звуки, не слышно было девчонок, а ведь они не так далеко ушли, я точно знала. Ни их голосов, ни чужих шагов. Ничего кроме моего дыхания и стука сердца.

Надо было идти дальше, а я не могла. Даже шага было ступить сложно. В голове появилась постыдная мысль, развернуться и бежать назад. Но нет, так нельзя. Это моё испытание. И я ждала его столько лет, готовилась. Разве можно сейчас бежать?

Чтобы хоть как-то оттянуть время, я принялась копаться в рюкзаке. Надо же было узнать, что же там положили нам в дорогу. И вообще зачем этот рюкзак.

Фляжка с водой, лепёшки, завернутые в пергамент, ароматные, вкусные, сладкие. А ведь я так и не успела позавтракать. На дне обнаружился тонкий, но тёплый плед. Вот его я точно не ожидала увидеть. Зачем здесь плед?

Следующая мысль, возникшая в голове, заставила задрожать и до боли прикусить губу.

Я ведь никогда не задумывалась о том, сколько длится посвящение. Вот никогда. Даже мысли такой не возникало. Девушки уходили и мы больше их не видели. Сразу же отправляясь к местам назначения. Кто-то в Ардан, кто-то в княжества. Были те, кто оставался в обители и становился одной из сестёр. Но и их мы видели не сразу. А где-то через неделю или десять дней.

А если... если я проведу в подземелье не пару часов, а гораздо больше времени?

Пошатнулась, хватаясь за шершавую стену и глубоко вздохнула пару раз.

Вдох-выдох.

Да что же это такое? Чего испугалась?

Ведь не я первая, не я последняя. Каждая послушница в своё время проходила лабиринт и ничего. Все были живы-здоровы. Так чего бояться.

Настоятельница же как сказала: Лаари даёт лишь те испытания, которые мы можем вынести.

— Дай мне сил, великая, — прошептала я и, прижав к груди рюкзак, двинулась вперёд.

Гравий громко хрустел у меня под ногами, создавая хоть какие-то звуки. Я двигалась всё вперёд и вперёд, поворачиваясь с тоннелем то в одну сторону, то в другую.

Долгое время ничего не происходило, и я даже как-то расслабилась и успокоилась.

А потом возник ветер.

Лёгкий, едва заметный сначала, он шевелил волосы, ласкал кожу на лице, принося с собой ароматы сосны и леса.

Замерев на мгновение, я закрыла глаза и глубоко вздохнула, вспоминая как еще совсем недавно бегала с ребятнёй, собирая дикую малину и другие ягоды.

Неужели выход? Неужели дошла? Так быстро?

Впереди замелькало светлое пятно. Выход!

Повесив рюкзак на спину, я со всех ног бросилась туда, наткнувшись на густую растительность, закрывающую проход.

Отведя рукой толстые ветви, я выглянула наружу, надеясь увидеть знакомую местность посёлка, что располагался рядом с обителью. Но нет. Ничего подобного.

Я понятия не имела, где нахожусь. Мало того, всё вокруг было каким-то странным, блеклым и словно ненастоящим. Будто я во сне находилась и стоит только руку протянуть, как окружающая картинка растворится, оставляя после себя дымок.

Я так и сделала. Преодолев заросли веток, полностью вышла из прохода и потянулась к ближайшему толстому стволу высокого дерева. Такого высокого, что верхушки не видно.

И ничего. Мои пальцы просто проникли внутрь.

— Ох, Лаари, — прошептала я, прижимая руку к груди и оглядываясь.

Лес. Судя по всему, очень старый, древний. Мощные стволы деревьев, мощные корни, что вылезали из земли, много пушистого мха, иголки пол ногами и густые кустарники с незнакомой чёрной ягодой.

К чему всё это? Почему я здесь? И что должна сделать?

Но стоило мне об этом подумать, как вдруг всё изменилось.

Ветерок, который совсем недавно ласково шевелил волосы, сменился, став неожиданно резким, порывистым и холодным.

Зеленые листочки на кустиках съжились на глазах, пожелтели и осыпались прахом на землю. А на тонких веточках появились белые наросты инея. Они стремительно расползались всё дальше и дальше, пока не захватили весь куст, затем сползли на землю и стали подбираться ко мне.

Как это? Как проклятье Ардана оказалось в обители?

— Нет, нет, — забормотала я, отшатнувшись и повернувшись, чтобы броситься назад в тоннель.

Только его уже не было. Вокруг меня находился лишь умирающий, навечно застывающий в стуже лес. И бежать некуда.

А за спиной вдруг раздалось утробное рычание, от которого сердце замерло.

Медленно обернувшись, я увидела огромного зверя, похожего на гигантскую кошку. Только он весь был создан из льда. Хищник, припадая на лапы, медленно двигался ко мне и утробно рычал, обнажая острые клыки.

Ледяной демон, от которого мне не спастись.

За его спиной захрустели ветки, рассыпаясь от мороза в труху, и постепенно показались остальные порождения ледяной магии.

Поразительно, как изуродовала привычные облики животных чужеродная сила, создавая свои собственные кошмарные творения, от одного взгляда на которые кровь стыла в жилах.

И все они двигались на меня.

Ох, Лаари, как же страшно.

Все мы видели изображения этих существ, знали, как они выглядят. Но ни один рисунок не мог передать их уродливость и неправильность. Это были словно жуткие карикатуры на животных.

Я всё пятилась и пятилась назад, пока не споткнулась о толстый корень, который буквально вырос у меня под ногами. Охнув, я нелепо взмахнула руками и приземлилась на пятую точку. Дыхание сбилось, и я зажмурилась, ожидая в любую секунду удара и боли.

Но ничего не произошло.

Стоило открыть глаза, как я поняла, что сижу на каменном полу небольшой тёмной комнаты, из которой в разные стороны вели тоннели. Я насчитала целых пять. Теперь не разобрать, откуда я пришла, ведь они так похожи между собой, и не понятно, куда должна буду уйти.

Что это было? Сон? Кошмар? Видение? Но для чего оно нужно? Что должно мне показать? Чему научить? Испугать? В этом было испытание?

Вопросов стало еще больше.

Тяжело поднявшись, отряхнула штаны и дрожащими руками достала фляжку из рюкзака, сделав один небольшой глоток, чтобы промочить пересохшее горло.

Кажется, я всё-таки провалилась. Ну и ладно. В любом случае это не повод оставаться здесь и горевать. Придётся сделать выбор, идти-то всё равно куда-то надо.

Медленно крутанулась, пытаюсь хоть что-то почувствовать или увидеть. Тщетно. Всего лишь тёмные дыры, из которых мне надо было выбрать одну.

Осторожно ступая, подошла к ближайшему тоннелю, касаясь ладонью каменного свода. Ничего. Повернувшись проделала такую же манипуляцию с другим. Результат тот же.

А вот у третьего всё изменилось.

Вернулся лёгкий ветерок, принёсший с собой аромат лесных цветов и терпкой ягоды. Он был такой яркий, что я вздрогнула, прогоняя яркие картинки прошлого, возникшие перед глазами.

— Айвир-р-ри...

Послышалось? Нет, меня точно звали. Именно оттуда. И голос не вызывал страха или отторжения. Наоборот, он манил, зовя за собой.

Поправив лямки рюкзака, я шагнула вперёд, даже не став проверять остальные два. Сердцем чуяла, что выбрала верное направление.

Гравий хрустел под ногами, чутко отзываясь шелестом на каждый мой шаг. Кругом была лишь

чернильная темнота.

— Айвир-р-ри...

Да, это точно моё имя. Его словно простонали в тишине. И опять всё смолкло.

Сотня шагов вперёд, когда впереди что-то мелькнуло и пропало. Какая-то тень. Я замерла, прижимая руку к груди и пристально вглядываясь в темноту. Какие еще новые сюрпризы приготовил лично для меня лабиринт? Я уже не знала, чего ожидать.

Снова тень.

Девушка.

В белом платье, которое больше походило на обычную сорочку до пят, с широким подолом и длинными рукавами с узкими манжетами. Светлые волосы рассыпались по спине и плечам белоснежным облаком. Она была босиком и легко шла по острым камушкам не сбавляя темпа.

— Эй, — позвала я. — Подожди!

Она оглянулась всего на мгновение и вновь пошла дальше, ускоряя шаг. Мне пришлось поступить так же.

— Подожди! — снова закричала я.

Кто бы она ни была, незнакомка появилась не случайно и не просто так.

И мой крик эхом пронесся по туннелю, оглушая.

На этот раз девушка даже не обернулась, переходя на бег. Вот же! Пришлось припустить следом, каждую секунду рискуя споткнуться на камнях и упасть.

Хорошо хоть бежать далеко не пришлось. Впереди вновь замелькал просвет. Опять лианы и уже знакомая мне лесная полянка. Знакомая, да не совсем. Другая.

С моей стороны лето с зеленой травой и яркими цветами, пёстрым ковром расстилающимися под ногами. Напротив холодный и студёный лес со скрюченными черными сучьями, окутанными снегом и льдом. А между ними толстая сияющая завеса, такая яркая и ослепительная, что у меня в глазах зарябило.

Надо же, какая она... мощная. А ведь столько говорят об её истощении и ослаблении.

Незнакомка медленно подошла к завесе и протянула руку.

— Стой!

Поздно, девушка уже коснулась её и сверкающая поверхность завибрировала, задрожала, но не рассыпалась.

— Я ждала тебя, Айвири. Давно ждала, — произнесла она, медленно оборачиваясь.

Бледная кожа, синие блеклые глаза, утратившие краски жизни, тонкие обескровленные губы. Когда-то она была очень красива, но сейчас осталась лишь тень.

И я её не знала. Вот совсем. Ни единой мысли, ни одной догадки.

— Для чего? — осторожно спросила я. — Кто вы?

— Из года в год первые шестнадцать послушниц встречают своих преемниц, чтобы дать силу и знания, помочь осознать предначертанное и принять. Только я всегда стояла в стороне... Столетия.

— Кто вы? — снова повторила я.

Все мы знали историю. Шестнадцать первых послушниц, которые пришли в Ардан на помощь в борьбе с ледяными демонами. Но ни слова о ней.

— Я Кандира, — произнесла она тихо, улыбнувшись. — И я была первой.

— Первой? Я не понимаю.

— В тот день, когда ледяные твари впервые вступили в наш мир, тех смельчаков, вставших на их пути было не восемь, а девять.

— Нет, это не правда. Там были только мужчины.

Она рассмеялась и вдруг оказалась рядом со мной, дотронувшись холодными пальцами лица:

— Споришь со мной? Это интересно, — произнесла она, чуть сжав подбородок. — Я так долго ждала тебя... такую как ты. А ты всё не приходила.

— Зачем?

— Ты закончишь то, что не смогли мы.

Какие только мысли в этот момент не пронеслись у меня в голове. Вспомнилась сразу настоящаяница, её слова о моей избранности. И вот теперь эта Кандира с этой фразой.

Наверное, даже ледяных демонов в прошлой комнате я не так сильно испугалась, как вот этого своеобразного приговора из уст призрака.

Если у меня оставалась крохотная надежда, что всё это неправда, то теперь она растаяла как дым.

Тяжело сглотнув, я попятилась назад, быстро спросив:

— Почему я?

Отчего-то я была уверена, что она скажет. Что она знает.

Девушка за мной не последовала, продолжая стоять босиком на зелёной траве.

— До тебя были другие. Три, пять или возможно десять. Уже не помню. Раньше они чаще появлялись здесь. Сил уже не осталось и избранницы перестали появляться на свет. Последняя приходила столетие назад. Тоже задавала этот вопрос. Я не знаю, почему ты. Просто вижу. Ты отмечена Лаари, как и я когда-то. Трижды.

Опять эти три отметки.

— И что они означают?

Девушка тихо рассмеялась и приподнявшись над землёй сделала круг вокруг меня, обдавая прохладным ветерком.

— Думаешь, я скажу тебе? Нет. Раньше я говорила, рассказывала. Первым. Они слушали, кивали, иногда плакали, обещали... а потом не выдерживали.

— Не выдерживали чего?

— Испытаний. Если бы это было так легко, то порождений холода и смерти давно изгнали бы из нашего мира. Но нет... Придётся постараться, пройти через многое и выстоять.

— И они не смогли? — уточнила я снова.

Что же там такое должно произойти, если столько девушек погибли, так и не добившись желаемого?

— Нет. Это тяжело, — грустно отозвалась она и снова отвернулась, рассматривая завесу. — Тебе интересно, почему обо мне ничего не рассказывают, почему этого нет в хрониках? Это моё наказание, мой приговор. А это все своеобразное чистилище.

— И за что же вас наказали?

Она снова взглянула на меня, и я отшатнулась от боли, которая возникла в глубине её глаз.

— Это моя вина... моя ошибка, — вдруг забормотала Кандира, отплывая назад и закрывая лицо ладонями. Её плечи задрожали от сдерживаемых рыданий. — Я виновата... только я.

— Виноваты в чём?

Призрак всхлипнул последний раз и девушка убрала ладони, подняв на меня почерневшие глаза.

— Это я открыла портал. Я впустила демонов в наш мир и уничтожила равновесие.

Я отшатнулась от неё, как от прокаженной или проклятой. И даже убежала бы, если бы можно было скрыться от призрака в запутанных подземных лабиринтах обители, не зная где вход, а где выход.

Именно поэтому я осталась стоять, сжимая и разжимая кулаки и внимательно наблюдая за

Кандирой. Метка на руке уже горела, готовая в любую секунду прийти на помощь. Вот только как одолеть призрака? Такому нас не учили на уроках.

После нескольких секунд страха включился мозг, который принялся лихорадочно осмысливать сказанное.

В летописях говорилось, что однажды портал между нашими мирами открылся, замки пали и демоны проникли сюда, тем самым нарушив вековое равновесие. Но там ни слова не говорилось о злом умысле, о Кандире и её участии в катастрофе, которая навсегда изменила наши жизни.

— Умысла не было, — отозвалась девушка. — Была лишь гордыня. Моя... Идём, я покажу тебе всё.

Она вытянула вперед руку и застыла, ожидая реакции.

Но я не сразу решилась последовать за ней. А вдруг это ловушка? Или еще одно испытание. Нет, в то, что это испытание, я не сомневалась. Но может это соблазн, который надо перебороть и тем самым пройти на следующий уровень?

— Ты же хочешь узнать правду? Правду о том, что случилось тогда.

Эх, ладно. Хуже ведь не будет, если я пойду следом.

Я сделала два шага вперед и протянула руку.

Запоздало пришла мысль, что это невозможно. Мы не сможем коснуться друг друга. Она же призрак, а я живая. Но всё вышло наоборот.

Стоило нашим рукам соединиться, как Кандира вдруг стала более материальной. На щеках появился легкий румянец, глаза засияли, став красивого и такого знакомого синего оттенка, почти как мои, кожа утратила синюшность.

Девушка глубоко вздохнула и губы скривились в лёгкой усмешке.

— Давно я не испытывала этих чувств. Даже забыла, каково это быть живой... Пойдем. Нам пора.

Она потянула меня за руку в сторону завесы, и я неожиданно поплыла за ней. Ноги оторвались от земли, и я действительно поплыла по воздуху.

— Эт-то как?

Я же живая. По крайней мере была. Неужели всё-таки убила?!

— Я что, умерла? — глядя на неё огромными от ужаса глазами, тихо спросила у неё.

— Нет. Ты просто спишь. Давай быстрее, — нетерпеливо произнесла Кандира. — Ты должна это увидеть.

— Но куда? А-а-а!

Мы со всего размаха влетели в завесу, и я едва не оглохла от грохота, который обрушился на нас со всех сторон.

Глава девятнадцатая

Вой в ушах и слепящий свет. Не самые приятные ощущения, надо сказать. Я задыхалась, открывая и закрывая рот, пытаюсь сделать вдох. Но воздуха было так мало.

А потом всё резко стихло. Тишина и покой. И ощущения такие, словно я лежала на мягкой-мягкой перине. Правда этот покой был совсем скоро нарушен.

— Смотри... смотри, Айвири. Такого ты никогда больше не увидишь. Никогда и нигде, — шептала Кандира, продолжая держать меня за руку.

Открыв глаза, я с трудом смогла сдержать крик, который готов был вот-вот сорваться с губ. Мы парили высоко-высоко над землёй. Под нами стелился ярко-зелёный лес и огромный каменный город. Страшно знакомый и в то же время такой чужой. Судя по всему, очень древний. Серый камень, из которого он был выложен, давно не добывался на рудниках Ардана. Кинах или Аргул? На уроках мы подробно проходили каждое из тридцати княжеств, но ни одно из них не было похоже на то, что было под нами.

— Это сердце Ардана. Его столица. Великий город Райго, — отозвалась Кандира, верно угадав мои мысли.

— Райго. Но это невозможно, — прошептала я и покачала головой.

Вот уже не одно столетие этот город был похоронен под толстым слоем снега.

— Возможно. Когда-то до прорыва он был именно таким. Ярким, солнечным, благословенным. Все тридцать княжеств поклонялись нам, солнцу нашего мира, несли дары и шептали молитвы. Здесь Лаари готова была услышать каждого, чье сердце открыто и готово к прощению... Прекрасный Райго с его мощеными мостовыми, крепкими домами с черепичными крышами, добрыми жителями, которые знали друг друга поименно... Идём, идём! Я всё тебе покажу! — рассмеялась девушка, утягивая меня вниз.

Ветер засвистел в ушах и болезненно хлестал по лицу. Мне снова пришлось зажмуриться и затаить дыхание. Длилось это от силы секунд пять, возможно десять. И снова всё смолкло.

Зато появились звуки. Голоса, смех, крики, цокот копыт по брусчатке, скрип колёс, пение птиц, чьи-то песни, звуки шагов и работы. Настоящий шум большого города.

— Смотри, видишь вон ту старушку с переносным лотком? Это матушка Хая. У неё всегда самые вкусные и сладкие леденцы, — восторженно улыбаясь, произнесла Кандира, показывая на пожилую женщину, которая угощала малышей конфетами на палочке. — А это дядюшка Дигл. Он делает потрясающий домашний лимонад из воды, лимона, патоки и мяты. Лэр Франсье, жуткий зануда, но отличный торговец. Вон та лавка с яркой вывеской его. Это Лилая, она ждёт второго ребёнка, старший Дангин сейчас с отцом на мельнице. Лэра Уирта, хозяйка булочной на углу. Ах, какие там пекутся булочки с ягодами!

Девушка вертелась из стороны сторону, показывая мне то одного прохожего, то другого. Я даже не успевала проследить за её взглядом.

Да, она действительно знала всех.

Люди, ликаны. Они все были одинаково счастливы и веселы, широко улыбались, приветствуя друг друга. Одетые в странные наряды и смешные головные уборы, которые так сильно отличались от наших.

— Это малыш Сайл, он всегда носит письма. И очень гордится своей работой, — продолжила с воодушевлением девушка и вдруг сникла. — Он погиб через год после открытия портала... и уже никто не носил письма. Они все мертвы, давно уже ушли за грань. И остались жить только здесь, в моих воспоминаниях. Я помню смерть каждого из них. В этом тоже есть часть моего проклятия... Пойдем, нам пора.

Кандира снова потащила меня вперёд, все увеличивая скорость, ловко маневрируя между повозками и людьми, так что у меня зарябило в глазах.

И снова резкая остановка.

На этот раз на огромной площади у величественного храма с высоким шпилем и круглыми окошками, украшенными разноцветными стёклами. Я его сразу узнала, даже здесь в её воспоминаниях чувствовала исходящую от него силу и мощь.

— Храм Лаари. Самый первый, самый древний и могущественный. Сердце нашего мира, которое

сейчас заковано льдом. Когда-то мы все жили здесь. Ликаны и послушницы жили здесь. Две части одного целого. Сила Лаари и её защита. Потом послушницы были вынуждены бежать, оставляя родной дом.

Кандира вдруг застыла, увидев что-то или кого-то у меня за спиной. Губы приоткрылись, но с них не сорвалось ни звука. Её лицо исказилось от такой боли и муки, что у меня внутри всё сжалось и я резко обернулась, пытаюсь понять, что же именно так расстроило призрака.

На площади появился ликан. Он уверенно шел к храму. Высокий, с длинными тёмными волосами, часть была собрана в короткий хвост на макушке, остальные же падали на плечи и спину. Короткая борода, нос с горбинкой и серебристо-серые глаза, в которых плясали смешинки.

Но не это привлекло моё внимание. Бляшка у шеи, которая удерживала тонкий синий плащ. Я ведь раньше уже её видела. Рычащее животное, так похожее на кошку.

У Итана была такая же.

— Это тигр. Белый тигр. Дух-хранитель семьи Ларкасов, — сдавленно прошептала Кандира и по её щекам полились слёзы.

А говорят, что призраки не умеют плакать.

— Кто он? Кто этот ликан?

— Ярил Ларкас, сын Антура... моя пара.

— Пара? Но послушницы не могут заводить отношений. Никогда. Это запрещено, — возразила я и покачала головой.

Здесь она меня не обманет и не проведёт. Закон известен каждому с рождения.

— Тш-ш-ш-ш, тихо, подожди, не шуми, — взмолилась она, жадным взглядом провожая ликана, который с улыбкой прошел мимо нас, периодически кивая проходящим мимо жителям.

— Но...

— Тихо... сейчас...

Он подошел к ступенькам и только наступил на первую, как дверь в храм распахнулась и оттуда выбежала...

— Это ты? — ахнула я, наблюдая, как другая, веселая, счастливая Кандира стрелой сбежала по ступенькам, бросаясь в объятия мужчины, который тут же подхватил её и закружил.

Сомнений не было, она была послушницей. То же простое синее платье, та же метка на запястье, которую мне удалось разглядеть.

— Как такое возможно? — прошептала я, пристально наблюдая, как они у всех на глазах продолжали обниматься.

И для всех это было таким обычным и привычным делом. Никто не возмутился. Не устроил скандал. Даже наоборот, кое-кто довольно кивал, бросая короткие взгляды на влюбленных.

— Раньше всё было по-другому, — сдавленно произнес призрак. — Раньше мы могли любить и быть счастливыми.

— Но ведь есть закон. Любые отношения, любая близость с мужчиной — это проклятье для послушницы. И это не просто слова, каждое десятилетие какая-нибудь целительница пыталась опровергнуть это заявление, но все заканчивали плохо. Проклятье для обоих, потеря дара и скорая смерть.

— Этот закон был принят сразу после того, как портал открылся... Мы не уберегли наш мир и были вынуждены ответить за это. Ликаны ведь до этого не обращались в животных. Они обладали могучей силой, могли вызывать своего зверя на помощь, но никогда не обращались. Приход демонов всё изменил. Они стали хищниками, а мы... мы были вынуждены отступить, сосредоточиться на силе и на помощи, уничтожив собственное я... Какие мы были тогда счастливые, — прошептала Кандира, наблюдая за своим отражением и избранником. — Мечтали о будущем, о счастье. Сын антура и хранительница ключей...

— Каких ключей? — тут же уцепилась я за новую информацию.

— Пойдем, я покажу тебе, — она схватила меня за руку и потащила в храм.

А оттуда вниз по знакомым ступеням, что были так похожи на те, по которым я проходила утром. Всё ниже и ниже вглубь лабиринта. Неужели мне и здесь придётся его пройти?

— Лабиринт и вашу обитель построили уже после начала войны. Именно для того, чтобы проводить испытания. Раньше посвящение было иным. А подземелье храма служило другой цели, — пояснила Кандира, продолжая утаскивать меня под землю.

Пока мы не достигли огромного сверкающего зала, стены которого, освещаемые магическими кристаллами, были разукрашены яркими картинками. А в центре находилась огромная железная дверь, украшенная какими-то странными письменами и символами и перевитая толстыми цепями.

— Что это? — нахмурившись спросила я, вглядываясь в странные, незнакомые рисунки.

Красное и синее. Тепло и холод. Жизнь и смерть.

— Это два мира. Наш и демонов, — пояснила Кандира. — У всего есть две стороны. Так и здесь. Мы свет, а они тьма. Ликаны и послушницы всегда стояли на страже равновесия, следили, чтобы порталы между нашими мирами всегда были закрыты.

— Нам об этом не говорили, — прошептала я, жадно вглядываясь в изображения.

— Об этом знают лишь старшие чины, остальным не положено. Даже те, что отправляются в Ардан, владеют не всей информацией. Но ты узнаешь всё. Это твоё право.

— Почему? Что это за метки, о которых все говорят?

— Я ведь тоже была трижды отмечена Лаари. Как послушница я получила метку. Как пара ликана нашла Ярила. Точнее мы нашли друг друга. А третья метка ставила меня выше всех. Я была хранительницей ключей.

Я перевела взгляд с картин на дверь и внимательно осмотрела цепи.

— И что там? — сглотнув, переспросила у неё.

— Портал между нашими мирами. Раньше хранительница рождалась раз в пятьдесят-шестьдесят лет и к ней всегда было особое отношение.

— Ты хочешь сказать, что я тоже хранительница?

— Да. Именно поэтому настоятельница обители воспитывала тебя иначе, отпускала домой, позволила сломать блокировку.

— Она сказала, что не знает, в чем моя особенность и не знает, что я должна сделать. Точнее, как я должна спасти мир.

— Не злись на неё, Айвири. На ней лежит печать молчания. На тебе она тоже будет.

— Но почему нельзя рассказать? Откуда эти таинственности? — спросила я и вдруг застыла, внезапно осознав нечто важное. — Я пара ликана?

Неужели Итан был прав?

— Да.

Мне срочно надо было сесть, но я даже дернуться не могла, так крепко Кандира держала за руку.

— Если отпущу, ты затеряешься в моих воспоминаниях и не сможешь вернуться, — пояснил призрак.

— И что? Я теперь... могу...

— Закон всё тот же, Айвири. Близость с мужчиной — проклятье для вас обоих.

— Тогда зачем всё это?... Ты сказала, что портал открылся из-за тебя. Ты его открыла, да? Ты же хранительница, значит ты воспользовалась ключами и открыла дверь? Обрекая наш мир на медленную смерть.

— Всё было не так, — слабо возразила Кандира.

— А как? Ты как хранительница открыла, а я должна закрыть? Так получается?

— Ты не понимаешь, Айвири, ты последняя. Больше хранительниц не будет, их и так не рождалось почти две сотни лет. Если ты не справишься, то нашему миру конец.

— Что ты сделала? — упрямо повторила я, задыхаясь от боли и страха. — Зачем?

Её лицо исказилось от муки, и она отвернулась, пряча взгляд.

— Моя гордыня виновата, Айвири. Я считала себя выше всех. Сильнее, умнее, опытнее. Хранительница, получившая в пару сына антура. Высшая власть в Ардане, да и во всем мире. Это вскружило мне голову и лишило разума.

— И что? Ты решила сразиться с демонами? Открыла портал и впустила их?

— Я была не настолько глупа. Но рядом, — тихо ответила Кандира. — Я расскажу... должна рассказать. Показать не проси. Это слишком больно.

Призрак повернулась к защищенному цепями portalу и начала свой рассказ:

— Попытки прорыва были всегда. Демоны никогда не оставляли надежды попасть в наш мир, найти способы обойти нашу защиту. А задача ликанов и хранительницы была в том, чтобы остановить их.

В тот год количество нападений значительно увеличилось, но мы не теряли боевого духа. Тогда... в то утро всё было точно так же. Как говорится, ничто не предвещало трагедии. Внутренний звоночек, который трещал каждый раз, когда на портал нападали, застал меня в комнате. В этом была еще одна моя способность, я чувствовала прорыв сразу, еще до того, как начинал бить колокол на главной башне.

Стоило мне его почувствовать, как я тут же выскочила в коридор и помчалась по личной лестнице в подвал. Моя первая ошибка... Существовал определенный порядок действий в чрезвычайных ситуациях. И я его нарушила.

— Почему? — тихо спросила у неё.

— В тот день у портала дежурил Ярил. Мне следовало доложить о попытке прорыва, следовало дождаться остальных. Хранительницы обладали большой силой, но даже нам нужна была помощь. Запомни это, Айвири. Не следует пренебрегать помощью. Никогда. Но тем утром я спустилась в тоннель одна.

Прорыв был мощным. Одним из самых сильных за последние месяцы. Цепи и замки удерживали его, но дверь чуть отстала, образовав небольшое, совсем крохотное отверстие. Но даже этого было достаточно, чтобы магия демонов начала проникать в зал. Крохотными искорками, колкими иголками, которые сияли и переливались в свете факелов. Ликаны были обучены уничтожать их, но их было так много...

Её голос дрогнул и Кандира замолчала, пытаясь собраться с силами и прогнать наступающие слёзы.

Прошло несколько долгих, томительных секунд.

— Одна попала в Ярила. Я видела это собственными глазами. Она попала в него, а едва не умерла от горя я. Он дёрнулся и снова вступил в бой, даже не поняв, что случилось, а я... я промолчала. Моя вторая ошибка. По закону я должна была сразу сообщить о произошедшем. Ярила бы забрали сестры и попытались вылечить.

— Но ты не сказала, — догадалась я.

— Нет.

— Почему?

— Я бы больше никогда его не увидела. Мы тогда не знали, как с этим бороться. И послушницы не могли вытаскивать иглы. Раньше всё было по-другому. И процент смертности был высокий. Из раненных иглой выживал всего один из десяти-двадцати...

Я поняла её. Не оправдала, но поняла.

— Ты скрыла правду.

— Да. Ярил хотел рассказать, но я не позволила. Запретила. Начала лечение сама. Я ведь была хранительницей — величайшая сила, величайшая магия. Мне казалось, что моих способностей и любви хватит, чтобы вытащить его, — произнесла девушка и замолчала.

— И что произошло? — спросила, когда молчание затянулось на несколько минут.

— Он обратился. Не умер, высшие ликаны не умирают от иглы. Это мы теперь знаем. Ярил обратился, его сердце заледенело. Он спустился в подвал и начал разрушать цепи, ломать замки.

Один за другим.

— А охрана?

— Ярил был сыном антура, наследником, и обманом отправил их наверх. Я... мы успели прийти. Оставался шанс всё изменить, но я... не смогла. Не смогла отдать приказ убить его. Восьмёрка ликанов не понимала, что происходит, что с ним, а я не смогла сказать. Всё пыталась остановить Ярила, даже поняв, что он стал монстром.

Кандира закрыла глаз и замерла, заканчивая чуть слышно:

— Остались последние цепи. Те, которые держались на душе хранительницы. И сломать их можно было, лишь убив меня... Ярил это и сделал.

— Но как? Как ликаны позволили?

— Потому что я приказала. У меня был план. Он убил меня, а я его. Вонзила отравленный кинжал в его сердце... Но это еще не всё. Умирая, я призвала Лаари. В тот момент мне казалось, что действую во благо. Что это поможет закрыть портал оставшимся восьми ликанам и спасти наш мир. Это мой зов изменил их. Умирая, я видела, как мужчины кричали от боли, совершая первый оборот. И да, это моё проклятье лишило послушниц чувств.

Это откровение стало настоящим шоком для меня.

— Ты? Это ты прокляла нас?

— Последняя хранительница. Я же говорила, что была сильной, очень сильной и знала, что и как сказать. А Лаари меня услышала. Мои эгоизм и любовь открыли портал, а теперь послушницы лишились этого. Значит, не могли больше совершать ошибок.

— Но это не помогло, — тихо произнесла я, пытаюсь осмыслить услышанное.

— Нет. С моей смертью рухнули последние цепи. Хранительницы больше не было, а обращение ликанов смогло лишь на короткий срок удержать приход демонов. Этого как раз хватило на то, чтобы создать завесу. Кровь ликанов, князей и хранительниц, — произнесла Кандира, переводя на меня больные, лишённые жизни глаза. — Ни одна из пришедших после меня не смогла закрыть портал. Ни одна.

— И ты хочешь, чтобы это сделала я? Но я не знаю как.

— Узнаешь, — шепнула призрак и вдруг толкнула меня.

Да так сильно, что я, лишившись её поддержки, со всего размаха влетела в стену и...

...очнулась в холодном пустом коридоре, сидя на полу.

Глава двадцатая

Сил не было, да и каких-либо мыслей тоже. Наверное, надо было всё хорошенько обдумать, сопоставить факты, сделать выводы. Но я не хотела. Совсем.

Медленно стащила с себя рюкзак, достала фляжку и завернутую в тряпицу лепёшку.

Два глотка промочили горло. Отложив фляжку в сторону, я стала по крохотному кусочку отщипывать лепёшку и засовывать в рот, механически жевать. Просто для того, чтобы хоть что-то делать и как-то занять голову, в которой впервые за долгое время была просто пустота.

То, что съела целую лепёшку, я поняла лишь когда в руках не осталось ничего. Даже крошек. Снова два глотка воды и... надо было что-то делать. Для начала хотя бы встать. Но как же не хотелось.

Зачем? Зачем вставать и куда-то идти? Не хочу. Лучше просто вот так остаться и, рано или поздно, но за мной кто-нибудь придёт и заберёт отсюда. Ведь еще никогда в истории послушница не погибала в лабиринтах подземелья. И я не погибну.

Посижу и подожду.

Хорошая идея, жаль только выполнить её не удастся.

Тяжело поднявшись, я вновь накинула рюкзак на спину и осмотрелась. Темнота кругом. Лишь крохотный магический светильник над головой, освещающий небольшой пяточок земли под моими ногами. Куда идти непонятно. Я совсем потерялась в пространстве.

— И куда мне двигаться? — спросила тихо и подняла голову вверх.

Может там с потолка что-нибудь упадет. Озарение какое-нибудь.

Но нет. Ничего.

Я снова постояла, оглядываясь. Никаких вариантов. Вот совсем. То путешествие в прошлое совершенно меня дезориентировало.

Раньше ведь подсказки были, намёки куда идти. А сейчас что? Неважно куда пойду, везде сюрпризы?

— Ладно, — пробормотала я, разговаривая сама с собой. — Пойду... туда... Или сюда?

Я застыла, даже дыхание задержала, пытаюсь хоть что-нибудь почувствовать или услышать.

Сначала ничего не происходило.

А потом я услышала мелодию и чей-то шепот. Совсем невнятный, чуть слышный. Но хоть что-то в этой тишине. Это обнадеживало.

Значит идём на голос, поэтому поворачиваем направо.

Я медленно двинулась вперёд, то и дело касаясь пальцами шершавой стены.

А голос звучал всё громче и чётче. И уже можно было распознать мелодию. И когда я её узнала, то даже застыла на мгновение.

Колыбельная. Мне её няня пела, когда я была маленькая.

«Спи, малышка, баю-бай,

Глазки быстро закрывай...»

Но голос был не няни, а совсем другой. Но почему-то стоило мне прислушаться получше, как сердце замерло и забилось быстрее, готовое в любой момент выскочить из груди. Я пошла еще быстрее, а там впереди уже показался конец коридора. Большое светлое пятно, которое с каждым шагом становилось всё больше.

На этот раз вход загораживали не лианы, а светлая вуаль. Я застыла у входа, нерешительно коснувшись лёгкой ткани. Мне страшно хотелось войти внутрь и в то же время ноги будто приросли к земле. Я ведь знала, что увижу там, но так боялась поверить.

Осторожно отвела в сторону вуаль и вошла внутрь.

Эту комнату я знала. Когда была маленькая часто прибежала сюда, падала на большую кровать и

зарывалась носом в подушки, пытаюсь уловить её запах, хоть какие-то нотки или отголоски. И даже внушала себе, что у меня получалось.

Сразу после моего отъезда в обитель княгиня приказала вынести из покоев всё. Ничего не оставила.

Но сейчас здесь было всё так, как я помнила. Даже крохотная деревянная люлька, обтянутая розовым шелком, стояла на том же самом месте у большого окна.

Молодая женщина с волосами цвета тёмной вишни сидела ко мне спиной и продолжала тихо напевать колыбельную, поглаживая большой округлый живот, обтянутый светлой тканью платья.

Ком застыл у горла, а на глаза навернулись слёзы, когда сорвавшимся голосом я прошептала чуть слышно:

— Мама...

Это действительно была она. Моя мамочка. Княгиня Нея, первая и любимая жена князя Рогнара. Сомнений не было никаких. Мало того, что мы с ней были похожи, так еще я хорошо помнила портреты, которые раньше украшали стены замка. До того, как мачеха приказала от них избавиться. Где-то после появления брата. Рождение наследника дало ей право распоряжаться всем в замке и уничтожить последние напоминания о своей предшественнице.

— Мама... мамочка, — шептала я, делая нерешительные шаги вперёд, больше всего на свете мечтая коснуться.

Даже руку с дрожащими пальцами протянула, но всё было бесполезно.

В этом мире я была призраком, бесплотным духом, которого нельзя было услышать или увидеть.

Она продолжала сидеть на мягком диванчике, заботливо поглаживая живот и напевая колыбельную. В её глазах было столько любви и нежности, что у меня защипало, а слёзы сами потекли по щекам.

— Именно княгиня помогла тебе появиться на свет, — произнесла, появившаяся из ниоткуда Кандира.

— И что это означает, кроме очевидного? — не отрывая взгляда от родного лица, спросила я.

— Хранительнице сложно появиться на свет. Избранную Лаари сложно выносить. Слишком много сил требуется. И мать должна любить своего не рождённого малыша, больше всего на свете, больше собственной жизни. Кроме того, такой ребёнок становится единственным.

— Я убила её, — глухо прошептала в ответ.

— Нет. Не ты виновата в её смерти. Княгиня просто не смогла пережить правду. Но она любила тебя. И никогда ни о чём не жалела.

— Зачем ты мне это показываешь? Для чего? Еще одно испытание?

— Нет, всего лишь подарок. Ты же всегда мечтала увидеть её. Я дала тебе эту возможность.

Это разозлило. А может просто нашелся способ выплеснуть ту боль, что сейчас душила, когда я смотрела на свою мать.

— И что теперь? — резко спросила у неё, переводя взгляд. — Я должна разрыдаться от счастья и благодарности и пойти как жертвенная корова на алтарь, полная благоговения и восторга?!

— Не должна. Мало того, мне это не нужно, — отозвалась Кандира.

Щелчок пальцами и всё исчезло.

Комната, залитая ярким солнечным светом, дорогая мебель и мама... Только тихий голос еще долго звучал в моей голове.

Снова тёмный коридор и крохотный источник света над головой. Только в этот раз призрак осталась, нависая надо мной.

— Ты можешь сопротивляться, можешь не соглашаться, но будущего не изменить. Ты хранительница и совсем скоро отправишься в Ардан. Тебе надо лишь переступить границу, чтобы почувствовать его.

— Кого? — раздражённо спросила я, поправляя дрожащими руками волосы.

— Не кого, а что, — с усмешкой отозвалась девушка. — Портал. Он будет звать тебя. Днём и ночью и даже кристалл не спасёт. И ты не сможешь противиться этому зову, как и притяжению к ликану.

— Нет!

Кандира закружилась вокруг меня, обдувая прохладным ветерком.

— С тобой всё иначе. Во всём. Вроде и хранительница, но неправильная, другая. Может это и к лучшему. Как и два ликана, что признали тебя своей парой.

Вот только этого не хватало. Я вздрогнула, резко поворачиваясь и встречаясь взглядом с глазами призрака, которая застыла с насмешкой разглядывая меня, наслаждаясь моим замешательством.

— Д-два?

Пусть мне это послышалось. Пусть это будет неправдой.

— Они так думают.

Станный ответ.

— Разве такое возможно?

— Мир меняется, слишком давно не рождалась хранительница, а ты как соблазн, лакомый кусочек для любого ликана. Они сами могут этого не понимать, принимая это притяжение за нечто большее.

Грядущая перспектива шарахаться от каждого северянина не очень вдохновляла, а даже пугала.

— Это как-то можно остановить?

— Позволь ему охранять тебя... приблизь к себе, — посоветовала Кандира.

И я сразу поняла, о ком она говорила.

— Это неправильно. Послушница не должна намёка давать на что-то большее. Это запрет.

— Он сильный... Ларкас, — девушка хрипло рассмеялась. — Проклятье или проведение, что именно ему ты обещана парой? Потомок младшего брата Ярила... Такой похожий на него и такой чужой. И ты тоже...

Я совсем запуталась. И каждое слово сбивало всё сильнее.

— Я не буду делать этого.

Даже сама мысль об этом казалась кощунством.

— Всего лишь намёк, который не перейдёт за запретную черту. Спорить с сыном антура не посмеет никто. Его защита спасёт тебя от опасности, — продолжала шептать Кандира, снова закружившись вокруг меня.

Так быстро, что перед глазами всё поплыло.

— Они такие разные. Свет и тьма. Покой и опасность. Мир и война. Кого выберешь ты?

— Никого! — резко выкрикнула я. — Никогда!

— Помню каждое прикосновение Ярила, каждый поцелуй, каждую близость...

Я едва не задохнулась. Она... на что намекает?

— Раньше всё было иначе, Айвири, — хрипло рассмеялась Кандира мне на ушко. — Я ведь говорила тебе об этом, помнишь? И посвящение было иным... хочешь покажу?

— Нет! — выкрикнула я и замотала головой.

Не хочу! Хватит прошлого!

— Врёшь! — захохотала она, схватила за руку, и я зажмурилась от яркого света переноса, который ударил прямо в глаза и почти сразу исчез.

А когда смогла видеть, то поняла, что нахожусь на лесной полянке. Мягкая зелёная трава под ногами, усыпанная пёстрыми цветами, аромат которых кружил голову и щекотал ноздри.

С одной стороны лес, а с другой густые высокие камыши, за которыми сверкала в свете ярких гладь реки.

И что это значит? Куда она меня притащила? И главное зачем?

В следующую секунду вдруг послышались голоса и на полянку выбежали девушки. Сосчитать не успела, но явно больше двух десятков. А то и все три. С распущенными волосами, одетые в длинные белые платья с венками на головах. Среди них я узнала и Кандиру.

— Остановись, — тихо, но твёрдо произнесла я, отворачиваясь и смотря в звездное небо над головой.

— Почему? Неужели ты не хочешь узнать, как всё было раньше? — возникнув передо мной спросил призрак. — Как послушницы жили... любили?

— Нет, — твёрдо заявила я.

— Боишься?

От её насмешливого тона внутри всё встрепенулось и тут же опало. Нет, я не позволю себя спровоцировать.

— Не вижу смысла. Зачем смотреть на то, чего ты нас лишила. Зачем я должна наблюдать за тем, как ты делаешь всё то, что не могу я и все остальные? Хочешь, чтобы я завидовала тебе, восхищалась, восторгалась? Так этого не будет!

— Уверена? — возвышаясь надо мной, спросила послушница.

Кажется, мне удалось её разозлить. Не то, чтобы я добивалась этого. Но если честно, просто устала, что со мной играют, провоцируют и выводят из равновесия. Сейчас, когда чувства вернулись, сдерживаться было всё сложнее. И эта игра сильно раздражала, особенно, если учесть, что правила я не знала.

— Я же сказала, что да.

— Твоё право, Айвири, — не стала отговаривать меня Кандира.

Опять вспышка и снова тёмный коридор.

— Тогда иди дальше одна, — обдав меня холодом, произнёс призрак и влетел в противоположную стену.

Наступила тишина.

Я некоторое время постояла, приходя в себя, а потом поправила рюкзак на плече и пошла вперёд.

Ничего, не страшно. Это просто коридор, и он гораздо лучше этих непонятных видений, странных фраз и призраков, которые с моей помощью хотят спасти мир, что уже невозможно спасти.

Я всё шла и шла вперёд.

Развилка, вторая, третья. И всё тот же безликий коридор и темнота со всех сторон. Интересно, как там девочки? Что за испытания устроила им Лаари и послушницы?

Пару раз мне приходилось останавливаться, чтобы сделать глоток воды и немного промочить горло. Тишина действовала на нервы, ноги страшно устали и больше всего хотелось присесть и просто отдохнуть. Но для этого надо было найти хоть что-то, что напоминало бы пристанище. А оно никак не находилось. Именно поэтому я шла и шла.

— Должно же это когда-нибудь закончиться, — бормотала я, стирая ладонью пот, который тёк по лицу.

Может, не стоило прогонять Кандиру. От неё был хоть какой-то толк и информация. А теперь ходи, броди без толку. Мне даже показалось в какой-то момент, что я просто хожу кругами.

Зато была возможность подумать обо всём, осмыслить и принять. Жаль только, что найти выход это не помогало.

Нет, я не прониклась идеей своего величия и не загорелась возможностью одной спасти мир. Это

было просто невозможно. Даже если я хранительница, одна сделать ничего не могла. Дело не только в том, что у меня не было знаний, а в том, что одна послушница не сможет добраться до портала, пробить к нему дорогу и выжить. Для этого и нужны были связи.

Значит, надо принять всех шестерых. Принять, понять и стать лучшими.

— Хорошо, что ты это понимаешь, — вдруг раздался шёпот откуда-то сбоку.

Это было так неожиданно, что я оступилась и едва не упала, успев опереться о стену.

— Ты вернулась? — осторожно поинтересовалась у неё, оглядываясь.

Голос есть, призрака нет.

— Верно мыслишь. Без связи ты ничего не сделаешь. Поэтому ты должна принять их.

— И что это значит? — продолжая путь, спросила я.

— Скоро узнаешь.

— Ты издеваешься?

Тихий смех и спокойный ответ:

— Очень скоро будет то, что ты так ищешь.

— Выход? — усмехнулась я, не слишком веря в такую возможность.

— Возможность отдохнуть.

— И то неплохо.

И действительно, стоило мне свернуть в сторону, как коридор вдруг расширился, и я оказалась в небольшом круглом помещении с каменными колоннами, в центре стоял стол с какой-то чашей, в которой была тягучая серебряная жидкость, а рядом удобный мягкий диванчик с подушками. Надо же, какой неожиданный комфорт после стольких часов пустого и безликого тоннеля.

Стоило мне войти, как по всему периметру загорелись магические светильники, желтым светом освещая всё вокруг. Но Кандира не появилась.

Я быстро подошла к диванчику, на который тут же плюхнулась, со стоном вытягивая ноги и бросив рюкзак рядом с собой на землю.

— Как же хорошо, — выдохнула я, откидываясь на подушки и чувствуя, как болезненно ноют мышцы спины.

— Отдохнёшь или начнём? — возникая передо мной спросила девушка.

Я даже не испугалась. Наверное, привыкла.

— Начнём что? — потирая занемевшее колено, спросила у неё.

— Не ты ли сетовала на то, что ничего не знаешь о работе послушницы в связке? Так вот сейчас начнётся первая стадия твоего обучения.

Звучало не очень хорошо. Да, я знала, что это надо и ждала, но сейчас вдруг испытала сомнение.

— Я бы немного отдохнула, — призналась ей. — Для этого ведь понадобятся силы, не так ли?

— Не физические, а больше эмоциональные.

— Тем более.

— Не переживай, тебе будет легче. Связь уже сформировалась, остались детали.

— Угу.

Я помнила ту нить, которую видела, когда лечила Блейна.

— Позови, когда будешь готова, — произнесла Кандира и исчезла.

Наклонившись я поставила рюкзак рядом с собой. Достала еще одну лепёшку и фляжку с водой. Еда заняла у меня гораздо больше времени, чем надо было.

Стряхнув крошки с пальцев, я сделала еще один глоток и застыла, не зная, как быть дальше. Еще посидеть или всё-таки позвать Кандиру? Ведь оттягивать смысла уже не было.

— Опустит руку в чашу, — велела она, вдруг возникнув передо мной.

— Какую руку? — уточнила я, закатывая рукава на обоих.

— С меткой, конечно. Погрузи её, чтобы она скрылась.

— Хорошо.

Пожав плечами, я опустила руку в чашу с прохладной вязкой жидкостью так, как она сказала. Но стоило метке скрыться, как всё тело пронзила острая боль.

Попыталась выдернуть руку, но не смогла. Серебряная жидкость вдруг застыла, закаменела, намертво удерживая руку и боль от неловкого движения только усилилась.

— Что? Что это? — прохрипела я и застонала.

— Начало пути, — отозвалась Кандира, приближаясь так близко, что наши лица почти соприкоснулись. — Не сопротивляйся. И будет легче.

После чего дунула на меня ледяным дыханием. И холодные снежинки, сорвавшиеся с её губ, попали в нос, горло, глаза, мгновенно дезориентируя.

Своё дальнейшее состояние сложно описать. Я вроде в обморок не упала, но и в сознании тоже не находилась. Какое-то пограничное состояние, между сном и явью, настоящим и прошлым.

Но плюс в этом был и довольно большой. Я перестала чувствовать боль.

А дальше всё закрутилось, завертелось, замелькало. Я видела перед собой послушниц и ликанов. Следила за их манипуляциями и запоминала. Ведь именно ради этого всё и было сделано, чтобы я увидела и смогла потом повторить.

Вот те самые магические перчатки, а это заклинание проникновения и так далее. Столько всего и не забыть бы. Я запрещала себе останавливаться даже на секунду. Если хоть немного отвлечься, то обязательно упущу что-то важное и нужное. Поэтому мне оставалось только фиксировать и молчать.

Время остановилось в момент, осталась лишь я и знания, которые впитывались как губка.

А потом всё резко закончилось.

Откинувшись на спинку дивана, я прижала ноющую руку к груди и замерла, задышавшись и жадно приоткрывая рот, пытаясь надышаться, и всё никак не могла. Лёгкие горели огнём и перед глазами полыхали красные круги.

Из глаз брызнули слёзы, которые я глотала, пытаясь прийти в себя.

— Ты быстро, — произнесла Кандира.

Как же в этот момент хотелось послать её куда-нибудь и желательно как можно дальше. Но я просто открыла глаза, не мигая на неё уставившись.

— Это всё? — сипло переспросила я. — Или еще есть чем меня помучить?

— Взгляни на свою метку. Она изменилась.

Я опустила взгляд, рассматривая покрасневшую печать на руке. Действительно, рисунок поменялся, появились острые углы, тёмные линии, которых раньше не было. Изменилась и центральная фигура. Раньше это был цветок, теперь шип.

— Знак Ардана, — прошептала я, проведя дрожащими пальцами по покрасневшей коже, и болезненно сморщилась.

Неприятные ощущения. Словно я руку в кипяток засунула.

Ну что ж, теперь я официально принадлежу ликанам. Весь следующий год.

— Все знания теперь в печати. Тебе лишь стоит обратиться, и она поможет тебе.

Я кивнула.

— И что теперь?

— Тебе надо отдохнуть.

Ну уж если призрак советует мне отдохнуть, то дальше скорее всего ждет нечто еще более сложное и опасное.

— Для чего?

— Тебя ждет сама привязка.

Я молчала некоторое время, изучая колонну, что находилась напротив, после чего спросила:

— С ликанами?

— Да. С каждым из них. Ты необычная послушница, Айвири, и должна будешь найти баланс.

— Между чем и чем?

Страшно хотелось пить. Но для того, чтобы утолить жажду, надо было поменять положение, дотянуться до фляжки, открыть крышку и поднести её к губам. А у меня сейчас силы были лишь на то, чтобы просто сидеть и дышать. Значит жажда пока подождет.

— Собственным я, что вырвалось из блокировки, и сознанием своей связки.

— И как это будет происходить? — спросила я, не особо рассчитывая на то, что она ответит.

Любительница тайн и загадок, Кандира вполне могла помучить меня, давая еще более запутанные ответы.

— Ты должна будешь принять каждого. Стать частью целого. А они должны будут принять тебя.

— Находясь на поверхности? — уточнила у неё. — Или их тоже выгнали сюда?

С одной стороны, я была не против встретить тут кого-нибудь живого. А с другой стороны, та блондинка явно была настроена недружелюбно.

— Отдыхай, — произнесла девушка и исчезла, оставив меня в одиночестве.

Может это и к лучшему. Извернувшись, я легла на диван, вытянув ноги и закрыла глаза. Даже жажда не выдержала и уступила место усталости. Совершенно незаметно для себя я провалилась в сон.

Глава двадцать первая

Моё пробуждение сложно было назвать приятным. Все тело ныло и болело. Шея, руки, ноги — каждая клеточка буквально вопила о боли. В добавок ко всему огнём горела метка на запястье и еще страшно хотелось в туалет. Зря я столько много пила воды в туннеле. Не всё вышло с потом.

И что теперь делать?

Тяжело поднявшись, я медленно двинулась вдоль колонн, пытаюсь найти место для удовлетворения своих потребностей. Мне повезло. За одной из них обнаружилась неприметная узкая дверь, ведущая в крохотную комнатку, где было всё необходимое.

Через пару минут я вернулась к диванчику и с тяжелым стоном села. Снова захотелось пить.

Всего один глоток, и я легла на диван, подложив рюкзак под голову и закинув ноги на подлокотник. Можно было достать плед, но сил не было.

Опять потянуло в сон, словно я и не спала вовсе. Так как Кандира еще не появилась, я решила не противиться желаниям и закрыла глаза. Правда уснуть не получалось.

Хотелось домой. Не в обитель, а домой. В замок. К отцу, брату... я сейчас была бы рада даже мачехе и сестре. Вновь гулять, бегать с ребятнёй за ягодами. Ароматными, пропахшими летом и солнцем, такими сладкими и терпкими.

А в Ардане нет ягод. И лета нет. Я и не заметила, как фантазии перенеслись в заснеженную страну. А следом появились и мысли. Не мои... будто чужие. Вот только поняла я это не сразу.

Снега всегда много. В некоторых местах можно нырнуть с головой. И детвора нашла себе забаву, строя снежные крепости-норы со множеством ходов и башенок.

И дома строили крепкие из толстых стволов сосны, да так, чтобы печка была посредине, согревая весь домишко. Не простая, магическая. Пару капель солнечного масла хватало на сутки. А спать на ней хорошо и тепло, каким бы страшным не был мороз на улице.

И картинка такая яркая перед глазами. Большой домик, который был срублен к свадьбе. Я помнила, как сама лично конопатила щели и таскала брёвна. Только как такое возможно?

И снег такой яркий, на солнце слепит глаза и надо время, чтобы привыкнуть. А еще он колкий, острый и даже можно пораниться о твёрдую корку, которая иной раз покрывала всё вокруг.

Ликанов при рождении принято оттирать снегом, чтобы здоровее были. Отец брал новорожденного и подносил к чаше, в которую уже набрали с улицы снег, нагребал ладонью и начинал протирать под жалобные крики младенца.

Я видела это, так, словно это было наяву. Трижды мне приходилось пройти через это. Большие сильные руки и синюшное, покрытое белым налетом, тельце ребёнка. Слова, которые сами срывались с моих... его губ, когда я возносила благодарственную молитву Лаари.

И женщину я помнила — дородную с румяными щеками и светлыми глазами. Она всегда улыбалась, всегда находила во всём что-то хорошее, не позволяя тоске овладеть сознанием. Возвращаясь, он всегда знал, что её любовь и сила не дадут сойти с ума.

Жена. Он помнил её смех, голос, ласку, прикосновения к косматой голове, такие нежные и ласковые. Нежная молочная кожа, полные груди, мягкий живот, возбужденный шепот...

А потом вдруг всё пропало.

— Лаари, — выдохнула я потрясённо и села на диване, забыв об усталости. — Ч-что это?

Как такое возможно? Что это? Почему?

Эти картинки и воспоминания, которые вдруг стали моими, хотя этого быть не могла, напугали гораздо больше тех ледяных демонов вначале. То я хоть объяснить могла, а как быть с этим?

«Прости, — раздался в голове виноватый бас. — Закрыться не успел. Быстро-то... быстрее остальных. Не бойся, теперь всё чинно будет...»

Узнала. Кaleb, тот мощный ликан с бородой, украшенной косичками. Это его воспоминания я сейчас видела. Домик, жену и детишек.

Несмотря на боль, я приложила метку к груди.

Вот она... связь. Пять тонких ниточек, что тянулись от меня к связке. И если раньше я их не замечала и не чувствовала, то теперь всё было иначе. Процесс был запущен и мне предстояло познакомиться с каждым.

Одна из ниточек, чуть более толстая чем остальные, нагрелась и чуть натянулась.

Калёб...

Ликан в облике бурого медведя, шерсть которого на кончиках покрывалась инеем и шуршала от каждого движения. Самый старший и опытный из всех. Именно он потянулся ко мне раньше остальных.

«Легла бы, — посоветовал он добродушно. — Чую, устала. А дело предстоит долгое и нудное. Да времени много займет».

Спорить не стала, легла и закрыла глаза, мысленно готовясь к путешествию в чужую жизнь.

Следующие образы были более выдержанными, спокойными и статичными. словно заготовленные картинки, которые из года в год он показывал послушницам, пытаясь облегчить им переход. Наверное, так и было. Зачем придумывать что-то новое, когда давно всё заготовлено.

Человеческая форма, а следом и вторая ипостась, которой выделялось намного больше времени. Калёб словно давал мне возможность оценить себя, рассмотреть, познакомиться и привыкнуть.

И ни единого упоминания жены и детей. А я ведь узнала, как её зовут. Сиенна и у них два мальчика и одна девочка. Младшей всего два годика, и она так похожа на мать. Солнечный лучик в самом сердце стужи, которая не давала ему отчаяться и пасть духом.

Видимо мои мысли дошли до него, потому что картинки вдруг замедлились и совсем остановились, а после и совсем пропали, оставив после себя лишь досаду и волнение.

— Ты не должна была этого видеть.

Но я-то увидела, отхватила кусочек чужих эмоций и чувств, таких ярких и настоящих, что они до сих пор пузырились, щекоткой лаская всё внутри. И эти ощущения были такими живыми, что расставаться с ними не хотелось.

— Почему?

— Ты послушница.

Из его уст звучало как прокаженная.

— И что? Я отлично знаю, что происходит за закрытыми дверями супружеской спальни, — без обиняков произнесла я и даже не смутилась, хотя разговор был очень личным и откровенным. — И не раз принимала роды. У нас это делают целительницы или лекари, а у вас...

— Отцы. Отцы всегда принимают детей. Без повитух не обойтись, но мы всегда участвуем, — не хотя пробасил Калёб. — Так принято.

— Вы обтираете младенцев снегом. Разве это правильно? Он же холодный, колючий, а кожа малышей такая нежная, тонкая. А если заболит?

— Холод и снег — это часть нашего мира, Айвири. Мы с рождения знакомим новорождённых с ними. И это помогает успокоить и усмирить вторую личину, усыпляя на время.

— А потом? Когда она просыпается?

— В три-пять лет. Редко позже.

— Ты скучаешь по ним?

Личный вопрос и задавать его я не имела права. Раньше. А сейчас... сейчас вдруг поняла, что могу. Очень многое могу из того, что было запрещено раньше. И ниточки чувствовала ярко-ярко. Стоит потянуть, дернуть и отзовутся, услышат.

Калёб ответил не сразу, помялся немного, прежде чем тихо произнёс:

— Всегда.

Кажется, я всё-таки поспешила с откровенностями.

— А мы всегда будем так общаться друг с другом?

Мысль о том, что я буду одновременно слышать столько народу, счастья не внушала. Так с ума сойти можно, потеряться.

— Это первое время так. Метка только поставлена и закрываться ты не научилась. Тебе должны были показать.

Да было что-то такое, я помнила. Сейчас еще смутно, но точно знала, стоит мне коснуться метки и попросить, память откроется.

— Да.

Снова тишина и задумчивый голос добавил:

— Ты не похожа на других. Это не первое посвящение и надеюсь, что не последнее. Но ты ведешь себя иначе. Не кричишь, не рыдаешь, не боишься, не молчишь.

— Все мои страхи и ужас были пережиты неделю назад, — ответила ему. — Сейчас уже не боюсь. Знала, что всё этим закончится.

Правда не догадывалась о должности хранительницы и Кандире, но это совсем другая история, не имеющая к ликанам никакого отношения.

— Всё равно быстро управилась, — уважительно протянул Калеб. — Сильная.

Уже не в первый раз слышала я этот комплимент. А что делает меня сильной? Способность адаптироваться? Или чувствовать? Наличие пары в лице одного из двух ликанов? Или жизнь рядом с отцом, несмотря на запреты писания?

Я своей силы не чувствовала. Как была, так и осталась обычной послушницей, избранной Лаари для борьбы с ледяными демонами.

— А как обычно это происходит? — спросила осторожно.

— Что?

— Посвящение, знакомство.

Было странно так с ним разговаривать. Слышать голос не ушами, а внутренним чутьем. Не видя его, да и вообще глаза закрыв. Да еще и лежать при этом.

— Подожди.

Давление чуть спало. И темнота перед глазами рассеялась, явив тусклое, немного замыленное и расплывчатое изображение ликана.

— Больше не могу, уж извини. Но так хоть образ будет.

— Спасибо, — улыбнулась я. — Так действительно лучше.

— Обычно... обычно сложно, — усмехнулся он.

— В Ардан мало кто мечтает попасть. Мы даём возможность познакомиться, показываем вторые личины и оставляем девушку на пару дней.

— Зачем?

— Личная встреча сразу после посвящения может свести с ума. Тебе надо будет подготовиться.

— Ах да, ты говорил. И что теперь?

Очередной смешок.

— Жди следующего. Себя я уже показал.

Мигнул и пропал.

Ждать пришлось дольше, чем я думала. Сложив руки на груди, я вслух считала от одного до бесконечности, надо же было себя чем-то развлечь.

На цифре двести семьдесят девять нехотя задержалась вторая ниточка. Дёрнула и отпустила, словно и не было ничего. Но я-то почувствовала и счет остановила, прислушиваясь и пытаюсь понять, кто же следующий пришел знакомиться. Честно говоря, из оставшихся самым безопасным был Феб.

Но что-то внутри говорило о том, что это не он, уж слишком сильным напряжением вдруг повеяло, а в следующую секунду в меня швырнули эмоциями.

Я едва не задохнулась под этим напором. Задрожала, закрылась руками, словно это могло помочь и болезненно замычала. Ликан даже не думал закрываться, наоборот всё новые и новые картинки и образы штурмовали сознание, пытаюсь свети с ума.

— Джил, — прорычала я из последних сил и коснулась метки, пытаюсь сквозь призму боли найти нужное заклинание.

Но не понадобилось. Мой окрик немного привёл её в чувство и хаос закончился. По крайней мере, я смогла выдохнуть и хоть немного осмотреться.

— Ну как тебе?

Извиняться она не собиралась.

О, Лаари, что за связка меня ждет? Два ликана, возомнившие себя парой, причем один ненормальный, едва до смерти не замёрзший, и девушка, которая ненавидела меня всем сердцем.

— Терпимо, — процедила я.

— Пусть и справилась ты быстрее остальных, но сил в тебе мало, — фыркнула она. — Вот я, смотри.

Картинки замедлили свой бег, давая мне возможность взглядеться. Дикая кошка размером с лошадь. Острые ушки, длинный хвост и белая шерсть, которая искрила и сияла на солнышке. Чуть раскосые глаза, хорошенький чёрный носик и грациозная походка.

Но не это привлекло меня. Всего лишь фасад, красивый, но фасад, за которым девушка прятала что-то ценное и очень важное. И выждав удобный момент, я ринулась туда, игнорируя мысленный вопль Джилии.

— Не смей!

Дернулась, коснулась и ахнула от боли. Только не моей, а её.

Вот что девушка так тщательно прятала от всех. Любовь к тому, кто отказывался замечать её чувства. И боль от этого безразличия.

Джиллия была влюблена в Итана Ларкаса.

Ох, Лаари, всё стало намного хуже, чем я думала.

— Пошла вон! — рявкнула девушка, выталкивая меня из своего сознания, да я и не сопротивлялась.

Уже сама жалела и кляла себя за неуёмное любопытство. И что мне спокойно не сиделось? Вот узнала и что теперь делать с этим открытием?

— Извини, — прошептала тихо и поёжилась от холодка, который мурашками пробежался по коже.

— Скажешь кому — убью.

И не посмотрит на то, что я послушница. От её ненависти было трудно дышать и одна мысль провести с ней в связке целый год, вызывала тошноту. Нет, точно не сработаемся.

— Это останется между нами, — пообещала едва слышно.

Её трясло.

Я не видела, чувствовала и так хотелось помочь, чем-то утешить. Ведь могла же, особенно сейчас, когда мы были так связаны. Потянуться по ниточке и утешить, пожалеть.

— Не смей! — процедила девушка и перед глазами снова возникла огромная кошка. — Никогда не смей меня жалеть!

Да, мне надо привыкнуть к тому, что женщины ликаны так же жестки и горды, как и мужчины. И общаться с ними надо соответственно, не делая поправку на пол и возраст.

— Послушай, — примирительно начала я. — Нам надо научиться как-то уживаться этот год. Ведь придется работать бок о бок.

Молчание. Только кошка перед внутреннем взором застыла, припадая на лапы и оскалив зубы, от чего шерсть на загривке встала дыбом.

— От этого будут зависеть наши жизни, — продолжила я всё тем же тоном, пытаюсь достучаться до неё.

Надо сейчас всё выяснить и успокоиться. Иначе дальше будет только хуже.

— И не только наши.

Конечно, она в первую очередь подумала об Итане и зарычала еще сильнее.

— Джиллия, посмотри на меня. Я послушница, избранница Лаари. Мы никогда не сможем быть вместе.

Снова рыкнула и отвернулась.

— Ты его интересуешь, — произнесла она сдавленно.

— Это было давно, — не слишком уверенно возразила я.

— Сейчас! Я же вижу. Это всегда видно, когда тот, кого ты любишь больше жизни, выбирает другую. Он может сам этого не осознавать, но я чувствую! И что в тебе такого?

— Не знаю...

— Еще и в связке теперь будешь. Я же молила Лаари, чтобы не ты. Кто угодно, но только не ты.

— У богини на нас другие планы. И нам остаётся лишь одно, смириться с этим и выполнять её волю, — примирительно добавила я.

— Он будет страдать! Из-за тебя. Видеть и страдать, каждый день и час!

— Скажи мне, что я должна сделать, чтобы облегчить его участь? Как помочь?

Кошка застыла и постепенно её образ зарябил и деформировался в уже знакомую светловолосую девушку.

— Ты ничего не можешь.

— Никто не может, — подтвердила я. — Но я не хочу никому причинять боли. Ни тебе, ни Итану.

— Лучше бы ты заледенела! — от всего сердца пожелала мне девушка.

Пришлось проглотить и это.

— Но я жива. И год буду рядом. От меня зависит ваша жизнь, от вас моя. Нам стоит соблюдать нейтралитет, отбросив чувства. Хотя бы на год, — продолжила я упрямо стоять на своём.

— Я и без тебя знаю, что мне делать, — отрезала Джил. — Не первое посвящение прохожу. И свои обязанности знаю. Я лучше умру, чем подвергну риску свою команду. И тебя переживу. Но на помощь не рассчитывай!

Образ девушки растаял, а я смогла выдохнуть.

Ох, Лаари, как же всё сложно.

Отдохнуть мне не дали. Только я смогла отдышаться и прийти в себя, как тут же задёргалась следующая ниточка.

— Привет!

Увидев перед глазами улыбающееся мужское лицо со светло-зелёными глазами я вздрогнула и от неожиданности прикусила язык.

— Ой.

Рот тут же наполнился слюной, которую я, сморщившись, проглотила. Гадость!

— Прости, не хотел тебя пугать.

А по глазам не скажешь. Сразу видно, что ему понравилась моя реакция и Феб не против её повторить.

Молчание затянулось. Он изучал меня, а я его.

— И что теперь? — спросила я первой, не выдержав эту игру в молчанку.

— Не знаю, — вновь улыбнулся ликан. — Обычно я представлялся, показывал себя и вторую ипостась. Но сейчас в этом смысла нет. Ты меня знаешь, барса моего видела.

— Когда? — спросила быстро, не успев подумать.

— Когда лечили Блейна.

Точно, было же. Я еще морды его испугалась. Кстати, о Блейне.

Я мысленно потянулась к нему, осторожно всматриваясь.

— Вы родственники? — напрямую спросила я и тут же юркнула в лазейку, которая открылась.

О да, как оказалось доводить я умела и находить болезненные точки. Никогда об этом не думала, но один раз попробовав, было так сложно остановиться. И Феб сам меня спровоцировал.

Да, они родственники. Их матери были сестрами, но каждая пошла по своему пути. Одна стала женой обычного ликана, другая пришлось по сердцу высшему. И такие похожие и близкие, они стали такими разными.

Всегда второй. Всегда и во всем.

Младше на три месяца, чуть слабее, чуть не благороднее, чуть... Как ни старался, Феб никак не мог доказать себе, что ничуть не уступает родственнику.

Молодой мужчина был сильным, ловким и хорошо уживался в связке, но эта детская обида и лёгкая зависть не давала ему покоя. Как и мысль о том, что тем днём Блейна надо было оставить там... покончить с мучениями и оставить.

— Хватит!

От весёлости и легкомыслия не осталось и следа. На меня смотрели два желто-зелёных глаза. Казалось еще немного и они заморозят до костей. Но я не боялась, даже не смутилась.

— Ты не виноват, — произнесла я, с трудом сдерживаясь, чтобы не коснуться его.

Пусть мысленно, но так хотелось утешить, помочь, ободрить.

— Я сказал не смей.

— Ты не желал его смерти, те мысли просто мысли.

— Он мой родственник, близкий. Я должен был требовать, кричать, а не стоять рядом, наблюдая, как Итан тянет его. Тянет несмотря ни на что.

Слова давались ему с трудом. Было видно, что он в первый раз говорит с кем-то об этом. И до сих пор не уверен, что это правильно.

— И сравнивать себя с Блейном не стоит. Вы разные.

— Я заметил, — кисло отозвался он.

— Ты не понял. Вы на самом деле разные. Ни лучше, ни хуже. А другие. И тебе не обязательно равняться на него и пытаться опередить.

— Решила покопаться в моей голове и душе? Думаешь сможешь?

— Просто хочу помочь, — ответила я, вновь теряясь под его взглядом.

Он стал слишком пристальным, колким. Теперь пришла очередь Феба пробираться до самых косточек, вот только скрывать мне было нечего. Никаких тайн и загадок. Просто послушница.

— Что в тебе такого? — спросил он.

— Ты уже третий, кто меня об этом спрашивает сейчас. И, наверное, не последний, — отозвалась я.

— Ты знаешь о том, что заинтересовала Итана и Блейна?

— Я послушница.

— Именно поэтому это тебя спасет от открытой борьбы.

— Никакой борьбы не было и не будет.

— Чаще напоминай себе об этом, — серьёзно произнёс молодой мужчина. — Наша связка и так сильно ослабла, не уничтожай ничего. Не сталкивай их лбами. Всё равно ничем хорошим это не закончится.

Сказал и растаял.

Я села на диванчике, открывая глаза и щурясь от яркого света.

Осталось два ликана. Два самых сложных и опасных...

Итан и Блейн. Кто же первый придёт ко мне. И что делать тогда, как себя вести?

Стоило мне об этом подумать, как осторожно дернулась одна из двух ниточек.

Я тут же легла на спину, закрыла глаза и закусил губу.

Выдержу, смогу...

Он приближался медленно, осторожно, давая почувствовать себя, ощутить и... встревожиться еще сильнее, до боли сжимая кулаки.

— Здравствуй, Айвири.

— Блейн.

Я очень старалась, чтобы голос звучал спокойно, пыталась скрыть эмоции и недовольство, а еще капельку страха, но не удалось.

Мы очень остро чувствовали друг друга. Я его, а он меня. Даже немного острее, чем было с остальными. Может, из-за того, что я спасла ликана от ледяной смерти. А может дело в том, что он считал меня своей парой.

Кандира сказала, что им станет один из двух. Кто же? Блейн или Итан? Хотя какая мне разница, ни к чему хорошему этот выбор не приведёт. Может, даже к лучшему, что я никогда не узнаю правды. Будет потом не так больно.

— Ты не рада меня видеть?

Ликан всё еще стоит вдалеке и в окружающем тумане я вижу лишь его силуэт. Высокий, стройный, молодой мужчина в плаще с непокрытой головой.

— Отчего же. Я знала, что ты придёшь. Ты же в связке.

Пока...

А в ответ раздался тихий смех, от которого по телу прошла дрожь.

— Всё еще не отказалась от мысли избавиться от меня, Айвири?

— Я предупреждала тебя.

Ох, Лаари, поскорее бы все закончилось.

Резкое движение и Блейн вдруг оказался рядом так близко, что я могла рассмотреть себя в отражении его глаз.

Вздрыгнула, дёрнулась и села на диванчике, открывая глаза и тяжело дыша.

Не могу... не хочу...

Но это не помогло. Да, видеть его я перестала, но слышать нет, как и чувствовать. А в небольшом зале под землёй я была совсем одна. И с этим ничего нельзя было поделать.

— Быстро же ты сдалась, — раздался насмешливый голос у меня в голове.

— Прекрати.

— Я тебя раздражаю.

— И тебе это нравится.

Несколько секунд молчания, словно Блейн собирался с мыслями, пытаюсь найти правильный ответ на моё высказывание.

— Мне нравится всё, что с тобой связано.

И предательское сердце ойкнуло на эти слова. Хотя и не должно было.

— Это неправильно, — сжимая кулаки, ответила я, смотря перед собой.

— Почему? Потому что ты нравишься моему лучшему другу или потому, что ты послушница?

Каждое его слово и фраза слишком ярко действовали на меня. А так нельзя. Надо взять себя в руки и действовать. Отстраниться от всего и погрузиться в работу, воспринимая мужчину как одного из остальных. Не больше и не меньше. Я у каждого находила тайны и секреты, значит и здесь смогу.

Проигнорировав его вопросы, я легла на диванчик и закрыла глаза.

Блейн тут же появился перед внутренним взором. Красивый, яркий, с кривой улыбкой на губах.

— И снова здравствуй.

Издевается, специально провоцирует. И ведь не случайно. Это защитная реакция, дающая ему возможность спрятаться еще глубже, погрузившись в своих страданиях.

Я молчала, продолжая вглядываться в черты его лица, пытаюсь узнать, что там, за ними. Что он скрывает за бравадой и едкими словечками.

Ответ нашелся не сразу, но и сдаваться просто так я не собиралась.

Нащупала слабинку и ударила. Сразу, без подготовки и из последних сил.

Боль, страх... обречённость.

Он всегда был одним из лучших. Всегда впереди. Старший сын правой руки антура. Лучший друг одного из наследников, с которым вырос вместе. Они были похожи и в то же время такие разные. Спокойный и уверенный в себе Итан, который с рождения привык сдерживать свои эмоции и чувства, всегда руководствуясь лишь разумом и фактами. И яркий, импульсивный Блейн.

Сильный, смелый, пользующийся успехом у молодых девушек. Сколько же их было, не сосчитать. Ярких, жарких, влюбленных, с готовностью отдать подарить тепло своего тела великому воину.

Я видела их мельком. Целый хоровод пронесся перед глазами. И ни одно не смогло затронуть сердца. Никогда.

И та вылазка была самой обыкновенной, конец года, демоны традиционно отступали и ничего серьёзного не ожидалось. Именно поэтому расслабился, оступился... проиграл.

А ведь Итан настаивал, просил быть внимательнее. Лучший друг всегда был настороже. Всегда и везде.

Огромный белый хищник, так похожий на большую, зубастую кошку, только полосатую, застыл на заснеженной поляне. Серые глаза пристально всматривались в лес, уши на макушке пару раз дёрнулись и замерли.

— Тихо, — едва слышно прорычал он, припадая на лапы.

Но кто его слышал.

— Всё тихо, спокойно, — рассмеялся Блейн, принявший облик огромного белого волка. — Заканчиваем обзор и возвращаемся за завесу.

— Что-то тут нечисто.

— Брось, ты вечно всё усложняешь.

Не подчинился старшему, расслабился, не заметил угрозу. И едва не умер. Но не это главное. Из-за него и только из-за него погиб Наяз.

Молодой паренёк, обаятельный и веселый. Именно он был рядом, именно он первым кинулся наперерез, закрывая друга. И погиб, сраженный ледяными стрелами...

— Ты не виноват, — прошептала тихо.

— Виноват.

— Ты не мог знать всего.

— Но я должен был. Нельзя расслабляться. Никогда. Это одно из главных правил.

— И что теперь? Ты решил убить себя за это? За Наяза? Думаешь, ему это надо? — жестко спросила я.

После увиденного я могла относиться к ликану иначе. Отбросила свои чувства на задний план, снова став послушницей, основанная задача которой спасать и утешать.

— Тебе не понять!

А вот его я смогла задеть за живое. Это хорошо.

— Ошибаешься. То, что я послушница, не означает, что я не могу тебя понять. Как раз наоборот, могу. Но твоя смерть не вернёт друга.

— Дело не в нём! Не только в нём! — огрызнулся мужчина. — Я просто... устал.

И шарахнул в меня эмоциями. С такой силой, что я согнулась наполовину на диване, прижимая руку к животу и едва дыша. О да, сбылась мечта, теперь я могла почувствовать весь этот спектр эмоций, насладиться и попытаться при этом не сойти с ума.

Всегда первый, всегда один из лучших. За всего годы он столько раз балансировал на грани и всегда выживал. А тут... смерть никогда не была так близко. И оказывается и он может умереть. Сегодня, завтра, послезавтра. Блейн и раньше это знал, но всегда верил в свою удачу. А теперь она от него отвернулась.

Он уже почти полностью оказался в лапах смерти. Еще немного и ушел бы за грань, встав в один ряд с почившими предками. А что оставил после себя? Сомнительную славу сердцееда и... всё. Ни жены, ни сына, которого можно было бы оберегать, бестелесным призраком бродя рядом.

И впервые в жизни ощутил...

— Не смей!

— Страх — это не порок.

— Я ликан!

— Ты живое существо. А все мы испытываем чувства. И страх в том числе. Он даже помогает.

Лицо искривила усмешка.

— Жалеешь меня, Айвири?

— Я же послушница.

— Думаешь, поняла меня? Думаешь, страх — это единственное, что меня сжирает изнутри? И поэтому я не способен сражаться?

Я мысленно пожала плечами. Нет я видела еще кое-что. Усталость. Она копилась годами и теперь свалилась на его плечи. Обречённость, пассивность. И отсутствие желания жить. Его больше ничего не радовало, даже женская близость.

Но Блейн прав, жалеть его сейчас не стоило, поэтому я и добавила едко:

— Решил, что твои страдания какие-то особенные? Если бы ты знал, сколько несчастных обитель принимает ежедневно. И может их страдания не так масштабны, как у тебя, но тоже заслуживают внимания.

— Посмотрим, Айвири... посмотрим, что будет потом, — произнёс молодой мужчина, прежде чем раствориться в воздухе, оставив меня одну.

Ух, пережила, смогла, выстояла.

Остался лишь Итан.

И мужчина не спешил.

Я некоторое время еще лежала, прислушиваясь к тем ниточкам, а точнее к одной единственной.

Той самой, что оставалась неподвижной и такой холодной среди других активированных. Но ничего.

Потом со стоном села, потирая затёкшую шею. Выпила воды и посидела еще пару минут, сцепив руки в замок и глядя перед собой.

Ну где же ты? Где? Как же это ожидание убивало и тревожило. Лучше сразу, поскорее пройти всё это и успокоиться.

Снова легла, закрывая глаза и... сама не заметила, как уснула.

Вроде бы только спала и не устала совсем, а тут раз и провалилась. И сон всё тот же. Аллея с падающими лепестками розанов. Я застыла, протягивая ладони и ловя их. А они всё падали и падали, словно дождь, мягко ударяя по голове, спине, плечам, лицу.

Я закрутилась и тихий смех сорвался с губ.

На мне было то самое платье — нежно-голубое, с пышной юбкой, расшитое голубыми цветами. Белая фата и мамина диадема. Свадьба? Да, сегодня моя свадьба.

Я бросила лепестки, которые скользнув по юбке, упали вниз, и огляделась. Где же мой жених? Он же должен быть здесь. Никого. Только я одна в угасающем саду.

— И часто тебе снятся эти сны? — вдруг спросил мужской голос.

Дёрнувшись, я закрутилась на месте, пытаюсь понять, откуда он раздаётся.

И ведь не проснулась. Хотя, наверное, проснулась, но картинка осталась всё той же. И платье никуда не делось. Странное пограничное состояние. И Итан, возникший ниоткуда и застывший на тропинке аллеи, тоже такой реальный, что уверена, стоит мне протянуть руку и я его коснусь, ощущая теплоту кожи. Или холод. Тот самый, что клубился у него за плечами.

Но ликан же задал вопрос. И мне стоит ответить.

— Не часто, но снятся, — ответила я, поправляя складки голубого платья.

— Интересно.

Мужчина медленно ступал ко мне. И за его спиной шла зима. Я видела, как покрывались инеем ветки стонущих деревьев, как белела земля под ногами, но всё равно продолжала стоять, смотря прямо в стального цвета глаза.

Зима и лето столкнулись и застыли, окружая нас невидимым облаком. Каждый в своём углу.

Я сплю или нет?

— Спишь, — тихо отозвался Итан и провел ледяной рукой по моей щеке, оставляя крохотные песчинки снега, которые растаяли и превратились в капельки. — И не спишь.

— Играешь? — спросила тихо, чуть склонив голову на бок и наблюдая, как иней медленно пожирает его волосы, и они из тёмных становятся белыми. Прядка за прядкой, волосок за волоском.

— Немного. Разве сны созданы не для этого?

— Для чего?

— Чтобы реальность и фантазии смешались в причудливом водовороте, исполняя самые удивительные и запретные желания.

— И какие же желания у тебя?

Провоцировала его? Наверное, так и было. Но это же сон. А во сне всё возможно и последствий не будет. Я это точно знала.

— Ты... увидеть тебя, коснуться...

Он снова провёл пальцами по щеке и кожу закололо от холода и жара, которые иголкой прошлись по ней, сбивая дыхание.

— Я послушница...

— А я ликан, — отозвался Итан, улыбнувшись одними губами, а глаза темнели, становясь практически чёрными, опасными.

Это немного отрезвило. Совсем чуть-чуть.

— Ты же должен был показать своего зверя, — отступая на шаг, произнесла я, вспоминая о посвящении.

— Ты видела его. Блейн должен был показать.

— Да, но...

— Белый тигр. Я белый тигр.

— Красивый хищник.

Ох, Лаари, за что ты так со мной? К чему этот сон и мужчина? А если это совсем не плод моих фантазий? Если всё по-настоящему?

— Не могу забыть тебя, не могу выбросить из своих мыслей.

— Не надо... — слабо зашептала я и помотала головой.

Если бы могла закрыла глаза, зажала ладонями уши и сбежала, но ноги словно приросли к земле, а руки безвольными плетью упали вниз. Может, это не мой сон, а его?

— Ты послушница... ты табу для любого и одна мысль о том, чтобы коснуться тебя, поцеловать, является преступлением.

— Не касайся, не целуй... не смотри.

Так, что внутри всё горит огнём и трудно дышать.

— Не могу.

Он всё ближе, наши тела почти соприкасаются и зима идёт за ним по пятам.

— Айвири...

— Я принадлежу Лаари. Навечно.

Мне хотелось кричать, но с губ сорвался лишь шепот.

Мужчина вздрогнул, но всё-таки преодолел разделяющее нас расстояние. От него пахнет свежестью и холодом. Да, у мороза тоже есть запах. И он окружает меня облаком, я задыхаюсь, открывая рот и пытаюсь сделать хотя бы вдох.

А Итан так близко, что я могу разглядеть каждое звено его кольчуги. Такой крепкой и такой хрупкой на вид. Я знала, что она могла удержать прямой удар копыя, сохраняя жизнь.

Прохладные губы осторожно коснулись лба в лёгком поцелуе, и я застыла, почувствовав, как сильные пальцы переплетаются с моими.

— Айвири...

Моё имя как песня, которая никогда не будет спета для нас двоих.

А губы медленно опустились, невесомо касаясь виска, прикрытых век, кончика носа, скул, обожгли дыханием раскрытые губы... И... Шёпот-мольба:

— Айвири...

Это всего лишь сон! Просто сон! И ничего не будет! Мне так хотелось в это верить. Я сама тянулась к нему, мечтая ощутить его губы на своих губах.

А в ответ лишь холод и пустота.

Рывок!

И вот я уже сидела на диванчике, прижимая руку к губам, пытаюсь дышать и прийти в себя. А там у сердца огнём горела последняя из активированных ниточек.

Не сон... или сон?

В любом случае, мои испытания закончились. Не знаю, как и каким образом. Но это всё. Конец.

С трудом поднявшись, я поплелась в уборную. Распахнула дверь, потом еще одну. Я не знала, куда иду, даже не думала об этом, просто двигалась.

Быстрее... быстрее...

Мне нечем дышать. Эта темнота и тяжесть каменного свода давили на плечи, сводили с ума. Еще немного и я просто лишусь рассудка. Эта встреча стала последней каплей.

— Пойми, что ты сильнее... что ты другая, — прошептала Кандира мне вслед.

Но я даже не оглянулась.

Еще одна дверь, тяжелая, с прохладным колечком — ручкой. Из последних сил толкнула и чуть не упала на каменный пол.

Меня подхватили руки, помогая подняться. А потом появились голоса, встревоженные, испуганные.

«Айвири... Но почему?... Откуда?... Так рано!.. Быстрее-быстрее... уведите... нельзя... иначе она сойдет с ума... связь слишком яркая... закройте-закройте её!»

Связь? О да, я чувствовала их! Всех пятерых своих мучителей. Они были так близко и так ярко ощущались, хотя и пытались закрыться, что заняли почти всё сознание, едва не убив меня. Моё Я просто растворилось в их эмоциях, чувствах.

— Не смей! — чей-то крик прорвался сквозь этот шум и черные глаза будто заглянули в душу.

Галия. Дорогая подруга. Она знает, она проходила через это год назад.

— Помоги... помоги мне... — простонала я, хватаясь пальцами за неё, цепляясь из последних сил.

Их так много. И я не знаю, как с этим жить. Почему кругом все они? Чужие. Где мои мысли и чувства? Где я?!

— Сейчас... сейчас... спи...

Это с радостью, вот только страшно. А если усну и уже не смогу проснуться. Если исчезну среди этих чужих?

— Не дам.

— Обещаешь?

— Да.

Тогда можно отпустить сознание и уснуть. Что я и сделала.

Испытание пройдено.

Глава двадцать вторая

День, ночь, утро, вечер. Я понятия не имела, сколько времени валялась в постели и какое время суток сейчас было. Тёмная комната с наглухо закрытыми ставнями и одиноким магическим светильником золотистого цвета, чтобы глаза не раздражал. Я привыкла к темноте и тишине.

И даже к тому, что чувств не было тоже. Раньше с блокировкой всё было по-другому. Да, эмоции были скрыты, но они были. А сейчас ничего. Радость, счастье, смех, горе... я уже стала забывать, что это такое. Да и не хотела вспоминать. Потому что они бывали разными: яркими, как само солнце, или чёрными, будто глухая ночь.

Сейчас было лучше. В голове пустота, в сердце тишина.

Спать, есть, умыться, посидеть и снова спать. И там во сне меня ждала чернильная темнота, не приносящая избавления и успокоения.

— Так надо.

Галия единственная, кого допускали в мою тюрьму. Её кровать стояла напротив моей, она почти не спала. По крайней мере я её спящей не видела. Закрывала глаза — она рядом, открывала, картинка повторялась.

Наверное, это должно было раздражать. Вот только чувствовать я не умела, поэтому и никак не реагировала на свою сиделку.

— Других ты просто не вынесешь. Помнишь, как было плохо на выходе... мы не подготовились. Ты вышла слишком рано. Поэтому и получилось то, что получилось... Мне жаль, Айвири.

Я кивала, снова сворачивалась клубочком и закрывала глаза.

Наверное, надо было что-то спросить, но... какая разница? И есть ли вообще смысл что-то узнавать, когда не хочется. Ничего не хочется.

— Это скоро отпустит, — говорила Галия. — Апатия, пустота... Тебе сложнее, чем остальным. Они были не так открыты, как ты.

Да, отсутствие блокировки сыграло со мной очередную шутку. Там, где другие должны были валяться пару дней, а я... Сколько я здесь?

— Третий день.

Это много... или мало?

Кивнув, снова уставилась в одну точку.

За это время я привыкла к темноте и даже светильник был не особо нужен.

— Они волнуются, — продолжила Галия как бы между делом, но я успела отследить её изменения в голосе.

Волновалась, ждала реакции.

А я... я ведь сразу поняла, про кого подруга говорила. Связка, пятёрка ликанов, которые стали частью меня. Или я частью их. Не разобраться, да и не хочется.

Закрыться, спрятаться и снова провалиться в темноту сна. Там легче. Немного, но легче. И не надо думать.

— Ты не можешь прятаться тут всю жизнь, Айвири. Это временная мера, направленная на то, чтобы привыкнуть, научиться блокировать чужие эмоции.

— Не хочу.

Пробовать, возвращаться, жить. Не хочу...

— Так не пойдет.

Тёплая рука коснулась моей ладони, и я с трудом сдержалась, чтобы не отдёрнуть её. Мне не нравились чужие прикосновения. Они заставляли... вспоминать, возвращаться туда, где было так тяжело и больно. А я этого не хотела. Здесь в темноте и тишине спокойнее.

— Мы и так слишком долго это оттягивали, Айвири. Я позволила тебе сесть мне на шею. Со мной

стали работать уже через сутки и ничего, не рассыпалась.

В голосе Галии проскользнула какая-то новая эмоция. Кажется, это раздражение. Интересно. У меня получилось довести её. Я прислушалась к себе, пытаюсь понять, как отношусь к этому. И никак.

— Настоятельница сказала, что если я не справлюсь, она сама всё сделает. А это будет больно.

Боль я помнила и, наверное, должна была бояться. Ведь должна же...

— Мне всё равно, — призналась спокойно, переводя взгляд на подругу.

И увидела, как она закусил губу, тревожно вглядываясь в моё лицо.

— Это неправильно, Айвири. Ведь ты другая! Всегда была другой. Бойцом, которая всегда шла к своей цели. Упорная, честная, открытая. Они не справятся без тебя. Итан...

— Замолчи!

Крик сорвался с губ против моей воли. Я даже сама не поняла, как это произошло и почему. Но это имя. Именно это имя, впервые произнесённое в тёмной комнате, так повлияло на меня.

Это трудно было назвать полноценными эмоциями, скорее отголоски, зачатки, но они были. Как и образ сероглазого мужчины, его губы на моём лице и голос, от которого замирало всё внутри.

Сердце загрохотало в груди.

— Айвири?

Подруга явно не ожидала от меня такой реакции и теперь не знала, как быть.

— Я не хочу, — сдавленно произнесла я, обхватывая колени руками и пытаюсь унять дрожь, которая сотрясала тело.

— Да что с тобой?

Если бы я знала. Но и отсидеться больше не получалось. Раз возникнув, чувства требовали освобождения. И остановить это было невозможно.

— Что я должна делать?

— Дозировку блокирующего отвара будут снижать. А я научу тебя закрываться. Поверь мне, я знаю, каково это. Знаю их. Год назад было даже сложнее, был Наяз... Но да ладно.

Сложнее? Я сомневаюсь. Да, одного ликана не хватало в связке. Но дело ведь не в количестве, а в самих эмоциях. А они слишком остро на меня реагировали. Как и я на них. Интересно, Галие рассказывали, как не влюбиться и не позволить полюбить себя? Как проигнорировать зов пары, который исходил от двоих ликанов и не сойти с ума от предсказания и возложенной миссии?

— Ты слышала имя Кандира? — спросила я осторожно.

— Нет.

Значит, к ней послушница не приходила. Еще один жирный минус в мою сторону. Почему я? Почему?

— А кто это? — спросила Галия заинтересованно.

— Да так... послушница одна. И что дальше?

— Потом придет настоятельница.

— А это еще зачем?

Она мне лгала. Смотрела прямо в глаза и лгала. «Я не знаю, что тебя ждет, Айвири. Не знаю, ради какой миссии тебя выбрала Лаари. И помочь ничем не могу...» Ложь, кругом одна ложь, а ведь я так верила настоятельнице...

— Айвири! — крик Галии заставил меня встрепенуться и прийти в себя.

— Что?

Расширенными от ужаса глазами она смотрела на мою руку. Ту самую, которой я с силой сжимала

ткань покрывала. Изменённая метка горела синим светом. Но не это встревожило девушку. От моей руки по ткани шли искрящиеся серебром бороздки инея.

Лаари, как же так?

Галия хотела вскочить, но мне каким-то чудом удалось удержать её, схватить за плечо, не давая дёрнуться. Другой рукой, конечно. Потому что та всё ещё держала ткань. Не сама по себе. Мне просто было страшно убрать руку даже пошевелить ею. А вдруг сделаю и случится что-нибудь не очень хорошее.

— Что это? Что? Как? Ты не можешь...

— Успокойся! — жестко оборвала её я.

Оказывается, в отсутствии эмоций тоже есть плюсы. Я быстро сориентировалась, не испугалась, не встревожилась, а просто включила голову. И первое, что поняла — об этом не стоит никому рассказывать.

— Это снег.

— Я вижу.

— Но ты не можешь...

— Как видишь, могу, — снова оборвала её.

Та же фраза и тот же результат. Это было бы смешно, если я бы я могла сейчас смеяться.

— Мы должны рассказать матушке — настоятельнице.

— Не должны!

— Айвири, ты не понимаешь. Это очень серьёзно. Послушница не умеет вызывать снег и зиму. Это противоестественно. Дочери Лаари — это посланницы лета, тепла и доброты.

— Я знаю.

— Значит что-то пошло не так. Ох, не зря я волновалась. Ты слишком быстро вышла из лабиринта. Слишком быстро.

Кажется, у кого-то начинается истерика, надо её успокоить. И как можно быстрее.

— Галия, всё не так просто. Да, ты и остальные этого не могут. Но я не вы, — устало возразила ей, убирая руку. — Я другая.

Хочет бежать, пусть бежит и докладывает. Остановить её я всё равно не смогу. Но подруга уходить не спешила.

— Что это значит? — спросила настороженно и смотрела так, словно ожидала, что я вот-вот обращусь в ледяного демона и пойду сеять смерть по миру.

— Ты же сама сказала, что я особенная, — горько усмехнулась в ответ. — Так вот, это действительно так.

— Ничего не понимаю.

— Зачем связки уходят за завесу? — спросила я, потянувшись к стакану с тёплой водой, который стоял у изголовья кровати на небольшом столике.

Галия странно глянула на меня, но ответила.

— Мы ищем главный портал. Его надо закрыть, запечатать и тогда демоны перестанут проникать в наш мир.

Главный портал. Тот самый, который открылся тогда из-за промедления Кандиры. Только он ведь в подземелье храма был. Я точно помнила. Такое сложно не найти. Если, конечно, его не перенесли куда-то. Не представляю, как, но, наверное, перетащили.

— А я хранительница, — просто ответила я, наблюдая за реакцией девушки.

Поймет — не поймет. Знает — не знает.

Галия сначала недоуменно нахмурилась, чуть склонив голову. Потом в глазах промелькнула

догадка. Сомнение, непонимание и шок. Поняла, но поверить всё еще боялась.

— Хранительница?

— Представляешь? — усмехнулась я, ставя стакан на место.

— Но хранительниц не было уже более сотни лет.

— Знаю.

Она снова осмотрела меня, взглянула на пятно на покрывале, которое осталось от моего снежного выброса.

— Невероятно, — в конце концов произнесла подруга. — И каково это?

— Что именно?

— Быть хранительницей?

И что она хочет от меня услышать?

— Это сидеть трое суток в тёмной комнате с подругой, — произнесла в ответ и призналась. — Я не знаю, как быть хранительницей и как не быть ей.

Но на неё это не произвело должного впечатления.

Девушка вскочила с кровати и забегала по комнате размахивая руками, одно неловкое движение и врежется во что-нибудь в темноте.

— Ты сможешь найти портал! — бормотала она. — Найти и закрыть его. Говорят, что хранительницы чувствуют его.

Я была настроена не так оптимистично.

— Угу. Только почему они еще не закрыли, раз чувствуют?

И вновь мои слова были проигнорированы.

— Война закончится. Демоны уйдут из нашего мира, и мы снова... снова будем свободны, — прошептала она, голос сорвался и Галия вдруг разревелась.

— Ты чего? — испугалась я, вскакивая следом.

Девушка вдруг бросилась мне на шею и заплакала еще громче, заливая слезами сорочку. А я впала в самый настоящий ступор. Вроде знала, что делать. Надо обнять, утешить, но собственное тело вдруг стало таким неповоротливым, тяжелым и чужим.

— Надежда, — шептала подруга, пытаюсь успокоиться. — Ты наша последняя надежда, Айвири. Не подведи нас... не подведи нас всех.

Состояние постепенно стало стабилизироваться. За одними чувствами пришли другие. Не скажу, что это было легко — сложно. Но во мне проснулось желание жить и бороться. Появился азарт, который, как мне казалось, исчез навсегда.

Вечером Галия разрешила раскрыть ставни и впустила в комнату свежий воздух, позволив полюбоваться закатом. Я долго стояла у окна, смотря, как последний луч солнца исчезает за горизонтом, сверкнув напоследок ярко-оранжевым светом.

Именно тогда меня и решила навестить настоятельница.

— Здравствуй, Айвири.

Женщина застыла в дверях, бросив многозначительный взгляд в сторону Галии. Подруга замялась, кивнула и быстро заспешила прочь, сославшись на срочную занятость. Смешно. Можно было сразу сказать, в чём причина такого побега и не придумывать глупости.

Я кивнула на приветствие, продолжая сидеть в кресле с укрытыми пледом ногами.

— Хорошо выглядишь, — продолжила настоятельница, закрывая дверь и подходя ближе.

— Спасибо, — ответила я, продолжая пристально следить за каждым её движением.

Она села напротив, расправляя складки тёмно-синей юбки, после чего сложила на коленях

худощавые руки, сцепив их в замок.

— Тебе вновь удалось удивить меня, Айвири.

Я снова промолчала, ожидая продолжения, которое не заставило себя долго ждать.

— Можно сказать, что ты установила рекорд по прохождению лабиринта. Никто не выходил из него так быстро. Поздравляю.

Нужно мне её поздравление.

— Я видела Кандиру, — спокойно ответила ей.

Дёрнулась, отводя виноватый взгляд.

— Понятно.

— Вы солгали мне.

— Айвири.

— Вы смотрели мне в глаза и лгали, — продолжала говорить я. Резко и в то же время ровно, без лишних эмоций, тратить их на неё мне совершенно не хотелось. — Сказали, что понятия не имеете, почему меня выбрали и что я должна сделать.

— Так надо было, — возразила настоятельница.

— Почему?

— Ты должна была узнать всё сама. Я давала клятву никогда и никому не рассказывать о Кандире и о том, что произошло столетия назад.

— Вы же понимаете, что это глупо! — крикнула я. — Нельзя такое скрывать! Послушницы должны знать о том, что было. Как было. О Кандире и её роли в приходе демонов...

— Не должны! — оборвала она.

— Но почему? — взвилась я, впиваясь ногтями в ткань покрывала.

— Ты не понимаешь...

— Так объясните. Теперь я, надеюсь, имею право узнать наконец всю правду. Или вы так и будете недоговаривать?

— Раньше никто не скрывал правду. Все знали о том, что произошло. О том, как мы жили до проклятия. Запрет появился лишь столетие спустя и остался до сих пор. И сделано это было для блага всех остальных.

Как такое возможно? Как ложь и обман может благом?

— И в чём же причина этого запрета?

Женщина подняла на меня чёрные как ночь глаза и покачала головой, тихо произнесла:

— Ты знаешь, сколько их погибло за эти годы? Послушниц и ликанов. Каждый из них был уверен в том, что сможет побороть проклятье. Не могли. Но продолжали бороться. Год за годом. А мы каждый раз были вынуждены хоронить их.

Это было похоже на правду.

— Но ведь можно было как-то объяснить, сказать, — не очень уверенно, произнесла я, утратив весь боевой пыл.

— Говорили, объясняли. Но стоило послушнице встретить свою пару среди ликана, как все запреты забывались. И всё заканчивалось плохо для обоих. Именно поэтому было принято решение молчать.

Пары... значит это правда. И эти двое тоже считают меня своей парой. Вот только делиться этой информацией я не стала.

— Неужели ничего нельзя сделать? Это же неправильно.

— Я не знаю. Пойми, ты чудо, в которое мы уже боялись верить и надеяться. Хранительниц не было целое столетие.

— Но почему те, кто были, не смогли найти портал и закрыть его?

— Его передвигают. Он никогда не стоит на месте. Но не это главное. Демоны чувствуют появление хранилища и начинают на неё настоящую охоту.

Не было печали. Хорошо начало, ничего не скажешь.

— Со мной будет также? — сглотнув, спросила я.

— Да... твоя предшественница. Её со связкой убили в первой же вылазке.

Лаари...

Да что же это такое. Меня замутило со страшной силой и в ушах загудело так, что слов разобрать сложно.

— Айвири? Тебе плохо?

Я отмахнулась, беря в руки стакан с водой и делая глоток, стараясь при этом, чтобы зубы не стучали о стекло. Но страшно было не только за себя. Пытаясь добраться до меня, демоны уничтожат ликанов.

— Мне надо их предупредить, — поставив стакан на место, тихо произнесла я. — Надо предупредить связку о том, какому риску они подвергнутся, если останутся со мной.

— Ты имеешь на это полное право.

— Когда мне позволят их увидеть?

— Скорее всего завтра после обеда.

Я кивнула, теребя краешек покрывала.

— Мне надо еще что-то знать? — спросила у неё. — Что-то, что вы скрывали от меня и от всех?

— Больше ничего, — отозвалась женщина, глядя мне прямо в глаза.

Совсем как в прошлый раз, только я в это больше не верила. Настоятельница отлично умела врать и притворяться. И произошедшее отлично это показывало.

— Кого еще выбрали в Ардан? — спросила я, переводя тему.

— Твоих соседок Хани и Ветру.

— Обоих? — недоверчиво переспросила я.

— Да. Еще Квиту, Игну, Уинни и... — принялась перечислять женщина еще одиннадцать женских имен.

Больше половины нашего года выпуска. Опять.

Она произносила имена, а я видела перед собой лица девушек, с которыми жила, училась и работала все это время. Как они восприняли этот выбор, как приняли свою судьбу?

— Ты всегда следовала своему сердцу, Айвири, — вдруг произнесла женщина, выведя меня из задумчивости.

— Что? — недоумённо спросила я.

— Каждый твой выбор был продиктован сердцем. Именно оно выбирало путь и отношение к жизни.

Ответ нисколько не помог.

— О чём вы?

— Отношения с отцом, мачехой, девушками, преподавателями, даже больными. Твоё сердце всегда определяло характер и будущее.

— И причем здесь это? Даже если это и так, то какой тогда выбор предстоит сделать мне? Отказаться от поездки в Ардан? — я хмыкнула и недоверчиво покачала головой.

— Нет, я не об этом. Ты сама поймешь в своё время, Айвири. Поймешь и сделаешь верный выбор.

— Опять загадки, — отозвалась я не слишком удивленно.

Честно говоря, именно такого подвоха я и ожидала. Налёта таинственности и многозначительных фраз.

— А как же иначе. А теперь, — произнесла она, поднимаясь и похлопав меня по коленке. — Я пойду, а ты отдыхай, набирайся сил. Я сообщу ликанам, что ты желаешь с ними встретиться.

— Спасибо.

Следующая ночь прошла без тревожных сновидений. Проснувшись, я ощутила, что вся тяжесть и тревога отступили, эмоции снова вернулись ко мне и апатия прошла. Это тоже невероятно радовало.

— Ты выглядишь отдохнувшей, — с улыбкой заметила Галия, входя в комнату.

— Спасибо, — отозвалась я, внимательно присмотревшись к ней. — А вот ты не очень.

Кожа будто приобрела землистый оттенок и выглядела тонкой как пергамент, под глазами залегли тени, губы побелели, а глаза совсем утратили блеск и живость.

— Ты как всегда откровенна, — хмыкнула она.

— Мне казалось, что после того, как я встала в связку, тебе должно было стать легче.

— Тебе только так показалось. Мне предстоит длительный курс адаптации, — с невеселой улыбкой ответила Галия, присаживаясь в одно из кресел. — Но это не страшно. Я знала, на что шла.

— Мне всё равно не нравится твоё состояние, — я подошла к ней и присела на корточки, вглядываясь в лицо.

— Ничего. Я просто... просто учусь жить заново. Может когда-нибудь и научусь.

— Всё настолько плохо?

— Год назад меня разбили на шесть частей. Разбили и собрали заново. Ты же сама это чувствуешь.

Я кивнула на всякий случай, не став уточнять, что у меня всё немножко по-другому. Да, я чувствовала связку, ярко и очень чётко. Но не так как себя. Я не растворилась в них, не стала частью общего, потерявшись на их фоне. Но я смогла разрушить блок, а остальные нет.

— А сейчас меня снова разбили, разломали, только частей больше не осталось, — тихо закончила Галия. — Только остатки меня. Даже не представляю, что будет дальше. И думать не хочу. Не сейчас. Вот провожу вас, прощаюсь и... и буду пытаться жить без ликанов.

— Я так хочу тебе помочь.

— Сбереги их, — схватив меня за руку, прошептала Галия и глаза заблестели от непролитых слёз. — Спаси каждого, не дай умереть. Сделай то, что не смогла я.

— Я постараюсь. Сделаю всё, что в моих силах, — пообещала ей.

Зелье, блокирующее меня от ликанов, перестало действовать ближе к обеду. Постепенно оно отступало, открывая чувства и эмоции моих подопечных. Определённый плюс в этом несомненно был. Они накатывали медленно, давая возможность привыкнуть, осознать, подготовиться и закрыться.

А потом и оно исчезло.

Я застыла у окна, закрыв глаза и задержав дыхание. И стояла так, пока лёгкие не обожгло огнём, а перед глазами не заплясали разноцветные мушки.

Судорожный, резкий вздох и пять синхронных голосов в голове:

— Приветствуем тебя, послушница.

Последняя ступень связки завершена.

Глава двадцать третья

Я тщательно готовилась к этой встрече. И пусть мы уже встречались и были очень хорошо знакомы, мне в этом плане повезло больше, чем остальным, я всё равно волновалась. Или не повезло, ведь своих связных они увидят лишь через несколько недель, когда придут в Ардан.

Долго разглаживала складки тёмного платья, украшенного черным кружевом у воротничка и на манжетах, поправляла причёску. Теперь я уже не была послушницей и не должна была носить косу, поэтому волосы на затылке были собраны в тугий узел и кожа из-за этого страшно зудела. И мне приходилось держаться, чтобы не впиться в кожу головы ногтями, пытаюсь унять неприятные ощущения.

Уже не послушница, а настоящая целительница, прошедшая посвящение Лаари. Одна из шестнадцати, которая должна была уйти в Ардан на целый год. Так сложно в это поверить и так необходимо.

Ладонь скользнула по талии вверх к сердцу, накрыла его, прислушиваясь к быстрому биению. И подстраиваясь под этот ритм запульсировала метка на запястье.

Я чувствовала их всех. Несмотря на блокировку с двух сторон, они там были. У моего сердца. Пять ниточек, толстых, крупных и таких горячих. Так трудно было привыкнуть. И как сложно потом жить без этого.

«Ох, Айвири, не о том сейчас думаешь».

Стряхнув оцепенение, я пощипала немного щеки, пытаюсь придать коже небольшой румянец, и направилась прочь из комнаты. Застыв на пороге и оглянувшись. Взгляд скользнул по стенам, кровати, креслам, зацепился за окно и тёмные шторы, которые надёжно оберегали меня от света.

Мой путь лежал по длинным коридорам и множеству лестниц к крылу, которое было отведено ликанам. Именно там они меня ждали.

Этот поход не остался незамеченным для остальных. Юные послушницы, которым еще предстояло пройти посвящение, при виде меня застывали, перешептывались и почтительно склоняли головы. А за своей спиной я слышала: «Ардан! Ардан!» Страна, как приговор. Но я уже привыкла к этому.

— Айвири? — раздался тихий удивленный возглас, заставивший меня притормозить и поднять голову.

— Мина?

Да, точно, это же была моя однокурсница. Мы с ней входили в лабиринт всего пару дней назад.

Девушка бегло осмотрела меня и неловко улыбнулась.

— Света и жизни.

— Жизни и света.

А я с свою очередь осматривала её. Золотистые волнистые волосы заплетены в косы, которые она венцом уложила вокруг головы и закрепила. На стройном хрупком теле светлая блузка, с закатанными рукавами, и светло-голубая юбка, вышитая по краю желтыми цветами. Ничего общего с моим тёмным одеянием, в котором я буду должна ходить год. А возможно и дольше.

— Значит, Ардан, — тихо произнесла Мина, теряясь от пристального моего взгляда.

— Да. А ты?

— Меня направляют в Иллиум, — виновато произнесла она, наблюдая за мной. — Помогать старой Нэнни.

Ну конечно, работа, которая по велению отца должна была достаться мне. Я пыталась понять, что чувствую, узнав это. Несомненно, грусть, тоску по родному дому, отцу и младшему брату. И только. Моя судьба была в другом и, кажется, я смирилась с этим.

— Тебе понравится. Иллиум — красивое княжество. И Нэн поможет тебе освоиться, — нашла в себе силы улыбнуться я.

— Ты не злишься? — осторожно спросила Мина.

— На что? Лаари лучше знать, какой путь нам всем уготован. Твой лежит в Иллиум, мой в Ардан. И

злиться на это не имеет смысла. Когда ты отправляешься?

— Завтра утром.

— Не передашь записку отцу? — с надеждой спросила я.

— Конечно, буду рада помочь, — с воодушевлением произнесла девушка. — Ты знаешь, а я всегда чувствовала, что именно ты отправишься в Адран. Ой, прости...

Поняв, что сказала лишнее, девушка прикрыла рот рукой и испуганно на меня уставилась.

— Ничего, всё нормально. И почему же?

— Не знаю. Ты всегда чем-то отличалась от нас, — пожала Мина плечами и, понизив голос, осторожно спросила: — Ходят слухи, что завеса совсем ослабла.

— Слухам не стоит доверять.

— А если это так... То тогда демонов уже ничто не удержит.

Вот только паники сейчас не хватало.

— Всё будет хорошо. Так я зайду к тебе вечером, хорошо? Передам записку.

— Да, буду ждать.

— Мне пора.

— Удачи, Айвири.

Я поспешила дальше, вышла во внутренний дворик, на мгновение застыв на ступеньках и вдыхая свежий воздух, шурясь от яркого солнечного света. Как же я скучала по этому, открытое окно не могло подарить это ощущение тепла и спокойствия.

Но времени мало, надо спешить.

Я спустилась по ступенькам на мощеную булыжниками дорогу и сделала два шага к арке, которая как раз вела к крылу ликанов. И вместо того, чтобы продолжить путь, внезапно остановилась.

Не знаю, как описать это чувство. Но только совсем недавно всё было хорошо, легко и по-летнему ясно, а тут ноги будто к земле примёрзли и сердце кольнуло от холода, который дрожью пронёсся по телу.

Что это, откуда? Мне вдруг показалось, что я вернулась в свой старый кошмар, который вдруг обернулся реальностью.

Поворачивалась я очень медленно, тщательно контролируя каждое движение. Всем телом, развернулась на каблуках, пристально осматриваясь, пытаюсь найти причину этого заледенелого страха и даже ужаса.

Белая стена соседней башни, узкие окна. Что же встревожило меня сейчас? Почувствовала чей-то взгляд? Но чей? И почему так бурно среагировала?

— Айвир-р-р-р-ри, — прошелестел ветер, налетев откуда-то со стороны.

«Нет! Этого не может быть! Это просто невозможно!»

— Айвир-р-р-р-ри...

Этот шепот я узнаю из сотен, из тысяч... Но как? Кто играет со мной? Кто пытается запугать?

— Всё в порядке? — спросила одна из наставниц, которая шла мимо и затормозила, увидев моё состояние.

— Д-да, — кивнула я, продолжая осматривать противоположную стену.

Оно там. Я знаю, что оно там. Чувствую.

— Айвири, — вновь позвала женщина, делая шаг ко мне.

Именно в этот момент одно из окон напротив стало медленно покрываться льдом.

Что может быть хуже кошмара? Только реальность, в которой этот кошмар воплотился.

— Лаари, спаси и сохрани, — прошептала я, начав медленно пятиться в сторону арки.

Как же так? Почему? Откуда? Такого быть не может. Ледяной демон никак не мог появиться в самом сердце обители. Блейна я вылечила, а никто иной не мог обратиться. Это невозможно.

Но изморозь уже начала подбираться к стенам, серебра вековые камни. И иней так ярко переливался и сверкал на солнце, что глазам становилось больно.

Надо было закричать, позвать кого-нибудь, а у меня слова кончились. Вот тебе и великая послушница, хранительница. Первая же трудность и я впала в панику, растеряв весь свой пыл. Можно было свалить всё на неожиданность, но это не имело значения. Такие нападения всегда неожиданы и ужасны.

— Айвири, что с тобой? — снова спросила наставница, подходя ближе и осторожно касаясь плеча. — Тебе плохо? Так и знала, что рано отпустили. Давай мне ручку, я отведу тебя назад. Ты еще не готова.

А за её спиной иней становилось всё больше.

— У-уходите, — с трудом прошептала я, не сводя глаз с окна.

Пусть оно было непрозрачным, но я всё равно знала, что там кто-то есть. И этот кто-то смотрит на меня.

— Что?

Женщина наклонилась ближе, пытаясь поймать мой взгляд, но я мотнула головой, наконец найдя в себе силы крикнуть:

— Уходите!

И почти одновременно с этим витраж на окне разлетелся вдребезги. Но сотни острых, переливающихся на солнце осколков не упали на землю, а застыли в воздухе, прямо напротив черной дыры, которая раньше была проёмом.

— Что это?

Наставница прекратила попытки достучаться до меня и резко обернулась на звук, застывая в ужасе.

— Как же это так? — прошептала она, хватаясь за сердце и пятясь назад, пока не упёрлась в меня.

— Уходим! Сейчас же! — вновь закричала я, хватая женщину за руку и оттаскивая назад.

А там в дыре появился силуэт хрупкой девушки. Такой нежной, красивой и в то же время ужасной.

Фая.

Мы виделись с ней всего пару раз за время нашего путешествия с Иллиума до обители. Та самая послушница, которая не участвовала в спасении Блейна, потому что по словам девушек всё время спала или плакала. Бледная, молчаливая, с огромными глазами, в которых была одна пустота и слёзы. И когда её взгляд останавливался на мне, я всегда чувствовала непонятную неловкость.

И вот теперь эта послушница управляла холодом.

— Айвир-р-ри, — прошептала она, но её голос показался оглушительным в этой тишине.

За мной пришла. Сомнений не было.

Наставница всхлипнула, дернулась и побежала в арку, громко причитая:

— Обращенная! Обращенная!

За всю историю лишь единицы девушек-послушниц под воздействием магии демонов утрачивали связь с богиней, становясь монстром. Каждая из нас знала, что должна умереть, но не позволить себе стать злом. Лучше смерть, быстрая и лёгкая, чем жалкое существование без души на службе злейших врагов.

А она не смогла...

Но всё равно странно. Почему не обнаружили, почему не нашли и не ликвидировали? Каждая ведь проходила полное обследование.

Ответ нашелся почти сразу, когда я заметила, как сияет серебром её рука, сжатая в кулак. Фая там

что-то держала и, кажется, я знала, что именно. Осколок демонов. Тот самый, что мы привезли в шкатулке в обитель для уничтожения.

— Фая! — крикнула я, пытаюсь достучаться до девушки.

Она не могла настолько сильно и быстро измениться.

— Фая, очнись, прошу тебя! Это не ты! Ты не такая!

Девушка шагнула из проёма и зависла в воздухе в окружении осколков стекла. Длинные русые волосы лежали на груди и спине, а белая холщовая сорочка до пят была испачкана кровью.

Сердце сжалось, когда я поняла, что это не её. Она уже убила кого-то, расчищая путь ко мне.

Бежать уже поздно, значит надо было уходить в оборону.

Я дернула рукав, касаясь метки и призывая силу. Ну же, память не подведи! Параллельно с этим дёрнула за нити, открываясь и зовя связку.

Последнее было зря. Они уже были рядом, сразу почувяли проблемы и неслись на помощь. Надо было лишь дождаться.

— Айвир-р-ри, — снова пророкотала Фая, начиная движение по воздуху ко мне и стекла последовали за ней. — Ты не пройдешь в Ар-р-рдан.

— Остановишь меня? — усмехнулась я, внимательно следя за каждым её движением.

Метка огнём горела на коже, вызывая такую боль, что на лбу выступили капельки пота и сердце зашло в груди. Но зато я чувствовала результат этой пытки. Теплый кокон, который медленно покрывал тело, закрыл меня своеобразным щитом, готовый отразить первый удар.

— Убью, — пообещала девушка, оскалившись в жуткой улыбке. — Последнюю из хранилищ. И надежды больше не будет!

— Это мы еще посмотрим, — прошептала я и зажмурилась, когда в меня полетела первая ледяная молния.

Это было больно. Несмотря на кокон, защиту и силы, которые потратила на его создание, удар я почувствовала. Словно разряд прошелся по коже, пронзая каждую клеточку моего несчастного тела. Вызывая слабый вскрик и жалобный стон.

Сжавшись в комочек, с трудом отдышавшись, я подняла голову, исподлобья взглянув на оскалившуюся девушку.

— Больно? — обманчиво ласково спросила Фая, подплывая всё ближе и осколки поплыли за ней, мерцая и сияя в свете солнца.

— Терпимо, — отозвалась я, сплюнув кровавую слюну на землю. — Ожидала от тебя большего.

— Это лишь разминка, — отозвалась она и снова замахнулась.

«Терпи, Айвири, только терпи!» — успела подумать я, с силой прижимая метку к груди и подбираясь, готовая к новой порции боли.

Но её не последовало.

Смазанное черно-белое пятно перед глазами и белые клыки, мелькнувшие в раскрытой пасти огромной ледяной полосатой кошки с длинным толстым хвостом, размером с хорошего быка. От её рёва у меня в ушах всё зазвенело.

Фая тут же отпрянула назад, поднимаясь выше и злобно шипя.

Они смотрелись вместе так странно, так чужеродно и неправильно. Кругом зелень, цветы, краски и голубое небо. А эти двое черно-белые и какие-то неправильные, чужие.

— Ты-ы-ы, — прошипела Фая, бросая в него подряд три молнии, от которых зверь увернулся и снова злобно зарычал, задрвав вверх морду.

В этот момент чья-то ледяная рука схватила меня за талию, а другая накрыла рот, не давая возможности позвать на помощь. Неизвестный, не взирая на защитный кокон, рванул меня на себя и потащил.

Я дернулась, забилась в чужих объятьях, пытаюсь вырваться, тормозила туфельками по земле,

барахталась, но силы были слишком неравны.

Правда далеко тащить меня не стали, отпустив у арки. Я резко повернулась, вставая на колени, готовая в любой момент подхватить юбку и убежать.

— Ты? — выдохнула удивленно, рассматривая Блейна, который сидел, морщась и дуя на покалеченные ладони, кожа на которых вздулась, покраснела и покрылась пузырями.

— Хорошая у тебя... защита, — сдавленно произнёс он и болезненно ухмыльнулся.

Выглядел мужчина не очень хорошо. Побледнел, покрылся испариной и в глазах медленно тлели уголки бывшего задора и бравлады.

— Это... это я тебя так? — прошептала испугано и поползла на коленях обратно.

— Не трогай, — зашипел мужчина и дёрнулся, упираясь спиной в каменную стену. — Конечно, ты. Кто еще мог так меня изувечить.

— Я помогу, — ответила раздраженно и испугано охнула, когда над головой пролетел здоровенный кусок льда, который разбился на части в десяти шагах от нас.

Кажется, это не самое удачное место для переговоров.

Оглянувшись через плечо, я увидела, как Фая продолжала метать ледяные молнии в тигра, так, кажется, Итан называл себя. А тот подскакивал на невероятную высоту, прыгая по стенам обители и клацая зубами.

Сглотнув, я поспешно отползла к Блейну и села за ним, так же прижимаясь спиной к каменной кладке. Здесь нас достать было сложно.

— Помогла уже, — прошипел тем временем молодой мужчина со стоном откидывая голову назад. — Её спасают, а она кусается.

— Я не тебя кусала. И вообще это не я, а защита.

— Плохая у тебя защита кстати, — заявил ликан. — Она должна была меня отбросить на десяток метров, а не сжечь кожу на руках.

— Вот потом и научишь! — буркнула я, хватая его за запястье, чуть ниже волдырей. Мужчина дёрнулся, но держала я крепко. — Спокойнее, господин ликан, я помогу.

— А сможешь?

— Думаю, это не сложнее, чем вытащить осколок льда у сердца, — съязвила я.

— Огрызаешься, — довольно усмехнулся он и зашипел, когда я коснулась живительной магией его волдырей. — Больно.

— Потерпи.

Мимо нас пролетело еще два куска льда.

— Ему надо помочь, — произнесла я, не прерывая лечение.

Волдыри постепенно уменьшались, и краснота уходила.

— Именно это я собираюсь сделать, когда ты закончишь. Так что давай быстрее. А вот и подмога.

Я вздрогнула, когда из-за угла выскочило три огромных зверя: барс, медведь и дикая кошка. Бросив на нас взгляд, они пробежали мимо, сотрясая землю.

— Ну вот, — расслабившись, произнёс Блейн и закрыл глаза. — Можешь не спешить, они и без нас справятся.

— Это Фая, им надо сказать, — пробормотала я, прервав лечение и прислушиваясь к рыкам и шуму за спиной.

— Что сказать? — насмешливо поинтересовался мужчина. — Не убивайте её она хорошая? Пусть лучше она вас придушит?

— Прекрати, — раздраженно произнесла я. — Может, получится её вернуть.

— Не получится.

— Это всё ледяные демоны...

— Она сама, — вновь оборвал меня Блейн и я вздрогнула, услышав полный боли и гнева вопль.

Попыталась вскочить, но ликан меня тут же остановил, схватив за руку. О боли в тот момент мужчина явно не думал, хотя ожоги еще не прошли.

— Не надо, — сухо произнёс он и покачал головой. — Тебе не стоит на это смотреть.

— Что здесь происходит? — к нам спешила через двор настоятельница, за ней другие преподаватели.

Довольно приличная толпа.

— Вам тоже не стоит на это смотреть, — тяжело поднимаясь, произнёс Блейн.

— Айвири, что происходит? — требовательно спросила настоятельница.

— Фаю обратил демон и она украла осколок, — ответила я, тоже поднимаясь.

Как же мне хотелось обернуться и посмотреть, что же там происходит за аркой, но мужчина не давал, перегородив собой обзор.

— Но это невозможно. Никто и никогда не пройдет священные врата с холодом в сердце, — возразила женщина.

— Совершенно верно. Она и не проходила и обращения не было. Осколок ваша девица сама взяла, — вдруг произнёс Блейн, вступая в наш разговор, — по собственной воле.

Еще один вопль раздался над замком и тут же замолк, захлебнувшись в собственной крови. Послушница внутри меня требовала броситься к ней, оказать помощь. И я буквально заставила себя стоять на месте и не двигаться.

— Вот и всё.

— Вы убили её? — ахнула сестра Агата и сложила руки в молитвенном жесте. — Убили Фаечку?

— А что? Вы бы предпочли, чтобы она убила вас? Поверьте, ваша Фаечка была на это способна, — усмехнулся Блейн.

— Прекрати запугивать их, — сухо сказал появившийся Итан.

За его спиной неподвижными статуями застыла тройка из связки. В красно-синих разводах на одежде и кусочками льда, которые быстро таяли под палящим солнцем.

— Как всё прошло? — поинтересовался Блейн.

— Грязно, — отозвался он и взглянул на настоятельница. — Мы всё убрали и зачистили. Но советую сутки там не ходить. Закройте двери и загородите здесь всё. Земля должна отдохнуть. Для неё это тоже испытание. Лучше завтра на рассвете провести обряд очищения.

— Лэр Ларкас, — повысив голос, произнесла пожилая женщина. — Извольте объясниться. Что произошло? Почему?

— Позже, — покачал головой он и перевёл взгляд на меня. — Нам надо поговорить.

— Хорошо, — вытирая ладони, о ткань юбки, отозвалась я. — Когда?

— Сейчас. За мной, — произнёс Итан отрывисто и бросил быстрый взгляд на друга. — Блейн, как руки?

— Уже лучше.

— Хорошо.

Меня тут же взяли в кольцо. Ларкас впереди, Феб и Кaleb по бокам, Джилия и Блейн сзади. И так под конвоем меня увели в крыло ликанов.

— Садись, — грубо произнесла Джил, подталкивая меня к одной из лавок.

Происходящее так вымотало меня, что я даже не особо сопротивлялась. Села, положив руки на широкий дубовый стол и взглянула на Итана, который сел напротив меня.

— У тебя кровь, — произнесла тихо, указывая на щеку, на которой алела алым небольшая царапина.

Скорее всего один из осколков попал. А ведь, если бы не быстрота реакции, то его могло и убить.

— Пройдет.

— Ты слышал? — Блейн прошелся мимо нас и сел в углу на лавке, откинувшись и вытянув вперёд длинные ноги. — Хранительница у нас.

— А я думал, что мне послышалось, — добавил Феб, присаживаясь слева от меня.

— Да какая из неё хранительница, — фыркнула Джил, вставая за спиной Итана.

Так близко, что еще немного и коснётся, проведет ладонью по сильным, напряженным плечам. Я не видела, но чувствовала её желание дотронуться до ликана, заявить свои права на него.

Я ведь отлично помнила её чувства и желания. Странно, как остальные не видели. Или не хотели видеть.

— Хранительниц больше столетия не было, — заметил Калев, продолжая стоять у дверей. — Мне про последнюю дед рассказывал. Говорят, сгинула она со всей связкой в первой же вылазке. Заманили их демоны и убили. Всё хотела портал найти.

Я невольно втянула голову в плечи, чувствуя, как поменялись взгляды, обращенные на меня. Как настороженность пришла на место любопытства.

Да, нехорошую службу услужила мне предшественница.

— Мне ничего об этом неизвестно, сама узнала правду всего пару дней назад.

Итан кивнул, продолжая меня изучать, а царапина на его лице начала медленно зарастать. Я и забыла, что ликаны обладали сильной регенерацией. Иначе бы им было не выжить в борьбе с демонами.

— Он сказал, — я кивнула в сторону Блейна, — что Фая сама взяла осколок, по собственной воле. Как такое возможно?

— Моя вина, — вдруг произнёс Феб со вздохом. — Надо было проследить.

— Ты сделал всё, что мог, о состоянии девушки доложил, — покачал головой Итан. — Они не уследили и пренебрегли безопасностью.

— Да при чем тут безопасность, — качнула головой девушка, бросив на меня еще один неприязненный взгляд. — Из-за неё всё. Вы представляете, что будет, когда мы вернёмся в Ардан? Все демоны сбегутся на её силу. Она же как мёд для мух, всех на себя притащит. А мы не выстоим. Особенно сейчас, когда Блейн едва живой, а... Наяза больше нет.

— И что ты предлагаешь? — поинтересовался волк. — Убить её? Чтобы демонам не досталась? И свои шкуры спасти?

Я вздрогнула и невольно подобралась.

— Ты чего такое говоришь? — осадил родственника Феб.

— Мы должны от неё отказаться! Пусть дадут другую. Если она в обители такое натворила, то в Ардане всё будет намного хуже. А я не собираюсь погибать только из-за того, что Лаари решила подарить миру последнюю хранительницу! — заявила воительница.

— Успокойтесь! — отрезал Итан. — Айвири, тебе не стоит бояться, мы тебя не обидим.

— Что-то уже сомневаюсь, — пробормотала я. — Поверьте, я тоже не обрадовалась этой новости и с радостью бы осталась здесь в обители. Но это не от меня зависит и не от вас.

— Она права, — заметил за моей спиной Калев.

— Я не согласна! — вспыхнула Джил, откидывая назад толстую косу. — Нельзя ей с нами. Пусть годок потренируется, наберется сил, получит знания и приходит. А мы как-нибудь справимся пока.

— Если завеса раньше не рухнет, — вставил Блейн.

В комнате опять стало тихо, я изучала узоры на столешнице, они изучали меня.

— Та девушка, Фая, — вдруг тихо произнёс Итан, и я подняла глаза, встречаясь со стальным

взглядом мужчины. — Она не смогла пережить тяготы Ардана и сдалась. Не знаю, как оправдать её, какие слова найти, но она сдалась и совершила ошибку. Не смогла жить с этим грузом и решила всё закончить. Здесь и сейчас. Сама, по собственной воле добыла осколок и приняла ледяную магию. Надеюсь, что она заберёт её боль и тоску. Мы предупредили настоятельницу. Ты, наверное, успела заметить, что Фая во время путешествия находилась отдельно от остальных.

Я кивнула:

— Мне сказали, что она всё время плачет и спит.

— Так и было. Подобное случалось и раньше, но мы успевали остановить девушек, вернуть их к жизни. То ли сыграл свою роль осколок, то ли твоё появление, но в этот раз не получилось, — продолжил мужчина. — В любом случае твоей вины здесь нет.

— И что теперь?

— Теперь? — переспросил он и протянул мне через стол руку. — Теперь, добро пожаловать в команду, Айвири. Теперь ты одна из нас.

Некоторое время я еще изучала его ладонь, большую, чуть шершавую, с грубыми мозолями, а потом несмело вложила в неё свою руку.

— Хорошо. Спасибо.

Итан чуть сжал её и ободряюще улыбнулся. Сталь в его глазах превратилась в серую дымку, укутавшую меня словно облачком, даря уверенность и спокойствие.

И так некстати вспомнился сон. Лепестки розанов, падающие с ветвей и алая лента, крепко обвивающая наши запястья.

Лаари, неужели это никогда не кончится и эти картинки будут преследовать меня до конца дней?

— Кандиру видела? — вдруг резко спросил Блейн, заставив вздрогнуть и вспомнить, где мы находимся.

Мы тут же разомкнули наше рукопожатие и синхронно взглянули на ликана. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы сориентироваться и ответить на вопрос.

— Да. Она мне всё рассказала и показала, — произнесла я и прочистив горло, спросила ни к кому конкретно не обращаясь. — Выходит старый портал теперь кочует?

Лучше говорить о предстоящей работе, чем мечтать о том, что не суждено сбыться.

— Да, они теперь всё время меняют его местоположение, — отозвался Калев. — Поэтому выйти на его след очень сложно.

— Как и выжить, — вставила Джил, от которой не укрылся наш обмен взглядами. — Демоны стерегут портал. К нему и раньше было сложно подобраться, а сейчас практически невозможно.

— Но вы всё равно ищите, — сцепив руки в замок, заметила я, всё еще ощущая на своей коже тепло его прикосновения.

Так хотелось поднять глаза и взглянуть на него, снова утонуть в серебряной дымке, потеряться и забыть обо всём. Может, это какая-то магия? Иначе как объяснить эти ощущения?

— Другого выхода нет, — ответил Итан, поднимаясь, а я продолжила изучать свои руки. — Ты останешься здесь вместе с нами. Под нашей защитой.

— Я не могу, — покачала я головой.

— Это не обсуждается. Нам всем будет спокойнее. Ты слишком ценна для этого мира, Айвири. И мы не можем допустить еще одну ошибку. Она может оказаться фатальной.

— Но там мои вещи, — попробовала возразить я не слишком уверенно.

— Их принесут. Ты голодна?

— Нет, спасибо.

— Все выходы и встречи будешь согласовывать лично со мной. Без сопровождения никуда, — продолжил мужчина и я чуть скривилась.

Слишком суровые меры. Да, обращение Фаи было серьёзным испытанием, но теперь всё позади.

— Феб, — продолжил Итан. — Ты и Калев останетесь здесь. Мы с Блейном поговорим с настоятельницей.

— Я могу и тут остаться, — вдруг ответил Серый, изучая мой профиль. И щека всё сильнее загоралась от этого взгляда. — А Калев сходит вместо меня.

— Ты пойдешь вместе со мной, — с нажимом повторил молодой мужчина. — Джиллия, надеюсь мы друг друга поняли?

— Да, — нехотя ответила девушка.

— Тут же есть свободные комнаты. Выдели одну из них Айвири, — заявил командир, до того, как уйти.

— Хорошо.

Стоило им двоим уйти, как сразу стало легче. Я даже вздохнула поглубже, чем привлекла к себе внимание. И они его расценили его по-своему.

— Устала? — заботливо поинтересовался Калев.

Я тут же мотнула головой, но на это никто не обратил внимание.

— Джил, надо устроить девочку. Такое испытание для неподготовленной, а она ведь только недавно посвящение прошла. Еще без чувств свалится.

— Со мной хорошо, — поспешно вставила я. — Правда.

Идти в комнату и сидеть там остаток дня совершенно не хотелось. Я только выбралась из одного заточения не для того, чтобы оказаться в другом. Ну уж нет, мне нужно солнышко, голубое небо и аромат луговых цветов, а еще зелёная травка, на которой можно было полежать в тени розанов.

— Знаете, я, пожалуй, поела бы, — быстро произнесла я, решив таким образом оттянуть заточение.

— Сейчас попрошу принести чего-нибудь, — поднимаясь, ответил Феб.

— Спасибо.

Но кого я точно не ожидала увидеть с деревянным подносом в руках, так это молодого княжича Аули черноволосого Аймата.

Гордый темноглазый княжич в светлой рубахе с красивой вышивкой у горла, подпоясанной широким ремнем, был удивлён не меньше моего. Но надо отдать ему должное, удержать себя в руках он смог. Лицо окаменело и взгляд заледенел и только.

Я такой выдержкой не обладала. Медленно поднялась, не отрывая взгляда от его приближающейся фигуры. Хотела что-то сказать, но все слова кончились.

Как такое возможно? Гордый южный красавец и вдруг тут в обители, среди ликанов, да еще мне подносы с едой носит.

Молодой мужчина поставил передо мной поднос и даже сумел выдавить:

— Приятного аппетита.

После чего развернулся и вышел.

Я еще некоторое время смотрела ему вслед, а потом вскочила и бросилась за ним.

— Куда собралась? — спросила Джил, преградив мне путь.

— Мне нужно с ним поговорить.

— Итан же сказал, что только с его разрешения, — ответила девушка, ухмыльнувшись.

Да что ж это такое.

— Я же сказала, — ледяным тоном, который позаимствовала у мачехи, ответила я. — Мне нужно просто поговорить. Я послушница, но не ваша заложница. Командир велел охранять меня, так охраняй, а не сажай в клетку, прикрываясь заботой, которой нет.

— Ты как со мной разговариваешь, — процедила она.

— Джил, успокойся, — попытался вмешаться Феб.

— Так же, как и ты со мной, — спокойно ответила я. — Мне просто надо поговорить. Хочешь пойти со мной, иди. Только не мешай. Хотя, — обернувшись, взглянула на застывших рядом мужчин, — я бы предпочла компанию Калеба.

— Джил, она права, — кивнул гризли, пригладив бороду. — Ну хочет она с княжичем поговорить, так что такого?

— Перед Итаном сами будете отчитываться, — прошипела она, отступая.

— Несомненно, — бросила я, прежде чем выйти.

В коридоре на мгновение замешкалась, не зная куда идти.

— Он скорее всего туда пошел, — показывая налево, заметил Калев, становясь совсем рядом.

— Откуда знаете?

— Одиночка он, даже с другими княжичами мало общается. Больше один да один. А там выход во внутренний дворик, — пояснил ликан.

— А много здесь еще княжичей? — спросила я, поворачивая налево.

— Кроме него? Пять штук.

Значит, Итан получил то, что хотел и наказал князей за моё сокрытие.

— Ты не горюй, девонька, — заметил мужчина. — Не из-за тебя всё это. Ты лишь предлог. Давно надо было княжичей взять, завесу подправить. Истончается она. Пусть приезжали, проверяли, а всё не так. Новая кровь нужна и сила.

Я лишь кивала, продолжая путь. Мимо нас прошли ликаны, которые почтительно склонили головы перед Калевом, бросив на меня заинтересованный взгляд.

Как мужчина и сказал, мы вышли на небольшую террасу, едва не столкнувшись с входящим молодым ликаном.

— Извините, — произнёс он, попятившись.

Я лишь кивнула, выходя и быстро осматриваясь.

Небольшой дворик с сочной зелёной травкой, ковром устилающей землю, на которой лежали полуголые ликаны, щурясь от яркого солнца. Им, привыкшим к холоду и стуже, такая погода была лишь в радость. Увидев меня, они повскакивали, пытались нащупать рубашки и прикрыться.

Кажется, мне удалось смутить их.

— Прошу прощения за беспокойство, — ответила я, быстро осматриваясь. — Мне нужен княжич Аймат.

— Так это... он там, — произнёс сероглазый мужчина с короткой бородкой, выплюнув колосок, который грыз до моего прихода, и указал на раскидистый дуб, который рос у самой стены.

— Спасибо, — ответила я.

Аймат вышел из тени дерева и хмуро наблюдал, как я шла к нему, маневрируя между ликанами.

— Еда не понравилась? — едко спросил он.

— Калев, ты не возражаешь, если мы поговорим наедине? — спросила я, обернувшись к своему сопровождающему.

— Да как скажешь. Тут посижу в сторонке, кости погрею на солнышке, — дружелюбно отозвался тот, подмигнув мне.

— Что вам надо? Ждете извинений? — тут же пошел в нападение княжич.

— Нет, это я хотела извиниться перед вами. За то, что своим поступком сломала вашу жизнь. Мне жаль, — выпалила я и застыла, ожидая ответа.

— Жаль? — переспросил княжич и даже побледнел от гнева. — Жаль?

— Осторожнее, — напомнила ему. — Сопротивляться я не стану. Хотите ударить, ударьте. Я и другую щеку подставлю. Но им не понравится. Я послушница. Седьмая в связке. Вы же понимаете, что это значит.

Кивнул и убрал руки за спину, пытаясь прийти в себя.

— Кто бы мог подумать, что одна ошибка может так всё изменить, — пробормотала она, смотря куда-то в сторону.

— Жизнь на этом не заканчивается.

Аймак снова взглянул на меня и губы скривились от усмешки.

— А вы изменились. Ничего не осталось от милой, скромной служанки, послушной княжны и кроткой целительницы, — вдруг заявил он.

— Этот отбор изменил не только вашу жизнь, — ответила я.

— Возможно, ответил и внезапно вздрогнул.

И не только он. Мы всё.

Не знаю, как объяснить это чувство. Будто ледяной ветер пронесся над всем миром, зазвенел, застучал, заставив задрожать всем телом и зажмуриться на мгновение, пытаясь согреться.

— Что? Что это? — шумно задышал Аймак, опираясь рукой о ствол дерева.

— Завеса, — прохрипела я, согнувшись пополам и обнимая себя. — Завеса... она треснула.

Конец 1 тома.